

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Омский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Иванова Антонина Владимировна

КНИГА: МОДУСЫ БЫТИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ

специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры
(философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Научный руководитель: **Нефедова Людмила Константиновна**
доктор философских наук, профессор

Омск – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Модусы бытия книги.	11
§ 1. Понимание книги в культуре.	11
§ 2. Вещное бытие книги.	27
§ 3. Символическое бытие книги.	57
Глава II. Культурные смыслы книги.	85
§ 1. Книга и текст: функциональные оппозиции.	85
§ 2. Дифференциация субъектности книги.	102
Заключение.	129
Литература.	131

Введение

Актуальность исследования модусов бытия и культурного смысла книги обусловлена спецификой современной культурной ситуации: натиском техногенной цивилизации, которая агрессивно влияет на все проявления культуры, в том числе и на древнейшую культурную вещь – книгу. В связи с этим необходимо осмысление аспектов бытия книги как культурной вещи, как фактора и результата развития культуры, как способа архивации знания.

Книга осуществляется в гармоническом единстве предметного и духовного начал. Философское осмысление данного единства может способствовать преодолению кризиса культуры хотя бы частично, по ряду позиций, например, через процессы инкультурации и социализации, которые, как правило, связаны с книгой. Экспансия техногенных факторов в сферу традиционных культурных форм ставит их в условия выживания, проверяя их на прочность. Книга как традиционная культурная форма находится в двойственном положении. С одной стороны, книга стремится к адаптации в новейшей культурной парадигме, но в то же время она начинает проявлять установку на сдерживание инноваций современной текстуальности. Возникает потребность в определении новых методологических доминант, адекватных современной действительности в условиях преобладания текстуальности.

Исследование модусов бытия и культурных смыслов книги актуально с позиции философии культуры, так как книга чрезвычайно широко представлена в современной культуре, но, с другой стороны, книга как феномен культуры сегодня переживает трансформации своей предметности и содержания, а, следовательно, нуждается в подтверждении своей культурной значимости. В изобретательности данных книжных трансформаций прослеживается ориентация на сохранение неотъемлемых, ценностно-ядерных свойств книги.

Актуальность философского изучения книги обусловлена также и ее эпистемологической значимостью в культуре. Будучи одной из форм фиксации и сохранения знания, книга тождественна тексту, но, являясь формой его

предметного представления, дифференцирована от него. Исследование трансформаций книги в условиях появления ее электронной версии позволит выявить собственно феномен книги в совокупности его сущностных характеристик в историческом становлении. Недифференцированность книги от текста в современной культуре лишает ее авторитетного положения, книга перестает восприниматься в единстве ее предметно-вещного и духовного содержания, а, следовательно лишается своего статуса в пользу позднейших форм виртуальной текстуальности. Раскрытие проблемы взаимодействия книги и текста как специфичного способа фиксации знания расширяет представление о эпистемологическом статусе книги.

Пересмотр идеи книги актуализирует давно возникшее противостояние культурных форм: книги и архитектуры, живописи, музыки, кино, интернета – и даёт возможность определить ее ценностные смыслы.

Осмысления требует и субъект книги, как фактор ее трансформаций. Субъектность книги находит свое выражение, как в практике создания книги, так и в практике её чтения, которые также нуждаются в философском осмыслении.

Ускорение темпов технологического процесса не просто предупреждает о грядущих радикальных изменениях в культуре, но угрожают полной элиминацией некоторых культурных форм. На место книги претендует интернет, однако, культурный потенциал книги не сводится к ее материальной функции вместилища информации, о чем свидетельствует ее укорененность в качестве метафоры. Сама идея книги встраивает ее в глобальную научную и художественную парадигму, что также нуждается сегодня в философском осмыслении. Вопрос о роли книги в культуре это вопрос о ее сущности и перспективах.

По своему заостряет проблему книги одновременное наличие нескольких ее исторически обусловленных форм – свитка, кодекса и электронной книги, что знаменует собой их конфликтное бытие, которое возможно приведет к триумфу инновационной формы и упразднению традиционной, что чревато риском утраты существующих культурных способностей и практик.

Таким образом, многомерное философское исследование книги как одной из культурных форм является своевременным.

Степень изученности проблемы.

Отдельные аспекты феномена книги рассматривались в книговедческом, филологическом, литературоведческом, культурологическом, источниковедческом, кодикологическом, палеографическом знаниях.

Вещная природа книги исследована в трудах: в материальном аспекте у А. Августина, Дж. Беркли, Дж. Локка, Г. В. Ф. Гегеля, П. А. Флоренского; в текстуальном аспекте у Боэция, Т. Гоббса, Ю. М. Лотмана, Платона, И. Г. Фихте, Л. Фейербаха, М. Фуко. При этом в вещном бытии книги акцентирован предметно-действенный аспект у Ф. Бэкона, Х.-Г. Гадамера, Г. Галилея, Д. Дидро, И. Канта, Н. Кузанского, У. Эко. Вопросы вещной природы и истории книги изучали В. Бычков, Е. Ю. Герчук, Ю. Я. Герчук, А. Я. Гуревич, Ж. Ле Гофф, Л. Ле Ферв, Ж. Дюби, А. П. Каждан, Г. Кавало, Ж.-К. Карьер, М. Г. Маклюэн, А. Мангель, Ф. Мэйден, Дж. Нанберг, А. П. Панченко, Б. В. Сапунов, Д. В. Сарабьянов, Р. Шартье.

Семантика книги со стороны мотива и ее метафоры рассмотрена в трудах С. С. Аверинцева, Ф. Аквинского, Р. Барта, Г. Башляра, Х. Л. Борхеса, В. Бычкова, Г. Галилея, Ж. Деррида, Э. Жильсона, Н. Кузанского, Ю. М. Лотмана, С. Малларме, Н. Б. Мечковской, В. Ф. Й. Шеллинга, У. Эко. Смыслы книги представлены в работах Г. Бидерманна, Х. Э. Керлота, Г. Керна, Дж. Купера, Дж. Холла. Активно использовали и разрабатывали метафору книги в своем творчестве писатели Х. Л. Борхес, В. Я. Брюсов, Г. Я. К. Гиммельсгаузен, А. Данте, Х. Кортасар, М. Павич, М. Пруст, С. Малларме, Г. Г. Маркес, С. Черный, Дж. Чосер, У. Шекспир, С. Эйзенштейн, У. Эко и многие др. Мотив и метафора книги представлена в творчестве скульптора Г. Брускина, художников Р. Гонсалеса, М. Дени, Б. Кершисника, Ж.-Б. К. Коро, П. Пикассо, П. О. Ренуара, Н. К. Рериха.

Осмысление субъекта книги (автора, писателя, читателя) есть в трудах В. Ф. Асмуса, Р. Барта, М. М. Бахтина, М. Бланшо, П. Бурдьё, Г. Гессе, Н. С. Гумилева,

М. Кундеры, Д. С. Лихачева, М. К. Мамардашвили, Л. К. Нефедовой, М. Пруста, С. Сонтаг, А. Н. Толстого, Д. М. Федяева, М. Фуко, А. Шопенгауэра, У. Эко.

Книга как культурная форма исследована С. С. Ванеяном, А. А. Генисом, Г. В. Ф. Гегелем, Х. У. Гумбрехтом, В. Гюго, И. Т. Касавиным, Ю. М. Лотманом, М. Г. Маклюэном, Н. Б. Маньковской, А. В. Михайловым, М. Розановой, В. А. Фаворским, Л. Фейербахом, П. А. Флоренским, Т. В. Чередниченко, А. Шопенгауэром.

Аспекты осмысления будущности и перспектив развития книги в культуре представлены у М. Бланшо, Ф. Гваттари, Г. В. Ф. Гегеля, А. А. Гениса, Б. Гройса, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Вяч. Вс. Иванова, М. Маклюэна, В. С. Невелевой, Л. А. Орнатской, Э. Тоффлера, М. Фуко, У. Эко.

Тем не менее, будучи изучаемой в аспектах своего вещного начала историей книги и искусствоведением, книга не была исследована как самостоятельная культурная форма с позиций философии культуры, как это было с архитектурой, живописью и т. д. Несмотря на широкий круг ученых, философов, исследовавших книгу в различных ее аспектах, книга не рассматривалась в единстве ее вещного и символического модусов бытия. В философском дискурсе понимание книги часто носило имплицитный и комплементарный характер, в связи с чем предшествующий дискурс книги не был проблематизирован и аспектологизирован. Собранный у представленных ученых материал стал основой для выявления универсального начала феномена книги, для представления ее как целостного культурного феномена..

Не сконструировано также и целостное философское понимание культурных смыслов книги. Метафоры книги хотя и были установлены, но их генетическое единство и семантические оттенки не были исследованы, отсутствует их рефлексия, вне поля зрения остались постмодернистские метафоры книги. Проблема книги как вещи и как метафоры в культуре носит неотрефлексированный характер, и поэтому существует необходимость философского описания сущностных различий материального и идеального

аспектов феномена книги. Постмодернистская философия возвещает о конце, исчерпанности книги и ее культурной функции, с чем однако нельзя согласиться.

Таким образом, необходимо осмыслить субъекта книги в единстве культурных практик ее создания и потребления.

Исследование соотношения книги и текста с позиции частного научного знания оставляет понимание феномена книги в тупике невыразимости, не позволяя дифференцировать книгу и текст. В целом существующий имплицитный и явный общегуманитарный дискурс книги требует философской проблематизации с позиций ее бытия и культурных смыслов.

В связи с этим возникает **проблема** прояснения онтологического статуса книги, которая может быть сформулирована в вопросах: какова специфика модусов бытия книги? каковы культурные смыслы оппозиции книга-текст? Какова сущность субъектности книги?

Цель исследования заключается в выявлении культурных смыслов книги, определенных в единстве ее вещного и символического модусов бытия, дифференцирующих оппозицию книга-текст, для которой существен субъект.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие взаимообусловленные **задачи**:

1. Исследовать диалектику трансформаций книги в ее предметно-вещном и символическом единстве.
2. Выявить специфику модусов вещного и символического бытия книги.
3. Исследовать символическое бытие книги через комплекс ее метафор, сложившихся в истории культуры.
4. Охарактеризовать субъектность книги и представить типологию ее субъекта.

Научная новизна исследования:

1. Книга рассматривается как нерасторжимое единство книжной формы и текста, представленное в виде вещного и символического модусов её бытия. Вещный модус выражен предметно-материально, предметно-текстуально и предметно-действенно, проявляя предметные трансформации книги и указывая на

тождественность форм свитка, кодекса и электронной книги. Символический модус выражает ценностные культурные смыслы книги.

2. Раскрыта и обоснована онтологическая семантика книги, выражаемая символическим модусом бытия книги, который определяет ее материальное бытие и обретает форму знания в его прагматической, мифологической и игровой модификациях, выражающих сущность книги как способа архивирования знания, задачу книги – инициации семиозиса приращением знания.

3. На основе символического модуса бытия книги и процессов письма-чтения выявлены сущностные характеристики субъекта книги, разработана его типология, раскрыто его сакрализованное и десакрализованное отношение к книге.

4. Определены основные факторы объективации текста в книгу, снижающих его энтропию: повтор текста, его избыточность и поиск собственной завершенности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности на основе сделанных выводов и положений преодолеть бытовое представление о книге в пользу культурфилософского, осознать уникальность и универсальность ее культурной ценности, следовательно, и ее незаменимость в культуре; способствовать формированию установок адекватной оценки перспектив книги в изменяющейся культурной парадигме.

Исследование вещного и символического модусов бытия книги дает универсальное основание для исследования феномена книги в рамках культурологии и ряда частных дисциплин.

Практическая значимость состоит в том, что материалы работы могут быть использованы в преподавании гуманитарных предметов, служить в качестве основы для разработки соответствующих спецкурсов по философии культуры для студентов.

Методологической основой исследования являются:

– Диалектический метод, с помощью которого стало возможно исследовать вещное и символическое бытие книги, диалектика позволила дифференцировать вещный и символический аспекты книги в их взаимодействии.

– Феноменологический метод, раскрывающий сущностные характеристики книги в ее историческом бытии, ее целостность, универсальность и уникальность книги как способа архивации знания.

– Герменевтический метод, реконструирующий понимание культурных смыслов книги в истории гуманитарного дискурса.

– Сравнительно-исторический метод, позволяющий выстроить историческую парадигму осмысления книги.

– Системный метод, дающий возможность осмыслить ключевые аспекты бытия книги с точки зрения науки и культуры в целом на примере истории осмысления книги, включая ее философскую, культурологическую, филологическую рефлексию.

– Семиотический метод, предоставляющий возможность изучить книгу как знак реального мира.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Феномен книги представлен в двух модусах её бытия: вещном и символическом, в их взаимопроникновении друг в друга, взаимодействии друг с другом, определяющих тождественность книги самой себе, независимо от всех ее трансформаций. Вещное бытие книги выражается предметно-материальным, предметно-текстуальным и предметно-действенным модусами. Символическое бытие книги объективирует модификации прагматического, мифологического, игрового знания.

2. Культурный смысл книги коренится в развитии материальных форм книги как способа оформления основных архетипов знания в его прагматической, мифологической, игровой модификациях и определяется включением в семиозис ее классической и неклассической метафоры, являющейся результатом конструирования внешнего и внутреннего мира человека как модели книги.

3. Субъект книги имеет дуальную природу: писателя и читателя, функции которых взаимно дополняют друг друга. Писатель считывает смыслы действительности, фиксирует их, читатель прочитывает смыслы книги, овладевает ими. Типы писателя и читателя (дитя, наблюдатель, исследователь,

завоеватель, пророк, прагматик, утилитарист, эрудит) изоморфны, тождественны и различны, что определяется спецификой культуры письма и чтения.

4. Оппозиция книга-текст снимается субъектом книги и характеризуется приращением функциональности как для книги, так и для текста. Текст утрачивает свою процессуальность, но обретает фундаментальность. Книга перестает быть только вещью, необходимой формой и становится пространством и временем текста. Книга сообщает тексту свойства постоянства, структурности, явленности и зримости.

5. Дано определение книги: книга – это единство вещного и символического начал, фиксирующих знание в его прагматической, мифологической и игровой модификациях, иницирующее приращение семиозиса новыми смыслами через деятельность субъекта, выраженную в процессах письма и чтения.

Апробация результатов диссертационного исследования проходила в ходе чтения лекций по дисциплинам «Культурология», «Философия». Основное содержание работы было представлено во время очного и заочного участия в научных и научно-практических конференциях всероссийского уровня: «Реальность. Человек. Культура» (Омск, 2010, 2011), «Православие и русская культура: прошлое и современность» (Тобольск, 2011), «Визуальная культуры: дизайн, реклама, информационные технологии» (Омск, 2011), «Встречи и диалоги в смысловом поле культуры» (Омск, 2011), «Визуальные образы современной культуры: уральско-сибирские диалоги» (Омск, 2012, 2013), «Слово – образ – текст – контекст» (Одинцово, 2013).

Основные положения диссертационного исследования были отражены в 3 публикациях автора в изданиях, входящих в перечень ВАК: «Омский научный вестник», «Теория и практика общественного развития» и «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки».

Структура и объем исследования отвечает общей идее работы и состоит из введения, двух глав, первая из которых разделена на три параграфа, и вторая – на два параграфа, заключения и списка литературы, включающего 234 наименований. Работа изложена на 149 страницах компьютерной верстки.

Глава I. Модусы бытия книги

§ 1. Понимание книги в культуре

В настоящей главе предстоит рассмотреть значение книги в частнонаучном и философском дискурсе. Необходимо провести анализ происхождения и употребления понятия книга в различных языках и сферах культуры с тем, чтобы выявить специфику книги в ее историческом становлении.

Основу культуры составляет «негенетическая память» человечества, которая раскрывается в культурных формах. Книга как ключевой феномен культуры способна быть этой внешней памятью.

Книга существует как материальный объект, вещь, которая функционирует в системе других культурных объектов, взаимодействует с ними, поскольку находится с ними в единстве означаемого.

Происхождение самого слова книга проливает свет на ее сущность, но отсутствие общепризнанного источника указывает на то, что условия возникновения имени книги в различных языковых культурах не одинаковы исторически, семантически и синтаксически. Буквосочетание [кн-] имеет фонетически сходный облик с древнегреческим [γνω-] («понимание», «знание») и латинским gnaritas («знание»), а также в английском know («знать»), cognize («познавать»).

Общеславянское кѣнига, по мнению лингвистов, может иметь несколько истоков: прежде всего, указывают на заимствование из древнетюркского, в котором künig – «свиток», из дунайско-болгарского – «бумага»¹.

В английском book связывают с древним bōc от германского buch, что значит «бук», дерево, на коре которого наносились руны. Этимология английского book связывается со словами, имеющими значение «гнуть, связывать (чарами)», например в узел, что указывает на соотношение письмен с ткачеством, а также «вырезать»,

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 тт. Т. 2 (Е-Муж). М., 1986. С. 262-263.; Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989. С. 179-180.

например, вырезать письма. Древнеанглийское *buc*, «живот» обнаруживает связь с записыванием и последующим проглатыванием писем в языческой традиции¹.

Древнегреческое *βιβλος* в первом значении имеет в виду «кору, папирус», и лишь потом во втором значении – «книгу, сочинение». В латинском книга – *liber* – также изначально «луб, лыко», и во втором значении «книга, сочинение»². Слово *liber* происходит от круга свободных искусств эллинистической Греции, которое, начиная со Средних веков, воспринималось как производное от слова свободный, доступный свободному гражданину, то есть слово *liber* начало включать в себя социальную семантику. Таким образом, основными признаками, выявленными в ходе анализа лингвистического материала, фиксируется наиболее древняя семантика книги в ее материалистическом восприятии: то, что сделано из бумаги, коры, то есть принадлежность природному миру, также ее спиритуалистического начала, связанного с культом и жречеством как носителя тайного знания.

Определение понятия книги не раз вызывало затруднение по разным причинам. Прежде всего, это было вызвано многообразием письменных источников: от надгробного камня до экрана компьютера.

В литературоведении книга рассматривается, во-первых, как печатное издание, во-вторых, как крупная часть литературного произведения, и наконец, как жанровое понятие (Книга мертвых, Книги Ветхого Завета, Книга джунглей)³. Для литературоведения важен тот аспект книги, который проявляет развитие самой литературы, изменение литературных стилей, поэтому, в литературоведении исследуется, прежде всего, содержательная сторона книги, которая, согласно данной науке, провоцирует рассмотрение книги как вещи в свете жанрово-стилистического процесса. То есть социально-исторические факторы литературной деятельности определяют исследование книги как способа наиболее адекватного воспроизведения литературного процесса: форматов книги, книжной графики, шрифтопостроения и т.д.

¹ Маковский М. М. Историческо-этимологический словарь английского языка. М., 1999. С. 68-69.

² Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 589.

³ Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. С. 368.

Источниковедение как историческая наука изучает книгу в качестве источника – целостного системного объекта и продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры, системы отношений человек-произведение-человек. Для практики источниковедения книга является эмпирическим материалом, который может сообщать о характере социально-культурной обстановки того или иного исторического момента, как безмолвный свидетель времени. В источниковедении книга важна и как материальный объект, признаки которого соотносятся с той или иной эпохой, например, изучение процесса изготовления связывает данную книгу с отдельным хронологическим отрезком. На этом основании выделяются более частные дисциплины, такие как кодикология, изучающая рукописные книги, палеография, изучающая историю письма. Для истории книга представляется материальным фактом, отсылающим к определенному времени и месту в прошлом¹.

Очевидно, что изучением книги занимается множество дисциплин, которые конструируют свои концепции книги, однако, специфика той или иной дисциплины накладывает определенные смысловые оттенки. Книговедение как наука пытается выработать общее понимание книги, но, тем не менее, в силу своей комплексности определяет книгу в контексте истории, социологии и технологии, не выявляя ее сущностные черты. В книговедении книга признается «фундаментальной категорией» и «объективным явлением социальной действительности»². Как научное знание о книге, книговедение обращается к книге больше как к технологическому и социологическому процессу, нежели как к культурному феномену: ее интересуют такие аспекты как создание (технология), распространение (экономика) и функционирование (социология).

Будучи неотъемлемой частью культуры, книга должна рассматриваться как базисный феномен, воплощающий саму суть культуры, так как книга является одной из основных форм выражения. Представляя собой символический образ

¹ Источниковедение. М., 1998.

² URL: <http://hi-edu.ru/e-books/xbook011/01/title.htm>

культуры, книга должна изучаться наряду с прочими феноменами культурной жизни: архитектурой, скульптурой, музыкой, живописью и т.д.

Профессиональное полиграфическое определение книги рассматривает ее как непериодическое текстовое издание объемом выше 48 страниц¹; это определение значительно сужает число объектов, именуемых книгой, но вместе с тем исключает те, которые, несомненно, являются книгой. Это связано с тем, что исторически книга претерпевает значительные трансформации в технике ее создания, воспроизводства и использования. Таким образом, в ряд объектов, именуемых книгой, следует включить древнюю форму – свиток, книгу на каменных скрижалях, и современную форму – экран (электронная книга).

В истории философии многие авторы приходили к самым разным выводам в отношении книги.

Платон, размышляя о книге, отрицает необходимость книги в качестве дополнительной помощи памяти и утверждает, что она есть суррогат памяти. Так объясняет Платон свое негативное отношение к изобретению: «припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания»². Однако, как пишет Диоген Лаэртский, Платон желал оставить о себе память как в друзьях, так и в книгах³.

Сенека в своих письмах к Луцилию пишет о книгах, как о путешествиях и призывает воздержаться от «бродяжничества и непоседливости»⁴.

Для Аврелия Августина книга это медиум, который способен физически воздействовать на читателя: «некоторые полные содержания книги, обдавая нас, как говорит, Цельсин, благовониями Аравии, оросили мельчайшими каплями драгоценнейших масел этот огонек, – они раздули пожар невероятный»⁵. Он относит книгу к условным знакам, сохраняющим и удерживающим наблюдения⁶, однако, разделяет книги мирской премудрости и душеспасительные книги. Свое же творчество

¹ URL: poligrfslvar.ru/article_282.htm

² Платон. Федр // Платон. Диалоги. М., 2011. С. 276-349. С. 343.

³ Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 2011.

⁴ Древнеримская философия. М., 1999. С. 381.

⁵ Августин А. Об истинной религии. Минск, 1999. С. 50.

⁶ Там же. С. 289.

А. Августин, как всякий средневековый автор, называет службой перед лицом Бога. А. Августин именуется мир книгой, которую пишет Бог и которая и есть Бог.

Боэций понимает книгу идеалистически, вопреки общей средневековой установке о ценности книги как культового объекта. Философия обитает в душе, а не в «стенах библиотеки, украшенной слоновой костью и стеклом»¹, поэтому ценность книг заключается в мыслях, содержащихся в них.

В Новое время философы, обращая свой взор на природу, в дуалистических традициях средневековья сравнивают ее с книгой Бога. Н. Кузанский пишет, что находит «уместным уподобление мира письменам книги, в которой ни язык, ни начертания букв не известны»². Незнание этих знаков скрывает божественную силу, поэтому можно получить лишь фактическое знание, так как приоткрывается не сам смысл написанного, но откровение величия Бога. Отличие его мысли от средневековой заключается в том, что эмпирическое познание есть книга чувственно постигаемых вещей, через которые проявляется божественное, открывается путь практического познания, ведущего к знанию природы и ее свойств, демонстрирующих божественное, но не раскрывающего само божественное, поэтому нововременная наука принимается изучать «великую книгу природы, которая и составляет настоящий предмет философии»³. Кроме метафоры природы, книга у Н. Кузанского служит метафорой всякой чувственно постигаемой вещи: «книги чувств, в которых через чувственные фигуры описано намерение божественного интеллекта». Н. Кузанский, кажется, впервые напрямую заговорил о книге, как утилитарной вещи. Он рассуждает о потенциале книги относительно человеческого ума, который превосходит всякую книгу, но книга есть самоцель обнаружения ума: «ум есть как бы мыслящая книга, понимающая намерение и в самой себе, и в другом»⁴.

¹ Боэций. Утешение философией М., 1990. С. 201.

² Кузанский Н. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М., 1979. С. 351.

³ Галилей Г. Избранные произведения в 2 тт. Т. 1. М., 1964. С. 99.

⁴ Кузанский Н. Сочинения в 2 тт. Т.2. М., 1980. С. 428.

По мысли Г. Галилея, книги уступают живой беседе, поскольку «возбуждают в тебе тысячи сомнений и не разрешают ни одного»¹. Называя книги мертвыми, Г. Галилей идет против средневековой схоластической традиции и возвращается к диалоговой форме повествования античности в собственном творчестве.

Ф. Бэкон упоминает две книги, избавляющие человека от заблуждения: книгу Писания и книгу Природы, которые отражают уровни человеческого познания. Книга Природы есть подготовительное пособие по обучению общим законами мышления и речи для того, чтобы понять смысл книги Писания и развития веры². Свойства запечатленности и тварности позволяют ему сравнивать мир с книгой Всемогущего. Книга как предмет есть один из трех объектов, на которые направлена деятельность, способствующая развитию науки: «ведь подобно тому, как вода, образуемая из небесной росы или бьющая из источников, легко может испариться и исчезнуть, если не собрать ее в какие-то водохранилища, где она, соединяясь и скопляясь в одном месте, могла бы сохраняться и сама поддерживать свое существование, также и эта драгоценнейшая влага знания, истекает ли она из божественного вдохновения или возникает из чувственных восприятий, очень скоро целиком погибла бы и исчезла, если бы ее не сохраняли в книгах...»³. Ф. Бэкон предполагает два вида деятельности с использованием книги – создание библиотек и переиздания книг с корректировкой и комментариями. Изобилие книг – показатель роскоши, но более необходима умеренность посредством, как считает Ф. Бэкон, не уничтожения, но написания лучших книг⁴. Поэтому Ф. Бэкон находит изобретение книгопечатания прекраснейшим, так как оно «содействует распространению знаний»⁵. Новым в понимании книги Ф. Бэконом является то, что помимо прямого восприятия величия Бога в явленном им творении – Книги Природы, – человек предпринимает активные действия по отношению к ней, он становится автором,

¹ Галилей Г. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки // Галилей Г. Избранные произведения в 2 тт. Т. 2. М., 1964. С. 109-410. С. 136.

² Бэкон Ф. Сочинения. В 2 тт. Т. 1. М., 1971. С. 128.

³ Там же. С. 147

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Бэкон Ф. Сочинения. В 2 тт. Т. 2. М., 1972. С. 67.

поясняющим и дополняющим божественное знание для практических нужд. Книга у Ф. Бэкона становится инструментом познания, не только сохраняющим, но и умножающим. Расширительная способность книги указывает на ее сходство не только с миром, но и с процессом познания: мир длится, пока Бог пишет в книге жизни, и познание разрастается сообразно самому миру.

М. Монтень в «Опытах» затрагивает вопрос понимания книги в разных аспектах. Прежде всего, в воспитании детей М. Монтень следует Платону и полагает книжную ученость жалкой, «она украшение, но никак не фундамент»¹, и истинные знания заключаются в свободе распоряжения, без заглядывания в книгу. Он характеризует книги как приятные, но увлеченность ими приводит к утрате здоровья и бодрости, тело во время чтения находится «в бездействии, расслабляется и поникает»². В опыте о книгах М. Монтень перечисляет свод книг, которые являются источниками формирования его собственного мировоззрения и «разумной занимательности»³, а также самого важного – самопознания. Еще одним аспектом понимания книги является общение с ней, которое М. Монтень выделяет в отдельный вид, определяя его как устойчивое и находящееся в нашей власти в отличие от общения с друзьями и женщинами. Действие книги заключается в утешении, смягчении физической боли, неизменном повиновении читателю – наслаждении, в целом⁴. Но М. Монтень также порицает книгу за ее безоговорочный авторитет у народа: «Отливая глупости в металлическом шрифте, мы как бы придаем им некое благородство. Когда говоришь, я прочел, кажется, это звучит более веско, чем я слышал»⁵.

Дж. Беркли для показательного примера различения чувственных воспринимаемых и объективно существующих вещей избирает книгу, в которой непосредственно воспринимаются буквы, но читаются понятия, поэтому буквы есть воспринимаемое с помощью чувств, но вещи, которые внушают буквы, таковыми не являются. На примере книги Дж. Беркли

¹ Монтень М. Опыты в 3 книгах. Книга первая и вторая. М., 1979. С. 142.

² Монтень М. Опыты в трех книгах. Кн. 3. М., 1979. С. 43.

³ Монтень М. Опыты в 3 книгах. Книги первая и вторая. М., 1979. С. 357.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Монтень М. Опыты в трех книгах. Кн. 3. М., 1979. С. 279.

предлагает различать воспринимаемое бытие и абсолютное бытие, воплощаемые, соответственно, в книге как вещи и в книге как тексте¹.

Т. Гоббс рассуждает о доверии книгам и приходит к выводу, что люди, доверяющие книгам подобны «птицам, влетевшим через дымовую трубу и видящим себя запертыми в комнате; они порхают, привлекаемые обманчивым светом оконного стекла, но у них не хватает ума сообразить, каким путем они влетели»². Т. Гоббс, как и Ф. Бэкон в идее идола пещеры, «ослабляющего свет природы», предостерегает от слепой веры книге и злоупотребления ею, поскольку небрежности человеческих формулировок, громоздящихся с течением времени, принимаются скорее, нежели новое исследование первоисточника. Также Т. Гоббс выделяет особый род книг: философских, содержащих записи науки, «доказательства последовательной зависимости одного утверждения от другого»³.

Дж. Локк не находит ясным определение книги (как и любой вещи) через вещьность, он иронично замечает, что субъект, «незнакомый с книгами был бы весьма щедро осведомлен об их природе и содержании, если бы ему сказали, что все ученые книги состоят из бумаги и букв и что буквы есть вещи, находящиеся на бумаге, а бумага – вещь, содержащая на себе буквы. Замечательный способ приобрести ясные идеи букв и бумаги»⁴. Сущность книги Дж. Локк раскрывает через категории субстанции (то, что держится) и акциденции (то, что поддерживает), где буквы – субстанция, и бумага, соответственно, акциденция. Роль книг для разума состоит лишь в доставке ему материала, утверждает Дж. Локк, аргументируя это принадлежностью человека к породе жвачных и, следовательно, необходимостью пережевывать материал для обретения сил. От простого чтения книг польза есть только памяти (Дж. Локк называет это знанием понаслышке), ум же с постоянной практикой и упражнением должен находить в книге основания аргументов и именно этой способностью приобретать «верный

¹ Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом. Первый разговор // Беркли Дж. Сочинения. М., 1978. С. 249-256. С. 259.

² Гоббс И. О человеке // Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 10-115. С. 25.

³ Там же. С. 58.

⁴ Локк Дж. Об управлении разумом. Книга II // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т. 1. М., 1985. С. 154-458 С. 225.

ключ к книгам и путеводную нить, которая поведет его через лабиринт разнообразных мнений и авторов к истине и достоверности», в противном случае, чтение книг не правомерно называть научным занятием¹. Самым верным принципом в обращении с книгами Дж. Локк считает тщательность и осторожность, так как книга может быть хранилищем заблуждений и предрассудков, но вместе с тем высоко ценит книгу как вспомогательное средство разума и орудие знания тогда, когда они не являются препятствиями на пути к истине².

Г. Лейбниц уподобляет книге различные состояния мира, каждое из которых представляет из себя копию предыдущего³. Как основания мира находятся вне самого мира, так и всякая книга отсылает к предшествующей, служащей ей образцом. Мысль о восхождении любой книги к первокниге имплицитно указывает на идеалистическое понимание Г. Лейбницем книги.

Д. Дидро описывает процесс познания как совместную деятельность человечества по созданию бесконечного, неосуществимого, превосходящего человеческий разум труда, который уже запечатлен Вечным началом во вселенной, но который все равно не будет равно понятным нам самим, создающим его. Такая книга, создаваемая силами ученых, оценивается Д. Дидро материалистически, одним критерием: полезностью, но понимание ее останется недоступным, а сама вселенная будет служить «хорошим мерилom нашего ума и еще лучшей сатирой на наше тщеславие»⁴.

И. Г. Фихте отмечает широкую популярность книги для современной эпохи и новое отношение к ней, которое выражается в неустанном чтении, причем это чтение сравнивается с «наркотическим средством»⁵. «Отпечатанное по белому» в отличие от устного изложения вызывает привыкание к пассивном самозабвению, абсолютному

¹ Локк Дж. Об управлении разумом. Книга VI // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т. 2. М., 1985. С. 202-279. С. 236.

² Там же. С. 242-243.

³ Лейбниц Г.-В. О глубинном происхождении вещей // Лейбниц Г.-В. Сочинения в 4 тт. Т. 1. М., 1982. С. 282-290. С. 282.

⁴ Дидро Д. Мысли к истолкованию природы // Дидро Д. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М., 1986. С. 333-378. С. 336.

⁵ Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. Лекция VI // Фихте И. Г. Сочинения в 2 тт. Т. 2. СПб., 1993. С. 435-454. С. 447.

бессилию, поэтому И. Г. Фихте полагает необходимым выработать новые начала чтения по образу самого мышления – активное чтение. Свое пристрастное отношение к книге И. Г. Фихте связывает с тезисом о непоследовательности, которая заключается в том, что подлинность книги основана на устном предании: «писаная книга формально провозглашена была высшим критерием всякой истины и единственным учителем пути к блаженству»¹.

Критическое отношение к книге вырабатывает философия немецкого идеализма, начиная с И. Канта, который увидел вред в потоке книг: «полезные книги, всплывающие время от времени на поверхность широкого океана книжной учености, остаются незамеченными и должны разделить участь прочих отбросов – быстро погибнуть»². Как следствие, этот океан порождает поверхностность в знании и суждении в связи с привычкой «не слишком долго задерживаться на одной книге»³. Как и Ф. Бэкона, И. Канта волнует проблема очищения книжных запасов, но выход он предполагает иной – свободная циркуляция книг без запретов сама уничтожит лишнее, как это описано в метафоре, приводимой И. Кантом: «реки, если им дать свободно разливаться, сами войдут в берега»⁴. Кант поднимает вопрос чрезмерного увеличения количества книг, которое более не помогает познанию, но, наоборот, затрудняет его, поскольку книга, заработав непререкаемый авторитет, ставится впереди человеческого разума. Действительное существование философии, считает И. Кант, не ограничивается книгой, на которую позже можно сослаться как на истину; книга по отношению к умственным способностям есть «мнимо-законченная философия», и не стоит ей слепо доверять⁵. Влияние книги на познание перерастает саму истину, что проявляется в «состоянии несовершеннолетия», то есть «неспособности пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого»⁶. Положение, при котором человек постоянно опирается на поддержку

¹ Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. Лекция VII // Фихте И. Г. Сочинения в 2 тт. Т. 2. СПб., 1993. 454-469. С. 460.

² Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 2. М., 1964. С. 204.

³ Там же. С. 204.

⁴ Там же. С. 222.

⁵ Там же. С. 281.

⁶ Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 6. М., 1966. С. 25-37. С. 27.

извне, сдерживает его, мешает свободно мыслить, тормозит предрассудками, так как есть что-то кроме самого человека, мыслящее за него, чему он позволяет выступать в роли разума, вынесенного за пределы самого человека, и что не ведет по пути открытий, но представляет собой «кандалы»¹. Основная критика книги направлена против подмены самостоятельности мышления книгами, как мыслящими объектами. С другой стороны, И. Кант оправдывает существование книги еще и необходимостью постоянной, доступной каждому нормы, с которой «народ мог бы сообразовывать свои действия», однако это касается только правовой стороны жизни, а не интеллектуальной². И. Кант также приводит сравнение человеческой жизни с книгой, содержание которой составляет память о том, что «когда-либо проникало в его душу, но оставалось для него скрытым»³. В данной метафоре И. Кант обнаруживает свойство длительности книги: она продлевает жизнь человека в поколениях и, буквально, является квинтэссенцией времени, поэтому объем книги нужно измерять не количеством страниц, но временем, затраченным на ее понимание⁴.

Философ дает свое определение книги – «сочинение (здесь безразлично, написано ли оно пером или напечатано, много в нем страниц или мало), представляющее речь, обращенную кем-то к публике в зримых знаках языка»⁵. Подчеркивая зримость, представленность чувственному восприятию, И. Кант признает книгу материальным объектом, заменяющим идеальную мысль автора и подлежащий вещному правовому регулированию, поскольку затрагивает множество субъектов: сочинителя, издателя, наборщика и прочих. Однако, по мнению И. Канта, книга подчиняется и личному праву высказываться, которое не должно смешиваться с вещным⁶. Особое тонкое замечание о вещной природе книги И. Кант делает в связи с использованием книги женщиной: «они пользуются книгами примерно так же, как и своими часами: они носят их только

¹ Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 6. М., 1966. С. 25-37. С. 27-28.

² Кант И. Спор факультетов // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 6. М., 1966. С. 310-348. С. 318.

³ Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 2. М., 1964. С. 342.

⁴ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 3. М., 1964. С. 79.

⁵ Кант И. Догматическое деление всех прав, приобретаемых по договорам // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 4. Ч. 2. М., 1965. С. 199-207. С. 205.

⁶ Там же. С. 206.

для того, чтобы показать, что у них эти часы есть, хотя обычно эти часы не ходят или неверно показывают время»¹. Понимание книги как знака собственной осведомленности женщины без достаточной основательности является сугубо материалистическим, и для И. Канта книга, как символ духовной интеллектуальной культуры, противопоставляется восприятию книги как вещи бездуховной, лишь обложки, которая не хранит знание, но скрывает невежество.

О соотношении вещной и содержательной сторон книги Г. В. Ф. Гегель высказывается менее прагматично, чем это делает И. Кант, но, тем не менее, оба они близки в сущностном описании книги как вещи. Как и И. Кант, Г. В. Ф. Гегель определяет книгу через идеальное: «для ее содержания, конечно, безразлично, написана она, или напечатана, переплетена в картон или в кожу»². Но даже само содержание книги не бесформенно, а, напротив, надлежащая форма, или иначе богатство мысли составляет содержание, при условии тождественности содержания и формы. Форма есть выражение внутреннего через внешнее, но и внешность переходит во внутреннее. Так, книга – это вещь, и каждая ее часть: листы бумаги, краска печати – до бесконечности превращает книгу во многие иные вещи, и лишь исключительность, придаваемая книге неразложимой непрерывной комбинацией свойств многих вещей и абстрактного бытия-в-себе, составляет истинное в-себе-бытие книги, саму положенность книги.³

О книгопечатании, считая его изобретением одного порядка с изобретением пороха, Г. В. Ф. Гегель судит как о соответствующем самому характеру нового времени: оба они удовлетворяют потребность «вступить в контакт друг с другом идеально-духовным путем»⁴. Г. В. Ф. Гегель сравнивает с живой книгой природы субъективную религию, и, как ни странно, объективная религия уподобляется кабинету натуралиста на основании совместного естественного проживания растительных и животных видов, «где природа связала узами дружбы

¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 6. М., 1966. С. 351-588. С. 558-559.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука Логики. М., 1974. С. 299.

³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики в 3 тт. Т. 2. М., 1971. С. 124.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4 тт. Т. 4. М., 1973. С. 381.

бесконечное многообразие целей» и искусственного размещения их с насильственным установлением связей¹. Кабинет у Г. В. Ф. Гегеля – образ более цивилизованный, нежели книга, поскольку заключает в себе несовместимое, принуждает свободное, а книга может воплощать непосредственную последовательность природы, ее всеохватность, тотальность, универсализм.

Л. Фейербах, говоря о сущности книги, утверждает, что книга не является безжизненной вещью. Более того, Л. Фейербах во всех аналогиях доказывает это утверждение: «жизнь – это поэт, книга – это философ. Первый созерцает единство во множестве; второй – множество в единстве»². Отношения книги и человеческого разума складываются последовательно, книга предстает способом выражения мыслей и ощущений, сохранения мертвых в памяти живых, а также источником «нашей благородной, нашей духовной жизни»³, поэтому Л. Фейербах чутко улавливает связь книги с пространственными архитектурными формами: книга – это тоже топос, например «уединенная капелла», «остров Итака», и наконец «кладбище». Эти искусственного происхождения, рукотворные места создаются, согласно Л. Фейербаху, для того, чтобы мизантропному по своей природе разуму собраться с мыслями, обрести утраченную душу, обнаружить эту душу – «живые останки человека». Философ воспринимает книгу антропометрично – книга как книга для человека – она создается, используется, осмысливается только человеком и для человека, и, следовательно, обладает чертами самого человека: «книга, напротив, настоящий ученый в простом, скромном платье, по его наружному виду не скажешь, что он из себя представляет»⁴, «книга – это чужестранец, пришедший издалека с грандиозными намерениями разрушить жалкое мещанство»⁵, «книга – это настоящее второе видение, реальное второе зрение человека, в котором он созерцает себя»⁶.

¹ Гегель Г. В. Ф. Народная религия и христианство // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в 2 тт. Т. 1. М., 1970. С. 51.

² Фейербах Л. Писатель и человек. Собрание юмористически-философских афоризмов // Фейербах Л. Собрание произведений в 3 тт. Т. 1. М., 1974. С. 413-512. С. 242.

³ Там же. С. 421.

⁴ Там же. С. 426

⁵ Там же. С. 432.

⁶ Там же. С. 436.

А. Бергсон, предлагая дополнительный инструмент познания – интуицию, указывает на ее необходимость для обновленного взгляда на «великую книгу мира», потому что интуиция способна «вновь обнаружить движение и ритм ее написания, заново пережить творческую эволюцию, проникая в нее при помощи симпатии»¹. Привлекая поэтическую интуицию в роли инструмента познания, Бергсон нетривиально понимает концепт мира как книги, привносит в средневековую аналогию акцент проникающего познания, постигающего истоки и механизмы мира вместо прежнего сокрытого, недоступного.

Ф. Ницше трактует книгу как «существо, озаренное разумом и душой, и все же не есть человек»². Книга как действие человека есть повод к новому действию, поэтому книга обеспечивает вечное движение, бессмертие. Роль книги в философии, по мнению Ф. Ницше, скорее негативна и состоит в сокрытии того, что таится в философе, из-за того, что мысли его не могут быть окончательными, и постоянно ведут к возникновению новых мыслей. Книга может выступать в качестве маски истинных мыслей.

Для всякого ученого книги губительны, так как лишают способности самостоятельно мыслить, поэтому ему следует «обороняться от книг». Интеллигент, согласно Ф. Ницше, угнетен, «позволяет насиловать себя искусством, книгой и музыкой во имя “духовных наслаждений”, с помощью духовных напитков»³, а должен избегать этого порока тратить свои силы на чтение книг.

«Трудная для понимания книга, освещенная пламенем свечи», – у Г. Башляра есть образ сложности познания; как свеча рассеивает мрак ночи, так и книга борется с мраком разума⁴. Прилежное изучение жизни, подобное тщательному и внимательному прочтыванию книги, Г. Башляр считает первостепенное мышления, поскольку без изучения «скрижали существования» можно впасть в состояние «между ответственностью знания и свободой грез»⁵.

¹ Бергсон А. Из сборника «Мысль и движущееся» // Бергсон А. Избранное. М., 2010. С. 83-224. С. 148.

² Ницше Ф. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М., 1996. С. 346.

³ Там же. С. 496.

⁴ Башляр Г. Пламя свечи // Башляр Г. Избранное. М., 2004. С. 215-278. С. 244.

⁵ Там же.

Что касается книги в познании, Г. Башляр находит неприемлемым слепое поклонение книге: нельзя заменить «ночное небо небом книжным»¹.

Книгу и ее авторитетность рассматривает Х.-Г. Гадамер, объясняя природу авторитета книги в наглядной осязательности, самодоказательности. Вещественность сообщает книге достаточную меру окончательности и самоотчужденности в получении ею весомого значения для герменевтического феномена, ведь именно предельная свобода от автора и адресата и чистота восприятия обеспечивают ему подлинное автономное бытие. В этом книга свободна от «случайности своего происхождения и своего автора», но в то же время удостоверяет только саму себя². Еще одним аспектом понимания книги является возобновляемость восприятия, которое отражает единство и цельность текста в книжной форме в отличие от прочих, поэтому постижение книги кроется в «онтологии произведения искусства», а не в ее эстетическом переживании³.

Ж.-П. Сартр отличает книгу от орудия труда, он считает, что книга «это не средство достижения некоей цели. Она сама предлагается в качестве цели для свободной воли читателя»⁴. Таким образом, книга не просто осуществляет свободу читателя, но предусматривает и таит ее в себе. Чтение книги выглядит как творчество читателя в меру его читательских способностей, которым руководит писатель, к которому писатель и взывает. В процессе чтения, по мнению Ж.-П. Сартра, книга представляется неисчерпаемой, наделенной плотностью вещью, которая происходит из свойств субъективности самого читателя, застывающих в вещественных объектах.

М. Фуко утверждает, что единство книги изменчиво и относительно рядом с ее дискурсивным единством, поэтому следует отказаться от концепта книги. «Режим материальности», которому подчиняется текст, сущая условность по сравнению с текстом. Идеальное тело книги и есть текст, поэтому в платоновском смысле, текст является идеальной сущностью книги, самой «книжностью», в то время как все материальные стороны книги представляют ее как тень.

¹ Башляр Г. Вода и грезы. М., 1998. С. 235.

² Гадамер Г. Истина и метод. М., 1988. С. 425.

³ Там же. С. 193.

⁴ Сартр Ж.-П. Что такое литература. Минск, 1999. С. 40.

То есть в понимании книги четко проявляется два аспекта: собственно книга как физический объект и ее внутреннее содержание – текст, при этом в оппозиции книга-текст подчеркивается содержательная сторона феномена, институт авторства, поэтому притяжательность книги не всегда означает обладание некоторым предметом, а, напротив, акцентирует имманентную сторону книги, ее смысловое содержание. Иными словами, в книге есть план выражения и план содержания. Книжный том отличается единством на материальном уровне, что соотносится с некоторым смысловым единством, то есть с планом содержания книги. Собрание страниц под одной обложкой непременно содержит корпус текстов одного основания: одного автора, общей проблематики, общей функциональной направленности (энциклопедии, книги общих мест). Но это единство является по сути своей иллюзорным, поскольку вмещение текста в отдельный фрагмент материи также расчленяет общее тело культуры.

Итак, подводя некоторые итоги, можно заключить, что, во-первых, сама этимология понятия книги в различных языках подчеркивает наличие в ней материального и символического начала, в частности указывает на материал, в котором она исполнена и на знание, которое в ней зафиксировано.

Во-вторых, в частном научном знании раскрываются отдельные аспекты книги: как произведения, исторического источника, явления социальной действительности, полиграфического издания.

В-третьих, в философской рефлексии исследование книги носит комплементарный характер. Разработан ряд точек зрения на книгу: полезность-вредность книги (Сократ, Платон); выявление специфики книги как эпистемологической формы (М. Монтень, Т. Гоббс, Дж. Локк, И. Кант, Х.-Г. Гадамер, Г. Башляр); понимание мира как книги (А. Августин, Ф. Аквинский, Н. Кузанский, Г. Галилей); антропометричность книги (Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр).

Таким образом, бытие книги предстает как единство вещного и символического начал. Для выявления специфики данного единства, их взаимопроникновения и взаимодействия предстоит разобраться в установленных аспектах бытия книги.

§ 2. Вещное бытие книги

Для того, чтобы раскрыть сущностные характеристики книги, необходимо исследовать ее как вещь, становящуюся в истории, следует обратиться к ней как к конкретному, чувственно воспринимаемому объекту, эмпирическому предмету. Для этого рассмотрим книгу в качестве культурной вещи, представленной в широком многообразии, через которое просвечивает сущность книги, ее уникальность. Упомянутое многообразие книг позволяет выделить вещный модус книги. Термин модус обозначает «случайное, несущественное свойство предмета, присущее ему не постоянно, а лишь в некоторых состояниях, способ бытия, действия, переживания, мышления»¹. Данное понятие призвано выразить «зависимость единичных вещей от субстанции»². Описывая бытие вещи как одновременное проявление необходимого и случайного начала, можно объяснить тождественность вещи самой себе, независимо от ее культурно-исторического варианта, а также обнаружить ее сущностные черты. Таким образом, можно выделить модусы бытия книги, которые выражают исторические состояния книги, ее трансформированные модели и субстанциональное преломление текста в книжной оболочке.

Многообразие книг заключается не только в большом количестве книжных единиц, но и в определенных аспектах вещной природы книги. Во-первых, книга как вещь исполнена с помощью некоторого вещества, материй, которые различаются по своим свойствам. Данный аспект представляет *предметно-материальный модус* бытия книги.

Во-вторых, книга, понимаемая как собрание текстов неодинакового содержания, является результатом перевода вербальной информации в зримую письменную форму. В этом отношении книга представлена в *предметно-текстуальном модусе*, который фиксирует художественно-жанровое воплощение текста в книге.

В-третьих, вещная природа книги сопряжена с актом создания и функционирования, формирующих необходимые технологии и способы обращения, что составляет *предметно-действенный модус* бытия книги.

¹ Новая философская энциклопедия в 4 тт. Т. 2. М., 2010. С. 601.

² Там же. С. 601.

Остановимся подробнее на историческом становлении книги как вещи в свете представленных модусов ее вещного бытия.

Динамика книжной формы, которую можно проследить в культурно-исторических трансформациях, отражает предметно-материальный модус книги: так как безотносительно к ее облику, книга считается таковой в условиях любых культурных достижений и имеет вневременные и внекультурные характеристики. Видеть книгу означает зрением выделить отдельный предмет, вещь, которая «вещает» о себе, посредством пластической формы, занимаемого пространства; осязать книгу означает прикоснуться, манипулировать ею, развернуть ее, листать, нажать на ее клавиши, сжечь, разорвать и даже вдыхать ее запах, то есть различать кожу, бумагу, краску, пластик. Столь широкое число объектов, подходящих для подобных манипуляций, означает поиск оптимальной формы, ее усовершенствование, а также отражает исторический процесс развития книжной формы. Безусловно, преходящее предметное состояние книги не отменяет ее идентичности, но, тем не менее, формы свитка, кодекса и электронной книги – как наличные стороны существования книги – отражают вариативность, предметно-материальный модус ее бытия.

Древние цивилизации не знали книгу в той форме, в которой она известна современности. Существующая письменность располагала определенными способами организации, однако, не создала книжной культуры, то есть такой культуры, которая имеет своим фундаментом сохраняемое и воспроизводимое знание. Цивилизация майя имела околорасписную традицию с фиксированной системой знаков, с помощью которой род сохранял знания, однако, спорадические записи еще нельзя назвать книжной культурой. В целом древние культуры характеризуются устной традицией.

Материальное исполнение книги реализуется с помощью различных видов сырья. Первыми попытками человечества записать свои мысли считаются выцарапанные на камне надписи, свидетельством этому является множество примеров наскальной живописи доисторического человека. Первичным материалом для письма было дерево, использование которого зафиксировано в

корне слова книга (*liber* – «луб, лыко», *caudex* – «ствол», «кодекс»). В Древнем Египте записывали на папирусе, болотном тростнике, который разрезали на полосы, а затем их скручивали в длинный рулон – свиток. Папирус был очень хрупким материалом, со временем он темнел, высыхал и распадался. В греко-римский мир папирус попадал через Библ – крупнейший центр торговли папирусом, именно он дал название бумаге и книге на греческом языке (*βιβλος*). Римляне называли свиток *volumen*, то есть «то, что извивается, заворачивается». В дальнейшем латинское слово *volumen* преобразовалось в английское *volume* – «том», и с античности до позднего средневековья существовала устойчивая традиция членить литературное произведение на книги как разделы, в которые входило примерно столько текста, сколько размещалось на одном папирусном свитке. Данная традиция сохраняет след прежней свиточной формы в кодексе.

Подробный анализ этимологии слова *volume* проводит директор Бодлианской библиотеки Фальконер Мэйдэн: «Other word which recall the days of papyrus are volume (Latin *volumen*, “a thing rolled up”, from *volvo*, I roll; corresponding to the Greek *κυλινδρος*, *kulindros*), the long stretch of papyrus rolled up for putting away; the Latin term *evolvere*, to unroll, in the sense of “the end”, but properly meaning “unrolled”, “*explicitus*”, the end of the roll having been reached. So, too, the custom of writing on parchment with three or even four columns to a single page, as may be seen in our most ancient Greek MSS. of the New Testament, is probably a survival of the parallel columns of writing found on papyrus»¹. В целом развитие книги в форме свитка прослеживается в языках, поскольку этимологически слово фиксировало и материал, и форму, и даже местоположение производства. Языковое движение демонстрирует путь поисков

¹ Другими понятиями, напоминающими об эпохе папируса, являются: свиток (латинское слово *volumen* – нечто скрученное, происходящее от “*volvo*” – я скручиваю, соответствующее греческому “цилиндр”) – длинный отрезок папируса, скрученный про запас; латинское понятие *evolvere*, разворачивать в значении “читать” книгу; и общее слово “*explicit*”, эквивалентное слову “конец”, и собственно означающее “развернутый до конца”, “*explicitus*”, конец свитка достигнут. Также традиция письма на пергаменте в три или даже четыре столбца на одной странице, встречающаяся в большинстве наших древнегреческих манускриптов Нового Завета, является, вероятно, пережитком письма параллельными столбцами, обнаруженном на папирусе (Перевод А. В. Ивановой). Cited from Madan F. *Materials for writing and forms of books // Reader in the history of books and printing*. Englewood, 1983. P. 33.

приемлемой формы для сохранения знания, который приводит к появлению пергамента.

Название материала пергамента происходит от имени города – Пергам, в котором он начал применяться, поскольку во II веке до н.э. папирус был запрещен к вывозу из Египта. Пергамент является более прочным и удобным материалом для записей, так как он долговечен и позволяет писать с обеих своих сторон, и даже использовать лист повторно. Геродот упоминает использование ионянами пергамента, сделанного из козьих и овечьих шкур, что послужило причиной названия книг кожами¹. Именно использование пергамента стало началом той формы книги, которая просуществовала до сегодняшнего дня – кодекса.

Продолжение традиции кодекса связано с появлением бумаги, имя которой демонстрирует языковую преемственность: в латинском языке слово *paperus* означает бумагу, а древнегреческое слово для обозначения бумаги – *χαρτης* – дериват от «листа бумаги из папируса»².

Процесс создания книги сопряжен с переводом природного материала в культурное состояние. Конструирование артефакта подразумевает использование натурального сырья, которое преобразуется, избавляется от признаков своего происхождения, как скульптура отрицает камень, из которого высечена, или картина скрывает холст. Книга выходит из растительного и животного мира, из творения природы она превращается в изделие, запечатлевает сотворенность руками человека. Натуральные материалы, из которых сделана книга: воск, глина, папирус, пергамен, дерево, кожа, металл – допускают осознание ее глубинной связи с миром природы в сознании человека, наделяющего книгу символическими характеристиками ее происхождения. Признаки живого в книге улавливаются на уровне языка: подобно дереву книга имеет листья – страницы, разветвленную структуру – оглавление, корень – корешок, поля – пустые пространства по краям страницы. Как живое существо книга обладает лицом – обложкой (лат. *operimentum* – одеяние), кожей – кожаный переплет,

¹ Геродот. История. Л., 1972.

² Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь в 2 тт. Т. 1 / Под ред. С. И. Соболевского. М., 1958. С. 1767.

«девственностью» (неразрезанные страницы)¹. Но помимо природного начала в книге актуализированы и культурные начала, связанные с ее рукотворностью и техногенностью. Органическое единство книги с природой расторгается технологией книгопечатания и оцифровывания. Механистическое, неживое начало в книге сообщает ей свойства вторичности, замещения первой природы второй. Количественный переход книжного множества в угрожающее качество экологии справедливо вытесняет природное из книги, поэтому технология создания книги переживает кризис своего обоснования. Цифровой метод создания книги как вещи размыкает связь книги с природой, поскольку материал, из которого изготавливается книга – синтетический пластик – не природного происхождения. Превалирование биокультурного в рукописных и печатных книгах замещается эокультурным, что восстанавливает баланс природопользования. Предметно-материальный модус книги обыгрывает ее зависимость от природы и культуры. Природные и культурные факторы ее создания отражают случайность ее вещной стороны при сохранении тех атрибутов, которые знаменуют ее идентичность.

История книги представляет собой не просто прогресс как улучшение, продвижение, но как трансформацию (trans – «через», приставка, показывающая переход; formation – «формообразование») – качественное изменение, переход от одной формы к другой без утраты основного содержания, которым является информация или текст. Перемена вида книги сообщает ей новые свойства, однако основа, фундамент книги – текст – непременно остается принципиальным в определении ее сущности. Понимание текста как автономной реальности заметно сужает понятие книги до определения ее как вместилища, места пребывания самого текста. Но также текст передает книге часть своих характеристик, которые соотносят его с бытием: целостность, красоту. Трансформации книги, которые проявляются в замене материала ее исполнения, составляют колебания в предметно-материальном модусе книги. Начиная с этимологии, фиксирующей вещество, из которого изготавливается книга, продолжая самими технологиями,

¹ Малларме С. Книга – духовный инструмент // Семиотика и авангард. М., 2006. С. 624-627.

которые совершенствуют имеющиеся природные материалы, переходящие в цивилизованное сырье, предметно-материальный модус последовательно обнаруживает в вещной природе книги искание оправданной материальной формы для текста. Предметно-материальный модус является своего рода инобытием идеи книги, представленным в материально-тактильной и электронно-виртуальной форме.

Вторым модусом бытия книги является предметно-текстуальный модус. Человек воспринимает книгу как вещь, суммируя все ее проявления: визуальные, тактильные, обонятельные маркеры – и накладывает их на интеллигибельную составляющую книги – текст, – который выступает в качестве искомого содержания, цели обращения к книге.

В процессе воспроизводства, то есть повторного создания на разных исторических стадиях в связи со сменой формы, материала исполнения, не отменяющей, однако, цельности отношений книга-текст, предметно-текстуальный модус определяется двумя характеристиками: подлинностью и тиражируемостью. Иначе говоря, книга понимается таковой, поскольку, независимо от вещного воплощения в определенном издании и в некотором множестве данного тиража, книга как вещь тождественна себе на основе отношений книга-текст. Аутентичность, как подлинность образца, сообщена каждому отдельному книжному тому в многочисленном количестве копий. Эта подлинность основана на тексте, размноженном на уровне предметно-материального модуса книги. Непостоянная природа книги как вещи проявляет единое начало – текст, который, находясь под тысячей обложек, сохраняет свою подлинность. В результате революций книжных форм текст может содержаться не только в бесчисленном количестве копий, но и в разных исторических формах. (Транс)формации книги как вещи опосредованы текстом, его способностью выходить за пределы формы (в пространстве и времени), менять форму, выражаться через форму и выражать форму. Идентичный текст передается в форме рукописного свитка, печатной книги, аудиокниги, электронной книги, так как может воспроизводиться каждой формой, обеспечивая переходность, (пре)образовательность на основе (перво)образа текста.

Функциональность текста в вещи знаменует собой ее предметно-текстуальный модус. Книга для текста может быть возможностью, а может быть

модератором. Право стать книгой дано не каждому тексту, что находит свое подтверждение в механизмах контроля, цензуры, буквально выражающееся в эпитете «непечатный». Определенное содержание воспринимается как священное, как ставшее слово, как объективированное духовное начало. Предметно-текстуальный модус книги есть утверждение текста в вещи, изначально обозначенного в духовно-текстуальном накоплении, которое требует формы, самоуверяющей, проявляющей духовное. Объективированные в разных формах сакральные для человека смыслы наделили вещное бытие книги определенной степенью сакральности. Связанная с предметом книги в сознании человека, святость распределена в той или иной мере в последующих текстах, которые заключаются в книжную форму. Предметно-текстуальный модус книги представляет как сакральные, так и обмирщенные тексты в общей для них книжной форме. Даже в низменных, нечистых, обыденных книгах просвечивает неиссякаемая сакральность.

Предметно-текстуальный модус также связан с жанровой природой текста, что требует своих конструктивных особенностей, проявляющихся в книге как вещи. Подтверждением этой мысли является книготворчество литераторов. О. В. Мирошникова анализируя переходный этап в литературе рубежа XIX-XX веков, доказывает, что писатели осознанно участвовали в процессах, связанных с материальным воплощением собственных трудов, а именно формировали издательские планы, определяли издательскую политику и собственноручно редактировали рабочую модель книги¹. Корпус книги в своем облике продолжал творчество писателя уже с помощью полиграфических средств для достижения художественной целостности текста и книги.

Развитие предметно-материального модуса бытия книги коррелирует с развитием предметно-текстуального модуса, что находит свое подтверждение в появлении жанров по мере становления книжной формы. Так, М. С. Каган, утверждает, что условия творчества, техника фиксации определяют, продуцируют

¹ Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитекtonика и жанровая динамика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10. 01. 01. Омск, 2004. 48 с.

новые формы художественного освоения мира¹. Письменно-печатный роман появляется после устной эпической поэмы.

Существование текстов возможно в иных, кроме книжной, формах, так как «всякая возможность некоторой мыслимой вещи существует в форме некоторой другой, но уже реальной вещи, а всякая действительность есть возможность другого»². Из этого также следует, что возможность текста стать книгой равна возможности ему стать архитектурой, скульптурой, музыкой. Отношения книга-текст в культуре эквивалентны отношениям текста со всеми культурными формами, поэтому справедливо утверждение, что книга имеет сходные черты со всеми культурными формами.

Остановимся подробно на примерах, демонстрирующих имманентную связь книги с другими культурными формами на основе ее предметно-текстуального модуса.

Наиболее близкими книге являются пространственные формы: архитектура, скульптура и живопись. Полагая книгу синтетическим феноменом, многие исследователи видят в ней сведенные к художественному единству разнородные составляющие, разной степени активности структурные уровни и выразительные средства: иллюстрации, орнаментальные шрифты – что придает ей театральность, и архитектоника ее конструктивных и декоративных элементов актуализирует связь с архитектурой. Сообразно этому, в Средние века храм представлялся как целостное произведение строителей, живописцев и тех, кто создавал для него книги, которые являлись неотъемлемой частью храма, они никогда не покидали его стен³. Следует отметить также, что книга существует в интерьере архитектуры, и не приспособлена к бытованию вне стен здания. Гармония книжной формы основана на законах архитектоники: облик книги определяется отношением одной страницы к другой, шрифта и иллюстрации, начертания и фона. В символическом модусе книга сближается с архитектурой посредством общих метафор: для обеих дом, город, лабиринт являются основополагающими метафорами.

П. Клодель называет страницу архитектурой строк, замкнутых в рамку и определяемых ею. Титульные листы книг эпохи барокко, по его мнению, могут

¹ Каган М. С. Морфология культуры. Л., 1972.

² Книгин А. Н. Учение о категориях. Томск, 2002. С. 112.

³ Бычков В. 2000 лет христианской культуры в 2 тт. Т. 1. М.; СПб., 1999.

служить законченными образцами «различных архитектурных ордеров»¹. Он применяет к книгам эпитет типографские здания, в которых буквы похожи на «статую, на часть акведука или колоннады и цепь их образует фриз на столь же величественных стенах»². «Прямоугольные массы» кодекса напоминают ему портик из бумаги. Переплет книги он сравнивает с надежной оградой.

В эпоху барокко, которая стремится к энциклопедической всеохватности, появляются произведения-своды: «книга являет произведение и как ставший зримый объем»³, это и символическое, и вещное проявление книги в виде собрания, сборника, и в виде купола, перекрытия, под которыми собирается пространство текста.

Прославленное размышление о родстве храма и книги принадлежит В. Гюго, которое он приводит в романе «Собор Парижской Богоматери»: «прочная и долговечная каменная книга уступит место еще более прочной и долговечной книге – бумажной»⁴.

Возникновение зодчества В. Гюго уподобляет возникновению письменности и описывает его в книжных терминах. Камень был буквой, нагромождение камней – это слова, и они «стали группироваться, сочетаться, сливаться, снижаться, возвышаться, сдвигаться вплотную на земле, устремляться в небеса до тех пор, пока под диктовку господствующих идей эпохи им не удавалось, наконец, написать те чудесные книги, которые являются одновременно и чудесными зданиями: пагоду в Эклинге, мавзолей Рамзеса и храм Соломона»⁵.

Процесс создания книги подобен строительству, в котором из зыбкого текста получается твердый кодекс, мысли выстраиваются в башни и соборы, не имеющий измерения текст получает сразу три. Текст книги воспринимается как

¹ Человек читающий. М., 1983. С. 156.

² Там же.

³ Михайлов А. В. Поэтика барокко // Историческая поэтика. М., 1994. С. 326-391. С. 335.

⁴ Гюго В. Собор Парижской Богоматери // Гюго В. Собрание сочинений в 15 тт. Т. 2. М., 1953. С. 179.

⁵ Там же. С. 181.

на-зидание, на-ставление, потому что она – здание и со-оруже-ние, служит в залогом законности и постоянства, укрытием от потока времени, упадка, смерти¹.

Как и у книг, коммуникативную функцию у архитектуры усматривает А. Шопенгауэр, он пишет, что «в постройках позднейшего времени заметно стремление говорить с потомством»². Угрозой для архитектуры он считает стихии, а для книг – варварство, поэтому, например, египтяне свои постройки испещряли надписями, чтобы соединить книгу и здание, а также на всякий случай добавляли живопись³. В связи с книгой египетскую архитектуру также анализирует Г. В. Ф. Гегель, находя ее заменителем и дополнением книг: «Местами к таким стенам прислонены мемноны, также образующие ряды и целиком покрытые иероглифами или огромными каменными рисунками, так что на видевших их недавно французов они производили впечатление набивного ситца. Можно рассматривать их как страницы книг; своим пространственным окружением они неопределенно, словно колокольный звон, будят ум и сердце, побуждая их изумляться, мечтать, мыслить»⁴.

Культуролог Н. Б. Маньковская ссылается на опыт практического осуществления мотивов текстов деконструктивизма в архитектуре (на примере текстов Ж. Деррида): «в результате возник образец многоголосой, многоязыкой “архитектуры-полиглота”», «словесный дизайн»⁵. Композиция такой архитектуры бросает вызов классической неподвижной архитектуре. Э. Морган анализирует идею Ж. Деррида, проявившуюся в совместном с архитектором Питером Айзенманом эксперименте: «For Derrida, architecture is exactly the kind of western totality that he is challenging, a “fixedness,” similar to the totality of the book, which he describes as, “profoundly alien to the sense of writing”»⁶.

¹ The future of the book. Los Angeles, 1996.

² Шопенгауэр А. Об истории // А. Шопенгауэр. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 2. М., 2001. С. 367-374. С. 374.

³ Там же. С. 374.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4 тт. Т. 3. М., 1973. С. 39-40.

⁵ Маньковская Н. Б. Париж со змеями. М., 1995. С. 31.

⁶ Для Деррида архитектура является точным примером западной тотальности, которую он ставит под сомнение, «неподвижность», подобная тотальности книги, которую он описывает как «глубоко чуждую значению письма». Cited from URL: <http://fillip.ca/content/derridas-garden>

Неподвижность книги и архитектуры подчеркивает их содержательность и емкость – свойство быть вместилищем. Идею конвергенции книги и архитектуры отстаивает исследователь М. Розанова, считая, что они опосредованы понятиями структура, устройство и модель. Создавать книгу означает видеть в тексте пространственную интегрированную форму. М. Розанова приводит в пример творчество книжного графика В. А. Фаворского, строящего книгу «по образу и подобию дома, в котором произведение, в сущности, не оформляется, но обитает со всеми удобствами, претворенное в новое качество, в художественное и конструктивное целое читаемой и бытующей в обществе вещи»¹. Книга обладает пластическим образом, и подобно зданию вглубь книги надо входить, «обживать и заселять» анфиладу страниц².

Общим для книги и архитектуры является также функциональность, так как и книга, и здание, сначала имеют какое-то утилитарное предназначение, и только потом играют роль произведения искусства. Размеры книги и здания выражают одинаковое значение интимности и сокровенности. Различные форматы и материалы для книг и архитектуры ценностно дифференцированы. Большие здания и фолианты публичны, весомы, демонстрируют роскошь и соборность, делаются из благородных, природных материалов. Они полны достоинства и монументальности. Малые форматы, напротив, носят исповедальный, приватный, замкнутый характер, может содержать знаки личного присутствия, пометки и индивидуальные черты личного пространства, используемого для уединения. С этим соглашается Л. Фейербах: «Книги – это уединенные капеллы, которые человек воздвигает в диких романтических местностях жизни, на самых красивых высотах; в своих странствиях он посещает их не только для того, чтобы любоваться видами, но главным образом для того, чтобы вдали от развлечений жизни собраться с мыслями и направить их на иное, чем только чувственное бытие»³.

¹ Розанова М. Пространство книги // Синтаксис. – Париж. – 1980. – №6. С. 140-156. С. 143.

² Там же. С. 144.

³ Фейербах Л. Писатель и человек // Фейербах Л. История философии. Собрание произведений в 3 тт. Т. 1. М., 1974. С. 413-512. С. 422.

Чтение – это акт вхождения и посещения организованного пространства книги. Так его описывает писатель М. Павич: «Дома больше похожи на книги: столько их вокруг, а лишь в некоторые из них заглянешь, и еще меньше тех, куда зайдешь в гости или остановишься в них надолго. Чаще всего тебе предназначена какая-нибудь кормча или постоянный двор, чужой шатер, в котором проведешь одну ночь. И редко, очень редко случается так, что непогода занесет в дом, где ты уже бывал, и ты переночуешь там снова, вспоминая о том, где ложился в прошлый раз и как все было совсем другим, хотя вместе с тем и таким же, и в каком окне видел весенние зори, а через какую дверь уходил в осень»¹.

Разницу между книгой и архитектурой искусствовед С. С. Ванеян обнаруживает в сокрытости плана за внешним обликом у сооружения. Миметическая связь книги и здания делает их объектами одного онтологического уровня². Но архитектура в визуальном аспекте играет роль излишней декорации для постройки, в том время как для книги, визуальный аспект составляет часть ее «несущей конструкции».

Итак, родство книги и архитектуры основано на схожести их композиционных и логических начал. Термин «архитектура книги» широко распространен и призван выражать структурирующее свойство по отношению к пространству, распределению и расположению элементов книги для целостного их восприятия, пропорциональности. Книга в предметно-материальном модусе своего бытия строится как объем, как часть упорядочиваемого пространства, поэтому о создании книги допустимо говорить языком архитектуры. В предметно-текстуальном модусе книга выражает неиллюзорную конструкцию текста, его центральное или периферийное положение в пространстве культуры, занимаемое место в культурном ландшафте, который понимается как чужой или освоенный, горний или дольний.

Живопись как неконструктивная визуальная форма по-своему вбирает текст и кажется не похожей на книгу. Но все же, будучи культурной формой, живопись также переносит текст, следовательно, ей присуще некоторое родство с книгой. Прежде всего, страница книги двухмерна и представляется плоскостью, на

¹ Павич М. Хазарский словарь. СПб., 1997. С. 125.

² Ванеян С. С. Архитектура и иконография. М., 2010. С. 723.

которую наносится изображение, воспринимаемое зрительно. Лист книги генетически восходит к картине, так как «элементы типографской технологии как бы разбросаны по ремеслам и эпохам, начиная с самых древних времен»¹. И. Т. Касавин обнаруживает родство книги и живописи в самой технологии, которая этимологически происходит от соединения древнегреческого слова «*typus*», означающего лепное изображение на стене, оттиск, и слова «*graphice*», означающего рисование. Эволюция книги это эволюция изображения от самостоятельной фрески для неграмотных крестьян через подпись к рисунку, и, наконец, к самостоятельной роли текста, замещающего образ.

Живопись является сугубо пространственным видом искусства. Для ее созерцания достаточно только зрительного контакта, чтобы целиком охватить произведение, который также необходим и при чтении книги, однако, дополнительно требуется тактильный контакт. Но более всего важна работа читателя, работа его воображения: «Будь ум устроен по нашему усмотрению и читайся книга так же, как охватывается взглядом картина, то есть без тягостного продвижения слева направо и без нелепости начал и концов, это и было бы идеальное прочтение романа, ибо таким он явился автору в минуту замысла»². Длительность книги противопоставлена мгновенному восприятию живописи, но, тем не менее, страница книги может видаться живописной, красивой, гармоничной, иметь свою композицию, фон, перспективу. Печатная страница как офорт, графика – черно-белая живопись. Слова в книге изображены.

П. А. Флоренский утверждает, что поэзия имеет преимущество перед изобразительным искусством в «способности развертывать слушателю события»³. Он приходит к выводу, что целая книга «развертывается как одна картинка, подобно пейзажу, созерцаемому с поезда»⁴. Результатом чтения становится единая картина, сложившаяся из фрагментов глав, как мозаика. П.

¹ Касавин И. Т. Предтечи научной революции // *Философия науки*. – Вып. 5. – М., 1999. С. 31-77. С. 50.

² Набоков В. В. *Лекции по зарубежной литературе* М., 1998. С. 476.

³ Флоренский П. А. *Исследования по теории искусства* // Флоренский П. А. *Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии*. М., 2000. С. 80-389. С. 225.

⁴ Там же.

А. Флоренский отмечает также, что книга в форме свитка – это и есть картина, а также стенопись можно считать и книгой, и картиной.

Книжная форма при тиражировании не искажает текста, этого добивались еще монахи-скрипторы в Средние века, и достигло книгопечатание, и, напротив, живопись не подлежит общедоступному распространению без утраты подлинности.

Пластическое искусство скульптуры призвано создавать объемные образы человеческой фигуры. Антропометричность скульптуры выступает основным принципом организации пространства, так же как и для книги. Различимость человеческих черт значимо для существования и выделения скульптуры как культурной формы. Уподобление человеку сближает скульптуру с книгой. В случае скульптуры уподобление силуэту человека – буквальное следование за его формой, копирование форм. Внешний вид скульптуры непосредственно сообщает о теле человека как о наличном. Визуальные маркеры книги коррелируют с органами чувств человека, в ее признаках человек узнает себя. Устройство книги в снятом виде указывает на человека, носит отпечаток человека. Форма книги опосредует человеческое строение, поскольку требует рук для того, чтобы ее держат, и если формат несоразмерен руке, он требует иного положения тела – предстояния. Маленькая книга предоставляет возможность читать лежа, в блаженстве. В связи с этим, в Средние века книга стала играть роль языческого идола, взамен этим статуям, функционирующим как хранилище духа. Книга, подобно архаическим куросам, снаружи выглядит как оформленное пространство, занимая часть его, внутри – содержит «душу». Однако, скульптуру нельзя оживить, «душа» ее внутри под слоем материала, который ее обездвиживает и не выпускает. Несмотря на опыт Пигмалиона, скульптура неподвижна, парализована, ее никак не вывести из оцепенения. В отличие от скульптуры в книжное пространство можно проникнуть, увидеть ее «душу» при помощи чтения: «чтение наделяет книгу грубым существованием, коим статуя как будто обязана резцу: этой изолированностью, скрывающей ее от устремленных на нее взглядов; этим высокомерным отрывом; этой сиротской мудростью, отгоняющей

и скульптора, и взгляд, желающий продолжить ваяние»¹. Родство скульптуры и книги как культурных форм рассматривается через человека – в точном сходстве и снятом подобии, однако на этом соответствие заканчивается. Более того, черты скульптурности в книге, придают ей вид немого сфинкса, истукана, внутрь которого не проникает свет разума, что ведет к утрате ее сущности. Воспринятая читателем как скульптура книга не читается, он поклоняются ей как фетишу: «для него книга – не ангел, улетающий, едва откроются врата небесного сада, но недвижимый идол, которому он поклоняется и который вместо того, чтобы обрести подлинное достоинство благодаря мыслям, им побужденным, сообщает мнимое достоинство всему, что его окружает»².

Очевидно, что меньше всего общего между книгой и музыкой. Как наиболее абстрактное искусство, музыка обладает специфическим пространственным модусом, но является одной из культурных форм текста, следовательно, имеет предельно общие с книгой черты. Примером может служить точное наблюдение графика В. А. Фаворского, заметившего, что «части книги, ее отдельные страницы составляют как бы оркестр разных инструментов и по-разному говорят о главной теме»³. Процесс создания книги делает ее соборным актом⁴. Книжные инструменты как и оркестровые отвечают за стройность звучания текста в книге, обеспечивают ее длительность, тональность. Книжная форма настраивает на звук текста – детский наглядный тип книги или академический инструментальный тип книги. Звучание книги – это самая ранняя форма ее представления в устной культуре, в которой эпос исполнялся в музыкальном сопровождении, это предварение самой книги. Музыкальность текста в книге – слов и речи – сообщает это же качество и форме. Архаичский человек думает, что книга говорит, и приближает к ней ухо, чтобы услышать звук, «голоса, засушенные в маленьких гербариях» только потому, что ему сказали о том, что она дает сведения⁵. Другим примером общего для книги и музыки может

¹ Бланшо М. Пространство литературы. М., 2002. С. 196.

² Человек читающий. М., 1983. С. 143.

³ Фаворский В. А. О книге // Фаворский В. А. Рассказы художника-гравера. М., 1976. С. 40-52. С. 51.

⁴ Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 224.

⁵ Сартр Ж.-П. Слова. М., 2009. С. 44.

служить ритм, выводимый из элементов: пробелов – пауз, строк – вступлений, точек – финальных аккордов. Слова стихотворений Пушкина и Маяковского слышно на странице, даже без их озвучивания. Более того, книга может отчуждать от поэтов и может полноценно транслировать звучание стихов, чего не скажешь о музыкальном произведении, которое существует и доступно, лишь пока звучит. Но вместе с тем, книга может восприниматься лишь в момент представленности читателю, как и музыка во время звучания.

Семиотически музыка сложнее по сложности формы, но по совокупности искусств она находится между писанием книги и игрой. Эту идею подтверждает музыковед Т. В. Чередниченко, приводя следующую мысль: «соединение в музыке символизированных человеческих ценностей и раскрепощенного самовыражения придает ей двоякую важность: она есть и “книга” (часто даже “священная книга”), в которой запечатлены представления о последних основаниях человеческого бытия, и “игра” (в смысле театра и спорта), увлекающая своими условными правилами и обнаруживаемой в них непредсказуемостью»¹. В культурной форме музыки отчетливо видна предзаданность ей текста.

Книга представляет собой, прежде всего, инструмент вербального интеллигентного мышления. Устойчивыми отношениями книга связана с кино, как одним из способов визуализации ее содержания. Однако эти отношения нельзя назвать отношениями зависимости, поскольку из-за несходства выразительных средств – слова и визуального образа, разных каналов восприятия – следует говорить о двух разных произведениях, самостоятельных интерпретациях текста. Перекодирование текста книги в текст фильма не без следа влияет на содержание этого текста. Книга, выражаясь терминами М. Маклюэна, обладает высокой степенью абстрактной визуальной интенсивности, то есть может приводить к состоянию наполненности данными, в то время как кино также обладает значительную степень определенности, тем не менее, конкретно визуализирует образ, иконизирует его². Подавая обоих – и книгу, и

¹ Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры в 2 тт. Т. 1. Долгопрудный, 1994. С. 108-109.

² Маклюэн М. Г. Понимание медиа. М., 2003.

кино как горячие медиасредства, М. Маклюэн отмечает низкую степень участия субъекта в восприятии таких средств, что не до конца верно, поскольку, действительно, предполагая меньшую активность по сравнению с диалогом, книга в то же время выступает инструментом, побуждающим воображение, фантазию и внутреннюю работу сознания. Кино же самодостаточно и не предполагает участие человека в конструировании поэтической действительности. Итак, книгу как культурную форму следует ставить в один ряд с архитектурой, так как их связывает признак архитектоники, конструктивизма, с живописью – по признаку наглядности, со скульптурой – в связи с антропометричностью, и наконец, с музыкой – благодаря условности средств и выразительности.

Книжность архитектуры, живописи, скульптуры, музыки и других культурных форм показывает, что предметно-текстуальный модус бытия книги выражает способ и возможность существования текста в книге.

Как было отмечено в начале параграфа, бытие книги представлено также предметно-действенным модусом. Под предметно-действенным модусом бытия книги понимается книжный обиход вообще. Процессы создания и применения книги раскрывают способ бытования книги как вещи в культуре.

Обратимся к функциям книги, определяющим ее предметно-действенный модус бытия.

С момента своего появления книга применялась с различными целями и в самых разнообразных сферах, поэтому круг функций исторически расширялся и специализировался. Одна из первых функций книги сформирована потребностью сохранения и закрепления полученного знания, для того, чтобы передавать его последующим поколениям. Кумулятивная функция книги позволяет систематизировать и организовывать знание для его применения в готовом виде. Закрепленное знание облегчает практику человека, позволяя ему развиваться: расширять и углублять уже имеющиеся знания.

Книга также является способом коммуникации не только во времени, но и в пространстве. Посредством книги формируются интеллектуальные связи, для научного сообщества книга является одним из способов обмена знанием и опытом. В образовательной сфере книга считается первостепенным инструментом

познавательной деятельности, так как именно с помощью нее индивид осваивает основные навыки постижения связей и отношений действительности. Как результат коммуникации и познания книга способна транслировать значение, то есть выполнять информативную функцию, делая содержание индивидуального сознания доступным обществу. Однако знание, становясь общественным, не просто оседает в головах людей, оно влияет на них, меняет их и даже провоцирует их на действие, таким образом, проявляется смежная функция – идеологическая.

Как вещь книга является культурным артефактом, она наделена теми признаками, которые объединяют ее с прочими проявлениями мыслительной активности человека. Она может быть огромным фолиантом или крошечным карманным томиком, может быть красиво украшена или, напротив, лишена декоративности. Предметная сущность книги воплощается в ее эстетической функции, поэтому существует искусство книги, по канонам которого, книга снабжена не только инструментальным набором, но и должна пробуждать чувство прекрасного.

Объектность книги непременно отсылает нас к тому факту, что она является чем-то большим, нежели набором бумажных страниц в переплете. Даже книга с пустыми страницами указывает на скрытый смысл, а человеческий пытливым ум вложит смысл и интерпретирует его там, где его нет. Способность книги породить значение одним своим присутствием есть ее семиотическая функция, которая является общей для книги и культуры в целом функцией.

Таким образом, к вещным относятся кумулятивная, информативная, эстетическая и семиотическая функции книги.

Далее рассмотрим примеры бытия книги в предметно-действенном аспекте.

В древнем мире книга была доступна ограниченному числу людей, в которое входили представители государственного управления, знать и, конечно, служители культа. Служители культа раскрывают основную функцию древней книги – магическую (можно также назвать ее семиотико-идеологической). В Античности доступ к книге получают еще и рабы, но только как чтецы, развлекающие знать, которая могла и вовсе не уметь читать. Чтение было специализированным умением сродни современному чтению нот. Именно в эпоху

Античности зарождается представление о том, что списки и первоначальные оригиналы не равноценны, следовательно менее священны. Как ни динамично развивается книга в эпоху античности, историки указывают на явное противостояние устной и книжной традиции, которая прослеживается в самой форме книги. Текст, написанный без пробелов, для его понимания требовал чтения вслух; философы античности после Сократа предпочитают форму диалога, которая также напоминает об устной речи, ведь при рассуждении можно задать вопрос, уточнить, в то время как письменный текст сравним со статичной живописью и может повторяться до бесконечности. Тот, кто предоставит свой голос записанному тексту, придаст ему новое истолкование, а, значит, исказит.

Кодекс заменил папирусные свитки примерно во II-IV веках. Историки повсеместно цитируют эпиграммы Марциала, где поэт говорит о «коротких листочках пергамента»: «Точно из воска листки, хоть пергаментом их называют: сколько угодно на них можешь писать и стирать»¹. Для некоторых исследователей несомненной представляется связь между приходом христианства и преобладанием формы кодекса над свитком. Книга приобретает функцию популяризатора идей отцов церкви, но большая часть населения оставалась безграмотной и для их свободного доступа существовали росписи храмов, которые изображали события, описываемые в Библии. Посредством фресковой и витражной живописи пересказывается содержание Библии, которую не мог читать народ в силу высокой стоимости и ограниченного количества книжной продукции, а также собственной неграмотности. Иллюстрируя события заветов в интерьере соборов, художник дает «лишь одну из степеней приближения, лишь знак, за которым должно раскрыться иное»². Осуществляя функцию либретто, средневековая фреска визуализировала Логос, тем самым переводила умопостижимое в зримое, что для многих становилось предвосхищением самого Писания. Отношения между изображением фрески и книгой не считались замещающими, но доплощающими, досказывающими, поскольку дословность

¹ Марциал М. А. Эпиграммы. М., 1967. С.394.

² Данилова И. Е. Искусство средних веков и Возрождения. М., 1984. С. 27.

в визуализации невозможна в связи с «полной неадекватностью изображенного изображаемому»¹. Фреска существует после книги, дополняет её, в зрительных образах излагает события Библии, таким образом, убранство храма выполняет функцию Библии бедных и неграмотных. В среде монашества слово веры распространялось шире и быстрее: в монастырях обыкновенно были так называемые скриптории (лат. scriptorium) – залы для переписывания духовных книг. Ж. Ле Гофф описывает увлеченность человека средневековья книгой как фетишизм, он приводит слова крупного деятеля ордена доминиканцев Гумберта Роменского: «Подобно останкам святых, их мощам, сохраняемым с таким благоговением, заворачиваемым в шелка, заключаемым в золото и серебро, следует хранить и книги, содержащие в себе столько святости. Пренебрежение книгами достойно осуждения»². Рукописные книги украшались драгоценными материалами: металлическими пряжками и каменными инкрустациями. Ценные фолианты имелись в распоряжении только клира и состоятельных заказчиков, и чаще всего «эти книги создаются не для того, чтобы их читали. Они оседают в сокровищницах церкви или богатых частных лиц»³. Неграмотная часть населения прибегала к «живописным книгам» стен соборов, или повторяющемуся набору изображений, которые изредка вклинивались в рукописные тома. Так идея книги в целом передавалась в образах, рисунках.

Помимо необразованности и высокой стоимости книжной продукции существовало еще одно препятствие в ее внедрении и распространении – это специализация: каждую часть выполнял мастер в своей области, и это мешало созданию единообразия книги. Исполнение работ на том или ином этапе знатоком своего дела ускоряло производство книг, но в то же время лишало книгу целостности, динамического перетекания форм, слишком очевидны были границы монтажа, перехода от художественного решения одного мастера к другому, мозаичности, что, тем не менее, не умаляло ценности манускрипта. Монахи, чьим трудом было переписывание или оформление книги, не считали

¹ Данилова И. Е. Искусство средних веков и Возрождения. М., 1984. С. 27.

² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 321.

³ Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб., 2003. С.10.

заслугой доступ к книге, но больше верили в благочестивость своих действий, так как эта работа гарантировала райское блаженство, искупала от грехов земного бытия, была сродни молитве, «творимой не устами, а рукой»¹.

Ускоренному развитию книжной культуры в Средние века способствовало три фактора: во-первых, формируется устойчивая образовательная система (первый университет в Болонье – 1088 год). Под эгидой церкви на базе церковно-приходских школ основываются университеты, учение требует постоянного корпуса литературы, который студенты создавали сами, переписывая учебники для личного пользования. В 1100 году в Париж съезжались студенты со всей западной Европы на лекции Гийома из Шампо и Ансельма Лаонского, которые прославились своими лекциями по логике и теологии. Эти учителя не имели записей собственных лекций, однако, среди студентов циркулировали рукописные конспекты, позже послужившие собранию изложенного материала². Книга становится инструментом познания, а не просто предметом роскоши и культовой вещью.

Во-вторых, с подъемом национальных языков многие сферы жизни начинают обслуживаться государственными языками, что способствует открытию национального самосознания и выделению народов. В связи с этим растет уровень грамотности, который влечет за собой повышение интереса к книге более широкого круга людей. Возникает потребность в недорогой книжной продукции, причем в больших тиражах³.

И, наконец, рост числа грамотного населения активизирует мощный феномен в культуре – книгопечатание, которое как ничто иное ускорило развитие, и самой книги как вещи, и культурного уровня человечества, которое только получило доступ к прежде закрытому по многим причинам источнику знания.

Книгопечатание само требовало развития, поскольку изначально печатный пресс был просто адаптацией того же известного с античности пресса, который

¹ История чтения в западном мире от Античности до наших дней. М., 2008. С. 22.

² A companion to the history of the book. Oxford, 2011. P. 200.

³ Ibid. P. 195.

использовался для производства вина и масла¹. Признанный изобретатель книгопечатания Иоанн Гутенберг открывает для книги универсальный набор: «Поиски наиболее совершенного воплощения составляющих слово знаков получает новый смысл, если помнить, что для Гутенберга Библия была Божьим словом: в то время пропорциональность и равномерность представлялась божественным явлением»². Важными заслугами тиражирования можно назвать уменьшение количества искажений, ведь печать позволяет копировать источник множество раз, и появление технических стандартов. Если в раннем Средневековье существовали шаблоны для орнаментов, сюжетных рисунков, то со станком появляются шрифты, форматы страниц. Наконец, можно говорить о единообразии и целостности книги, но вместе с тем были и потери. Тонкости рукописной работы невозможно еще было воспроизводить на грубых типографических планшетах: рисунки и орнаменты долго продолжали исполнять вручную³.

Возникновение книгопечатания вызывает множество различных реакций вплоть до наших дней. Ф. Бекон называл книгопечатание прекраснейшим изобретением, которое содействует распространению знаний. Т. Гоббс рассматривал его как его остроумное изобретение, но все же меньшее по значению в сравнении с изобретением письменности⁴. Дж. Локк восхвалял изобретателя книгопечатания, потому что «тот для распространения знаний, для доставления и расширения полезных удобств сделал больше и спас от могилы больше людей, чем строители колледжей, работных домов и больниц»⁵. Вольтер признавал книгопечатание зловредным. И. Г. Фихте видел в книгопечатании «верное орудие борьбы с собственной забывчивостью» эпохи, которая накапливает запасы мнений как материал для будущих суждений о важности или истинности⁶. Согласно философу, основным субъектом данной эпохи является «республика ученых»,

¹ A companion to the history of the book. Oxford, 2011. P. 209.

² Варбанец Н. В. Йоххан Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980. С. 272.

³ Герчук Ю. Я. История графики и искусства книги. М., 2000.

⁴ Гоббс Т. О человеке // Гоббс И. Левиафан. М., 2001. С. 10-115. С. 21.

⁵ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т. 2. М., 1985. С. 3-201. С. 126.

⁶ Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. Лекция VI // Фихте И. Г. Сочинения в 2 тт. Т. 2. СПб., 1993. С. 435-454. С. 443.

которая силой печатного станка отделяет себя от массы читателей с целью «публично засвидетельствовать самостоятельность своего духа»¹.

Наступление Ренессанса обозначило противоположную универсализации тенденцию: наметился процесс индивидуализации книги, декорирования ее для отдельного покупателя на заказ. Обогащается тематика книг: исследователь Ю. Я. Герчук упоминает такой тип книги как гуманистические издания – «одна из разновидностей ученой книги, получающей к этому времени все большее значение, открывающей новые области познания и новые пути их изложения и восприятия»², особенностью которых были пропуски в текстах, пространство оставлялось для заполнения его после получения достоверного знания, после разыскания. Такой порядок содержания «вводит читателя в свое несколько отвлеченное, рационально построенное пространство, как активного соучастника, как свободно живущую в этой духовной среде деятельную силу»³; творчески-мотивационное влияние пропусков в тексте велико, оно порождает новых мыслителей, новых авторов. Ю. Я. Герчук называет такое книжное пространство «обобщенной моделью самой гуманистической учености»⁴. В самом деле, текст можно комментировать, спорить с ним прямо на страницах книги, такая интерактивность книги – новое явление, которое отражается и на обществе, и на реальности, ведь именно в эпоху Возрождения появляются авторские трактовки канонических сюжетов в живописи, современное постижение и раскрытие божественного потенциала.

«Расколдовывание мира» посредством науки застает книгу в эпоху Просвещения владычицей умов, она практически символ времени. Кроме потребностей политической борьбы книга должна была удовлетворять потребность в систематически-организованном знании. С 1751 по 1780 год появляется Великая Французская энциклопедия Д. Дидро, которая была призвана стать «кругом знания», включая в себя знания практически всех отраслей трудом

¹ Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. Лекция VI // Фихте И. Г. Сочинения в 2 тт. Т. 2. СПб., 1993. С. 435-454. С. 444.

² Герчук Ю. Я. История графики и искусства книги. М., 2000. С. 169.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же.

представителей всех сословий. Основное средство распространения и внедрения идей – книга – приобретает черты ясности и в оформлении, и в содержании, это отражает идею свободной мысли и новой, нерелигиозного типа этики.

Последствиями эпохи Просвещения стала демократизация книгоиздания и массовое производство. Возникает сильная реакция в виде синтетического вихря: рождается «проект модерна» (Ю. Хабермас) – его сущность заключалась в ориентации на постоянно меняющуюся современность, на обновление, которое является основным свойством самой жизни. Мировоззрение по принципу жизненного цикла, в котором протекают непрерывные процессы, одно состояние сменяется другим, отвечало самой исторической ситуации, когда техника, общество и культура прогрессировали с невероятной скоростью. Начинает преобладать направленность на массового читателя, книги все больше становятся похожи на практические рекомендации. Д. В. Сарабьянов отмечает новый образ книги в связи с синтезом искусств: «иллюстрация и книжное оформление соединились друг с другом; кроме того, книгу стали воспринимать как предмет, и она вновь приобрела черты произведения декоративно-прикладного искусства»¹. Влияние искусства на книжную культуру было велико, красота стала приметой и слога, и обложки. Так об этом писал Оскар Уайльд: «Нет книг нравственных или безнравственных. Есть книги хорошо написанные или написанные плохо»². Эстетствующая культура модерна претендовала на роль идеологии в обществе и благотворно влияла на искусство книги, однако, позиция меньшинства не преодолела давления массовой культуры. В этих условиях книге не хватало последнего качества – всеобщей доступности, унификации, и с наступлением XX века, века информации книга переживает кризис, который заключается в ее формальной и ценностной трансформации.

Появление сети Интернет и оцифровывание книги ведет к ее упрощенному производству. Сегодня книгопечатание переживает кризис своего обоснования и как никогда отрицается его польза, поскольку, постоянно увеличивая число и

¹ Сарабьянов Д. В. Стиль модерн. М., 1989. С. 208.

² Уайльд О. Портрет Дориана Грея. М., 2007. С. 3.

самых текстов, и их копий, оно губит всякую надежду на исчерпывающую полноту знания. Книга, как альтернативный вариант сохранения знания, получает различные оценки сегодня, и письменная культура претерпевает третью «революцию» – переход к экранной форме, за которой незамедлительно последует изменение авторской и читательской практик, принципов эпистемологии, и эта трансформация спровоцирует новое понимание книги. Возникает такое явление как печать-по-требованию, которая совмещает электронный вариант книги с предельно индивидуализированным формальным воплощением. Эта технология позволяет упразднить весь необъятный корпус растиражированных изданий, которые заполнили библиотеки и книжные полки домов, с помощью терминалов печатающих и переплетающих трехсотстраничную книгу за три минуты по требованию и выбору потребителя. В дальнейшем книгоиздание неизбежно стало бы одним из факторов экологии. Необходимость печати, отменяемая легкостью доступа к Интернету, находится под вопросом, и новое поколение воспитывается без прежнего уважительного отношения к книге. Мексиканский писатель Габриель Зейд в его игривом трактате о чтении «Так много книг», пишет, что каждые тридцать секунд появляется новая книга: «Books are published at such a rapid rate that they make us exponentially more ignorant. If a person read a book every day, he would be neglecting to read four thousand others, published the same day»¹.

Создание книги в виде отдельных технологий: переписывания, книгопечатания, оцифровывания – представляет собой предметно-действенный модус ее бытия. Обращение с книгой также проявляет данный модус, поскольку сопрягает деятельность человека по поводу книги, выражающуюся в его ценностном отношении, так как существующие книги организуют синтетические культурные феномены – каталоги, библиотеки, музеи книги. Оборот книг служит источником для возникновения этих метакнижных феноменов, посредством

¹ Книги издаются такими быстрыми темпами, и это делает нас все более невежественными. Если бы человек читал по одной книге в день, он бы все равно пренебрегал еще четырьмя тысячами книг, опубликованными в тот же день. Cited from *A companion to the history of the book*. Oxford, 2011. P. 551.

которых она включается в культурные отношения, как сам человек вписывает себя в культуру. Тем самым предметно-действенный модус бытия книги выражает не только внешний план действий по поводу книги, но и внутреннюю деятельность человеческого сознания, открывающуюся в процессах его мышления.

Использование книги определяется ее вещностью, сконструированной по антропному принципу. Книга как вещь устроена и структурирована так, как требуется человеку, человек решает, каким способом организовывать текст в книге. Текст разворачивается в книге, таким образом, как его мыслит человек, сама способность человека к опредмечиванию собственной мысли подчинена логике мышления. Мышление зависит от конкретной социокультурной среды, поэтому исторически существует несколько типов мышления, в основе которых лежат отличия представлений о реальности. Человек мыслит реальность, пытается набросить на действительность во всем ее многообразии свою матрицу отношений и связей, навязать ей свой порядок, в котором он сам ее воспринимает. Структурированное представление о реальности необходимо человеку для ориентации и взаимодействия с ней. Мышление представляется как «объективный процесс, воплощающийся в предметах культуры: в структурах языка, книгах и иных текстах, в произведениях искусства, в правилах деятельности»¹. То, что есть в мышлении, уже освоено, введено во внутренний мир, «нас хранит, поскольку нами помыслено; помыслено именно потому, что оно пребывает как данное для мысли»².

Реальность, предоставленная для постижения, входит в сознание посредством мышления, а затем выражается в языке и сохраняется в памяти посредством различных средств, в том числе и книг. Книга способна излагать не только содержание мышления, но и демонстрировать сам процесс мышления, его грамматику, так как для воспринимающего сознания она вещно имитирует этот процесс. Построение книги, как и структурирование реальности, использует схожие черты, поэтому изменяющаяся социокультурная среда формирует типы мышления и формы книги, необходимые для их выражения.

¹ Новая философская энциклопедия в 4 тт. Т. 2. М. 2010. С. 631.

² Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2006. С. 35.

Книга-свиток воспринимается континуально, как горизонтальное продолжение бытия. На раннем этапе существования книга мифологически отождествляется с бытием, и это находит свое несколько наивное выражение в буквальном уподоблении пространственной протяженности свитка. В свитке текст организуется по мере разворачивания, линейно, таким образом, форма книги довлеет над текстом, регламентирует его построение, что делает текст пассивным по отношению к самому свитку. Мифологическое мышление ориентирует человека на прошлое, к моменту космогонии, так и свиток после каждого прочтения должен быть свернут, чтение, таким образом, циклично, как и восприятие времени. Форма свитка как непрерывного повествования воспроизводит сцепленность событий, универсальность космоса, единство пространства. Рулон книжного свитка аналогичен ткани – как организации содержания в порядке, упорядочивании хаоса, то есть появления самого бытия. Похожие черты демонстрирует мифологическое сознание с его верой в вечное возвращение, во вращение бытия по кругу. Логика чтения свитка – линейная, последовательная, подразумевающая разворачивание – есть постижение явления в его связях, что отвечает мышлению на уровне космоса, порядка, сопричастности, единства.

Для книги-кодекса характерна обособленность, независимость от внешнего мира. Границы между книгой и не книгой прямо указывают на иерархичность пространства, которое дифференцировано и структурировано. Текст, скрывающийся за плотной обложкой, обладает высокой ценностью, так как он сакрален. Частично этой сакральностью наделяется и книга как вещь – визуально она выполнена как дорогостоящий предмет, так ее материальная ценность является выражением ее духовной ценности, откровения, закрытого для непосвященного. Текст, имеющий логику и структуру, выдерживает именно форма кодекса, так как его прагматика выражает видимость порядка: «Композиционные и логические начала сливаются здесь в одно русло, ибо по самой сути своей в целом книга должна отображать “архитектуру мышления”»¹. Дискретная логика мышления, представленная в кодексе, воссоздает причинно-следственные отношения

¹ Герчук Е. Ю. Архитектура книги. М., 2011. С. 18

реального мира. Строгая иерархия в представлениях о мироздании, отражающаяся и в структуре общественных отношений, и устройстве быта, принципиальна для организации кодекса, допускающего управление информацией. Отношение кодекса к бытию отлнчительно иное, чем отношение свитка. Если свиток есть продолжение бытия, то кодекс – это отделение бытия, разграничение. Очерченность кодекса позволяет книге вписаться в бытие как вещи. Несмотря на свою емкость, кодекс обладает протяженной темпоральностью. Чтение кодекса возобновимо, а, следовательно, растяжимо. Время кодекса – это процесс, который вместе с тем подавляет время. Кодекс есть концентрированное, сжатое время, которое протягивается в течение чтения.

Электронная книга, которая визуальнo сохраняет форму кодекса – «маленького параллелепипеда», оснащена целой системой управления: клавиатурой и функциональными кнопками. Действия с такой книгой предполагают точность движений, так как размеры ее стремительно уменьшаются в целях эргономичности. В электронной книге стираются материальные границы, и несколько книг существуют в пределах одного предмета. Миграция текстов и их размещение в мозге реципиента находит аналогию в перемещении целых библиотек на маленький электронный носитель. Так акцент полностью переходит на текст, который активен по отношению к книге и не зависит от ее формы. Сознание текста и читателя сливаются: так рождаются новая книга, а, следовательно, новый читатель и новый тип мышления. Логические связи в книге исполняются новыми способами: вместо оглавления – строка поиска, вместо ссылки – гиперссылка, вместо линейного изложения – симультанность, вместо реальности страницы – виртуальность текста. Логика электронной книги синтезирует в себе логику двух предыдущих форм книги, с некоторыми отличиями. Например, от свитка остается континуальность, прокручиваемость, от кодекса – дискретная представленность, вертикальность. Однако скручиваемый рулон свитка подразумевает необходимость сворачивания для нового доступа, что исчезает в электронной книге, в которой навигация осуществляется эндогенно, поскольку всякое место есть ссылка на другое, что в кодексе было представлено

внешними механизмами поиска – оглавлением, предметным, именованным и прочими указателями. Вместо линейной истории кодекса в электронной книге возникает география текста с местами и адресами. Электронная книга – это палимпсест страниц, организованных симультанно, но подразумевающих длительность. Экран электронной книги, заимствованный у живописи, выступает в роли рамы, которая не позволяет нам увидеть продолжение текста, но оно подразумевается самим ограничением рамы и скольжением рола: «экран – многослойная страница, и она рождает другую страницу. Это огромное единое полотно, и текст можно было бы на нем написать в движении, аналогичном – но обратном – движению разворачивающегося»¹. Антропный принцип в организации текста доходит до предела, сознание не ограничивается рамками возможного, а само-оформляется. Книга не заменяет человеку мышление, не протезирует его разум, но продолжает его, расширяет, раздвигает границы пространства и времени. Книга становится симбиотическим элементом. В связи с этим современное состояние книги в культуре сопряжено с трансформацией и преобразованием самого мышления. Активная модификация устройства книги сигнализирует о перестройке мышления, следовательно, и об изменении социокультурной парадигмы. Увеличение прагматической роли информации в современной культуре оправдывается историей развития материальной формы книги от каменных скрижалей к электронной книге. Если твердость камня означала фундаментальность и нерушимость сакральных смыслов в жизни человека, а хрупкий папирус указывал на трепет перед непрочностью, неспособностью материальной, вещественной формы вместить в себя возвышенные тексты, то электронная технология уже не отвлекает от собственно информации, смысл и значение которой безразлична ей, так как нивелируется сакральность вещного модуса книги. В случае электронной книги вещество не обладает значимой семантикой, она избыточна для прямого получения информации. В то же время электронная книга как никакая другая форма удовлетворяет потребность в

¹ Пас О. Новая аналогия: поэзия и технология // Пас О. Избранное. М., 2001. С. 159

полноте знания, так как представляет собой максимальную форму синкретизации накопленного знания, обеспечивая функционирование интертекста.

Итак, на основе философских свидетельств и исторического анализа понятия книги мы выявили три модуса ее вещного бытия: предметно-материальный, предметно-текстуальный и предметно-действенный. Книга в своем вещном бытии может быть представлена в предметно-материальном модусе, который выражает непостоянство ее формально-вещественного существования; в предметно-текстуальном модусе явлена содержательная сторона книги, конкретные категории текстов, которые впускаются в книжную форму, будь то сакральные, богодухновенные или профанные, повседневные тексты; в предметно-действенном модусе книга предстает как функция в процессе ее конструирования, использования и хранения.

Модусы вещного бытия книги последовательно представляют движение текста к книге. В книге актуализирована интенция текста к обретению формы. Она необходима тексту и предоставляет свободу бытия текстам различного содержания. Благодаря книге осуществляется книгоподобие всех культурных форм вплоть до понимания мира как книги.

Предметно-действенный модус бытия книги, выражающийся в книжных технологиях, определяет не только деятельность по созданию книги, но процесс семиозиса, то есть процесс порождения значения.

Способность книги как вещи порождать значения, а не просто быть инструментом и средством для их хранения и передачи, переводит книгу на уровень символического бытия, где книга выступает в качестве знака.

§ 3. Символическое бытие книги

В настоящем параграфе исследуется специфика символического бытия книги. Символический модус бытия книги заключается в ее способности самой выступать в качестве знака чего-либо или обладать собственными знаками. Характерная особенность книги – самой переходить в состояние означаемого представляет книгу в символическом модусе. Символическое бытие книги предполагает ее связь с некой идеей, которую она замещает своим вещным присутствием. Корреляция вещного и символического модуса бытия книги основывается на значении и смысле книги как вещи в культуре. Определенное отношение, причастность человека к книге формирует символический модус ее бытия. Книга как вещь содержит в себе смысл, созданный человеком, она кодирует человеческую деятельность. Символическое бытие книги упорядочивает множество ее проявлений в знаковом, идейно-образном оформлении.

Основанием символического бытия, во-первых, выступает то, что книга является знаком, символом, означаемым чего-то, во-вторых, основанием выступает причастность к ней человека, в-третьих, символическое бытие имеет историческое выражение.

Символ определяется Г. В. Ф. Гегелем: «Символ есть прежде всего знак. При простом обозначении связь между значением и его выражением есть совершенно произвольное соединение. Данное выражение, данная чувственная вещь или образ в столь малой степени представляют сами себя, что вызывают в представлении, скорее, некоторое чуждое им содержание, с которым они отнюдь не должны находиться в какой-то необходимой специфической связи»¹.

Всякий культурный феномен имеет конкретное материальное выражение в истории, обусловленное не только закономерностями развития культуры, но и имманентными свойствами, позволяющими судить о нем как о тождественном, изоморфном. Инвариантные атрибуты книги коренятся в тексте, или в отношениях книга-текст, отличающихся от всех прочих отношений текста (картина-текст, собор-текст, город-текст). Детерминированность книги текстом

¹ Гегель Г. В. Ф. Эстетика в 4 тт. Т. 2. М., 1969. С. 14.

сопровождается конгениальностью книжной формы тексту: не только текст определяет форму книги, но и морфология книги способна воздействовать на текст. Книга вне своей материальности закрепила в качестве символа, что указывает на ее неискоренимость независимо от трансформаций и даже упразднения. Объектная характеристика книги, благодаря которой человек направляет на нее свое сознание, непременно отсылает нас к тому факту, что она является чем-то большим, нежели набором бумажных страниц в переплете. Книга даже с пустыми страницами указывает на скрытый смысл, а человеческий пытливым ум вложит этот смысл и интерпретирует его там, где его нет. Способность книги порождать значение одним своим присутствием, иными словами, способность к семиозису, подводит к сходству книги и культуры. Культура больше связана с прошлым, с тем, что уже признано как культурное¹. Условие данности, заданности, созданности того, что есть культура, сближает ее с книгой, как воплощенной, законченной и только поэтому доступной восприятию. Создание книги, которая хранит в себе прошлое и доставляет его в будущее, символизирует создание культуры, осуществление ее во времени, объединяющем прошлое (появление культуры) с будущим (признанием культуры таковой). Символический модус бытия книги позволяет выражать моменты колебания, незаданности культуры, события, которые грозят стать или не стать культурой. То, что символически войдет в книгу, то станет определяться как культура.

Образ конкретного единичного предмета – книги – предполагает определенное отношение к ней субъекта (моя книга, книга, подписанная автором, настольная книга) и отношения самой книги к культуре в целом. Единичная книга может носить символический характер в связи с ее использованием, она по-своему пахнет, в ней есть отметки, следы, отсылающие к реальному человеку и связывающие эту книгу с ним, это делает ее уникальной, персональной как вещь. Единичная книга может сообщать что-то о человеке, выбравшем ее среди множества, и может сообщить что-то человеку (какие-то воспоминания,

¹ Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 485-704.

рефлексии). Такая книга в вещном модусе есть знак единичного сознания, то есть существует и в символическом модусе. Для книги как общего понятия символический модус находится в зависимости от текста, который хоть и способен пребывать в иной форме, кроме книжной, но переходя в художественную или скульптурную форму, будет мыслиться по-иному, так как будет включен в отношения картина-текст или скульптура-текст. Среда (форма), в которую помещается текст, символически модифицирует его, дает ключ, разъяснение к его восприятию, прочтению и накладывает дополнительный символический акцент, исключение которого изменяет символический модус. Мысля некоторую книгу, возможно представить культуру в целом, человека, все то, к чему отсылает книга как символ. Представляя раскрытую книгу, допустимо прийти к значению чего-то открытого (входа, портала, доступности, явности). Всякая подвижность в символическом модусе книги скрывает преходящее, незначительное, ведет напрямую к ее содержанию, сущности.

Символическое бытие книги имеет историческое выражение в достаточно четкой дифференциации сакрального и профанного, священного и мирского, религиозного и светского ее начал. Оно актуализировано в древнюю эпоху, когда книга принадлежит жречеству, закрытому сословию. Символический модус придавал ей характер неприкосновенности и отнесенности к тайному, невидимому миру. Книга входит в состав сакрального ядра культуры, как сосредоточение, материальный субстрат сакральности в человеческом мире. В монотеистических религиях книга является одним из культовых предметов (религиозная эмпирия), который является носителем догматов, и часто бывает осенен печатью божественного происхождения, поскольку в материальном теле книги присутствует идеальное начало, слово, дух. Передача сакрального знания о мире и его предназначении осуществляется в форме книги, исход которой сверхъестественен. Например, в обиходе христианского культа существует несколько сакральных предметов, которые, будучи не просто утилитарными вещами, вызывают почтение, и считаются вместилищами благодати – среди них крест, икона, книга и т.д. Они являются символами веры, с которыми напрямую

ассоциируется христианская история. Как атрибуты культа эти предметы всесторонне наделены сакральностью с момента создания, в применении и, наконец, при исключении из пользования. При создании предметов культа всегда учитываются условия их бытования: расположение, применение, способы сохранения и продления жизни, и возможной утилизации. Книга как обиходный предмет использовалась постоянно: ее страницы открывались и перелистывались по множеству насущных поводов за весь год служб и ритуальных чтений. В связи с этим возникают такие явления как старые иконы и книги, вызывающие большее почтение. Как пишет об этом С. Н. Булгаков «старость есть крепость, сила кафоличности, которая как бы сосредотачивается от времени на отдельных предметах»¹. Книга перешла в светское пользование и к настоящему моменту значительно профанирована, она перестала быть сакральным, культовым предметом, так как постепенно исключается из многих сфер: религиозной, образовательной, научной – и наконец, нивелируется как средство досуга в уступке современным технологиям.

Тем не менее, книга формально включена в основные культовые обряды, в том числе в народные, например, беременная женщина прикладывает Библию к животу, поскольку существует поверье, что физический контакт с книгой позволяет ребенку принять дух, или в упрощенном варианте – стать умным; другой пример: помещение локона младенца между страниц книги, затем толкование их содержания, как предсказание его будущей жизни². Ритуалы с применением книги проявляют символический модус книги – мифологического знания, осуществляемого буквально на вещном уровне.

Для религии книга обладает духовной ценностью и только потом художественной и исторической. В религиозном искусстве по наличию книги идентифицируются те или иные святые. Для живописи книга является одним из устойчивых символов, визуальных кодов понятий. Присутствие книги на изображении может отсылать к научной и литературной деятельности: ученые,

¹ Булгаков С. Н. Свет невечерний. М., 1995. С. 55.

² Hayes J. K. Folklore and the book. Knoxville, 1997. P.29.

писатели и философы изображаются с книгой. В Средние века книга была обозначением семи свободных искусств, муз (Клио в особенности), Меланхолии. Божество философия является в образе женщины со скипетром и книгой. Изображение светского персонажа с книгой говорит о его мудрости, просвещенности. В истории изобразительного искусства наделение персонажа картины книгой имеет различную символику, зависящую от целей художника и идеалов эпохи, что в свою очередь проливает свет на статус книги в это время.

Эпоха Ренессанса вручает персонажам полотна книги в знак их захваченности думами о времени. Просвещение использует книгу в качестве признания персонажа современным, несмотря на то, что книга может практически выпадать из рук или небрежно лежать на фоне.

В живописи рубежа XIX-XX веков книга указывает на то, что герой имеет свой круг интересов, а застать его с книгой можно постоянно, так как книга является одним из наиболее повторяемых модных атрибутов. В парадном портрете книга является неотъемлемым элементом среди прочих (скульптуры, интерьера), что должно демонстрировать разносторонность личности портретируемого. Так или иначе, живопись повсеместно вводит книгу в изображение с различными целями, отвечая запросам эпохи или требованиям жанра (как в натюрморте), и даже для акцентирования самого авторского замысла.

В историческом процессе полярные начала сакрального и профанного имеют достаточно специфические формы выражения, часто связанные с мотивами получения, чтения и поедания книги.

Моисей получает скрижали с заповедями, которые становятся основными христианскими догматами, апостолы принимают из рук Христа книги как символ традиции учительства. Иконография Девы Марии включает в себя книгу в сцене Благовещения. Пророки съедают книгу в момент получения пророчества, как это произошло с Иеремией, Иезекиилем и Иоанном Богословом. Книга сопровождает не только библейских, но и языческих пророков, в частности сивилл. Обладание пророков книгами, в соотношении с идеей Ю. М. Лотмана о разных ориентациях книжной (письменной) и устной

культур, когда пророчества, предсказания или гадания, направленные на будущее, противостоят летописям, фиксирующим прошлое, является противоречием. По утверждению Лотмана, возникновение истории есть результат письменности¹. Оппозиция история-будущее встречается в фигуре пророка именно из-за наличия книги. Книга как данность, прошлое содержит в себе интенцию стать будущим, так как текст, хранящийся на ее страницах, имеет вневременной характер, и лишь существование его в материальных объектах, воплощение его в пространстве придает ему временность. Мотив получения книги представляет собой актуализацию прагматического, мифологического и игрового знания в символическом модусе бытия книги, поскольку в сущности является принятием инструкций, руководства в виде нерушимого обязательства

Особым смыслом наделяется в религии книга богооткровенного знания. Универсум в ней воспринимается как текст, который раскрывается человеку. Для всякой религии характерно собственное обоснование мира через сакральную книгу, которая составляет ядро данной религии и содержит свод текстов, толкующих, регламентирующих и прорицающих все бытие, то есть книга в религии есть знание о мире, и создание человеком культуры в данном аспекте рассматривается как чтение книги универсума, что в дальнейшем отражается на культуре в смысле ее представленности в виде книги: книги истории, книги руководств, книги науки.

Книжность мира закладывается в основание религиозного культа. Фундаментальная установка религии на веру в передачу знания и замысла бытия человечеству через книгу подтверждается основными догматами о нерукотворности священных книг в религиях. Объективированное знание о божественном промысле необходимо передается в форме книги, так как творение мира из свободы – чего-то духовного и невещественного – не предоставляет возможности иметь дело с подлинно реальным объектом, подобным самому сотворенному миру. Сакральные религиозные книги

¹ Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 363-371.

признаются божественными и неприродными по своему происхождению, что заложено в их семантику через имена.

Остановимся подробно на примерах сакральной семантики.

В традиционной китайской культуре продуктом интеллектуальной деятельности мудреца является цзы – «учение». Базовая категория китайской культуры – «ли» имеет два смысла: «этика» и «ритуал» и мыслится «как выражение важнейшего фактора не только культуросозидания, но и космоупорядочения»¹. В сочетании с иероглифом «вэнь» – «письменность», принцип «ли» дает понимание мира и культуры как модели, созданной по начертаниями небесных узоров, исходных метафизических и антропологических смыслов.

В буддизме основной книгой является «Трипитака», значение ее имени восходит к пониманию текстового собрания, хранящегося в трех корзинах. Троищность буддийских текстов заключается в различиях между функциональным содержанием священных книг: Винаи – дисциплинарных правил, Сутты – наставлений, и Абхидхаммы – доктрины. Для буддизма нехарактерно представление о передаче книги человеку, однако проповеди Будды не имели строгой формы, единого варианта, но, тем не менее, их тексты, укладываемые в отдельные книги, являются остоном всех версий речей Будды, которые консолидировались компетентными чтецами, что способствовало переводу имплицитного знания в эксплицитное. Несмотря на конъюнктурное разрастание буддийских текстов, любая часть носит отпечаток высшего вдохновения и интуитивного прозрения, возникающего благодаря медитации. Все части буддистского священного произведения преследуют общую цель воспроизвести дхарму, то есть описание и предписание целеполагания нирваны дискурсивным путем.

Название священной книги иудаизма – Тора – буквально переводится как «учение», «закон». По традиции каждый иудей должен за свою жизнь обзавестись книгой Торы, в идеальном варианте, самостоятельно переписать, чтобы действительно владеть ею. Вкупе с Торой представлен многотомник Талмуда,

¹ Новая философская энциклопедия в 4 тт. Т. 2. С. 391.

заглавие которого дословно можно перевести как «учение» и содержанием которого является принципиально недифференцированный свод знаний. Согласно иудаизму Бог творит мир «речениями», а Тора была создана до сотворения мира, и, следовательно, выступала в качестве орудия творения. Будучи орудием, которым создан мир, книга Торы служит прообразом всякой человеческой деятельности, одновременно выступает в роли знания и «небесного императива». Историография иудейской религии укладывается в два этапа, на первом из которых передаче знаний свойственна замкнутость в привилегированных кругах духовенства, получающих это знание напрямую от Бога, а на втором – присутствует систематическое обучение, и знание открыто для обсуждения всеми, становится публичным и доступным, то есть становится учением. Но тем не менее, некоторая часть знания остается закрытой, поскольку требует высокого уровня подготовки, а иначе чревато опасностью.

Христианская традиция, покоящаяся на Библии, выражает общую идею завета, передачи сакрального знания людям от Бога через пророков. Принципы нравственного поведения закреплены книгой, в которой раскрывается их значение и авторитетность через дидактизм притч, истины служения, послания, законы. Библия понимается как текстуальное закрепление сакрального знания, на основе которого учреждается христианская доктрина и морально-юридическая традиция.

В исламе Коран (по-арабски «чтение вслух», «назидание») считается нерукотворной книгой, которая существует предвечно и была ниспослана вместе со зримыми чудесами. Своеобразный книгоцентризм ислама проявляется в применении святой книги во всех сферах жизни общества. Понимаемый как совершенное законодательство для природы и людей, Коран воспринимается в мусульманской культуре как предвечное и константное описание праведной жизни, а проявление зла возможно из-за незнания законов, предписанных Кораном, следовательно, беззаконие понимается онтологически. Это проявляется в композиции Корана, где последовательно убывает объем главы по мере прочтения, удалении от источника сакральности.

Все указанные книги имеют вещное бытие, представленное в значимых исторических экземплярах. Например, не отличающееся цельностью и завершенностью версий, учение буддизма существует в наиболее полном и исчерпывающем варианте в корейском сборнике на деревянных табличках под названием «Трипитака Кореана». Ценность этого памятника заключается в материальном воплощении выхолощенного, хрестоматийного учения, вопреки самому существованию учения буддизма в казуальной нерегулярной конфигурации текстов. При создании Трипитаки Кореаны применялись сложные технологии, которые обеспечивали защиту от старения: вымачивание и вываривание деревянных табличек в морской воде на протяжении трех лет, последующего высушивания на ветру – повторение создания выверенного прагматического знания уже в предметно-материальном модусе. В христианском мире ценными признаются древние рукописи Ветхого и Нового Завета на греческом языке, датирующиеся IV веком, однако, самый древний текст Ветхого Завета существует на серебряных листах, записанный одними лишь согласными буквами, что передает твердость материала и самого текста, отсылая к изначальной «каменности» первых скрижалей. В исламе так называемый манускрипт Корана Османа VII века считается самым древним памятником, он является выработанным стандартом текста, наиболее близкого ко времени создания самого текста.

Однако вещный модус не является исходным для сакральной книги, которая вбирает в себя бытие, гигантский мир, открывает его, позволяя освоить, перевести неизведанное, непрочитанное в свое, окультуренное. Вещность книги выражает аккумулярованную и переведенную практику в статус знания, то есть форму памяти, свернутую схему деятельности.

М. С. Каган пишет о трех ипостасях знания: прагматическом, мифологическом и игровом. Практические действия человека не сразу осознаются, но становясь знаниями приобретают прагматический характер. Буквальным примером такого знания являются книги рецептов, инструкций, руководств, методов «в прямом научении данному способу деятельности»¹.

¹ Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 221.

Знание сочетает в себе одновременно что-то понятное и подозреваемое. Предметно-материальный модус закрепляет полученное знание как границу между понятным и подозреваемым. Материальность книги свидетельствует о существовании этого знания, удостоверяет его.

Предметно-текстуальный модус закрепляет то, что составляет ценность для человека, из которых человек извлекает собственные смыслы. На основе полученных знаний человек конструирует посредством творчества свою смысловую вселенную, культуру, которая может приближаться и отдаляться от изначального знания, что проявляется в постоянном варьировании системы ценностей. Эта смысловая вселенная выступает результатом практики или игры, которые либо подтверждаются культурой, либо разрабатываются, либо отрицают и разлагают знание.

И, наконец, предметно-действенный модус коррелирует с книгой-законом, идеологией, кодексом. Неслучайно кодекс, помимо книжной семантики, имеет значение единого законодательного акта, совокупности норм и правил, императивов, напоминает о приоритете писаного права. Мифологическое знание как обобщенная практика — преодолевает «раздробленность, эмпирическую фрагментарность и случайность знания, вплетенного в практику»¹. Прямое указание книги на знание, выявленное в результате практики, содержится в инвариантности книжной формы как существующей, устойчивой, необходимой. Результат от действий с представленным знанием и основанном на нем игре, как способе ««подключать» детей к опыту взрослых»², формулируется в виде мифологической модификации знания, принципа действия, дхармы, технологии обращения с книгой бытия, подразумевающих, в сущности, резервацию, сохранение, запрете, постановление. Таким образом, символический модус бытия книги определяет ее материальное бытие и обретает формы знания и его прагматической, мифологической и игровой модификаций, выражая сущность книги, задачу книги и способ действия с книгой. Знание и его прагматическая, мифологическая и игровая модификации нашли свое выражение в светской книге,

¹ Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 221.

² Там же.

которая также прошла длинный путь исторического развития. Сюда могут быть отнесены философские и литературные тексты античности, зарождение текста нововременной науки, учебники и энциклопедии, по которым можно отследить дифференцирующее развитие светской книги.

Символический модус книги отражает предельные основания культуротворческого смысла книги, которая понимается не как человеческое изобретение, но как открытие в бытии в виде принципа познания и отношения к универсуму. Человечество в своей культурной деятельности угадало заложенную форму бытия и использовало ее для создания собственно человеческой культуры.

Книга в символическом модусе имеет свойства собственной знаковости, которые выражаются в ее общей исторической и конкретно единичной семантике, поэтому далее будут рассмотрены метафоры самой книги. Книга может характеризовать отдельного индивида и определять культуру в целом настолько, насколько один человек наделяет отдельную книгу эмоциональным и рациональным смыслом и насколько общество расценивает роль книги в своей жизни, признавая или отрицая ее ценность и авторитет. Значимым и, в конечном счете, судьбоносным для книги является отношение к ней данного общества и культуры. Символическая роль книги происходит от предметно-вещного бытия книги. Культура выделяет книге нишу, в пределах которой она будет функционировать, до тех пор, пока не изменится культурная ситуация. «Психологическая атмосфера» вокруг книги непостоянна, нестабильна, и все колебания в культуре сказываются на ней в первую очередь, она рефлексивно запечатлевает все превращения. Семиотическая теория, изучающая знаковую природу культуры, устанавливает закономерность, при которой «смена культур обычно сопровождается резким повышением семиотичности поведения»¹.

На основании выведения символической модуса – знания и его прагматической, мифологической и игровой модификаций можно сделать вывод, что символический модус бытия книги представляет собой удвоенное

¹ Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 485-704. С. 486.

производное самого бытия. То есть книга представляет собой удвоенное отражение действительности, новую книжную реальность. Из знания производится прагматика (практика), предполагающий адаптацию в мире на основе знания правил действия, однако, данное удвоение бытия есть, прежде всего, человеческое бытие, моделирование бытия мышлением. Последовательное моделирование бытия мышлением кодируется в форме книги как вещи, выражает мышление в снятом виде, которое впоследствии репрезентирует данное мышление. Но книга сама есть часть бытия, она также мыслится, следовательно, книга как опредмеченное мышление должна включать в себя мысль о себе самой. Представление о книге в мышлении и есть ее символический модус, изменяющийся силой трансформаций книги, то есть непосредственно мышления.

Ломка культурной парадигмы осуществляется совместно с поиском новых форм для выражения обретаемых ценностных смыслов и встраивания, оправдания этих смыслов. Малозаметные изменения в семантике отдельного культурного явления позволяют предсказать потенциальные пертурбации в целой системе культуры. Едва уловимые дополнения или оттенки в знаковой составляющей культурного артефакта свидетельствуют о надвигающихся переменах в интеллектуальной сфере, в социокультурной среде, и, наконец, в культурной эпохе в целом, позволяя как раз определить ее завершение и начало, разграничивать эти культурные эпохи. Культурная эпоха понимается как «отбрасывание всех полученных в ходе истории мышления мнений о предмете с целью сделать доступной сущность этого предмета»¹. Выделение культурных эпох возможно по причине изменчивости доминантных маркеров. Одним из условных разграничений культурных эпох считается маркер книги. Этапы культуры органично укладываются и описываются в исторических рамках, отмечающих точки появления книги и ее трансформаций, но ярче данные эпохи проявляются в метафорах книги. Типические метафоры: книга-мир, книга-человек, книга песка – являются результатом трансформаций книги и смены одного типа мышления другим.

¹ Философский энциклопедический словарь / Ред. Е. Ф. Губский. М., 1998. С. 544.

Всякому изменению в облике книге предшествовало изменение в грамматике мышления данной культуры, которое сначала потаенно выражается в символическом восприятии книги, соразмерном грамматике мышления. Уподобление книги другому или другого книге служит своеобразным критерием культурной ассимиляции вещей и явлений. Это уподобление в культуре осуществляется посредством метафоры как интерференции понятий. Метафора способна обнажить неназванное свойство в процессе сравнения понятий, связывая их в мыслительном акте.

Рассмотрим семантику метафор книги для выявления характерного отношения мышления человека к книге, что позволит приблизиться к пониманию культурных смыслов книги. Под метафорой здесь понимается «средство, позволяющее производить семантический сдвиг в значениях языковых выражений, с помощью чего осуществляются различные интеллектуальные процессы, связанные с выявлением и описанием новых характеристик объектов, которые интересуют человека, а также новых связей между ними»¹.

В культуре складывается устойчивая традиция метафоричности книги, которая, в силу своей знаковой природы, подвержена тем же изменениям, которые претерпевает сама культура. Образность книги основана на ее содержательности – качестве, позволяющем воспринимать книгу как объект-знак, указующий опять же на семиосферу внутри себя. Метафоры книги многочисленны и постоянно развиваются, дополняются. Как утверждает У. Эко, «метафора может быть изобретена, потому что язык, в своем процессе неограниченного семиозиса, образует многомерную сеть метонимий, каждая из которых объясняется не столько природным, естественным сходством составляющих ее элементов, сколько условностями (конвенциями) данной культуры»². Возникновение той или иной метафоры согласовано с морфологией и динамикой данной культуры, иначе метафора попросту не могла бы возникнуть и, следовательно, восприниматься. Культура предоставляет возможность целостного

¹ Новая философская энциклопедия в 4 тт. Т. 2. М., 2010. С. 549.

² Эко У. Роль читателя. СПб., 2007. С. 136-137.

системного видения действительности посредством комплексного, тотального рассмотрения связей субстанциональных и функциональных элементов, поэтому метафора, как знаковая сторона культуры проявляет всеобщность этих связей.

Приведенные выше метафоры книги можно дифференцировать на классические и неклассические.

Первой классической метафорой книги является книга-мир, указывающая на универсум в целом, мир вокруг и внутри человека. Эти метафоры выстраиваются на подобии структуре, свойствам тела книги. В классических метафорах, свойственных книге заложено такое основание подобия, которое проявляет субстанциональное единство мира – общий принцип смежности, сопредельности. Конгруэнтность внутренней организации книги уподобляемому объекту, сходство их частей, функций позволяют назвать такой тип метафоры книги классическим, то есть передающим характерное, типичное, образцовое в книге. Классическая метафора книги открывает ее бытие во всеобщих связях. В этом случае метафора как универсальная модель демонстрирует непосредственное сходство сопоставимых с книгой предметов. Образец книги, ее код, по которому культура идентифицирует книгу, передается в классической метафоре, раскрывающей связь книги со всеми проявлениями культуры. К классическим относятся уже ставшие традиционными и устойчивыми метафоры: мир-книга, природа-книга, человек-книга и обратные книга-память, книга-история, книга-духовная пища, источник.

Символизм христианства производит основополагающую метафору всей культуры человечества в целом: книга мира, книга природы, книга бытия. Средневековое мировоззрение было символическим, что в самом общем виде можно проследить в метафоре «мир как книга». «Любовь как книгу некую сплела то, что разлистано по всей вселенной», – пишет Данте, подразумевая под Любовью Бога, а под книгой – сотворенный мир¹. Фома Аквинский уподобляет бытие, ставшее и становящееся, книге, говоря о свершающихся событиях как о книге, которую пишет создатель. В своей Сумме теологии Фома исследует «книгу

¹ Данте А. Божественная комедия. М., 1967. С. 462.

жизни» и приходит к выводу, что «книга жизни в прямом смысле означает знание, а в непрямом - жизнь», а также книга жизни есть «вещь, происходящая от другого, ибо всякая книга кем-то написана»¹. В средневековой терминологии Фомы Аквинского бытие книги написанной не является ее сущностью, но отождествляется с бытием самого Бога, знанием Бога и предстает знаком «вещей, которые будут исполнены»². Книга, поскольку воплощает сокрытие и откровение знания, по природе своей есть символ, внутри которого некий смысл, не тождественный самому символу. Символизм книги связан с дидактическим аллегоризмом, однако, истолкование его шире прочих, так как остальные символы также «книги», которые нужно прочесть. Символизм книги коренится в ее происхождении, так как она производна «от другого», происходит от идеального (Бога), и это акцентируется Аквином в понимании книги, поэтому целью человека является все же не мир, но сам Бог, акт богопознания. У тварного подлунного мира имеется автор, замыслом которого является выражение его величия и любви к своему созданию. Сознание Бога-автора вступает во взаимодействие с сознанием осуществленного мира на основании двухстороннего подобия, зеркальности: «словно в живой книге, словно в зеркале, производящем формы, интеллект сам по себе вычитывает эти два рода правил и принципов, ибо живая собственная и единственная книга человеческого ума – это сам Создатель»³. Произведение Бога – природа – выступает проявлением его воли и подлежит познанию: «весь необъятный мир довольно служит ему книгою, дабы дивиться чудесам создателя и познать благостное его всемогущество»⁴.

Подобие мира и книги в средневековом метафизическом символизме устроено в связи с текстуальностью, но и предметная сторона отражается в метафорах. Прежде всего, материальность книги и природы позволяет воспринимать их как знак, указывающий на идеальную сторону, и каждое конкретное физическое явление – как письменное. Уподобление единства

¹ Фома Аквинский. Сумма теологии. Киев, 2002. С. 475.

² Там же. С. 324.

³ Жильсон Э. Философия в средние века. М., 2004. С. 320.

⁴ Гиммельсгаузен Г. Я. К. Симплициссимус. Л., 1966. С. 99.

универсума, разделенного на части: небо, землю, животных, растительность – сравнимо с прочитыванием составных глав произведения: «А в необъятной книге той, что нами зовется небом, рок султана злой был звездными начертан письменами: смерть от любви»¹. Единство универсума, расчлененное на части: небо, землю, животных, растения – сравнимо с произведением, которое прочитывается по составляющим его главам. Необходимость ориентации и осведомленности доводит вплоть до того, что конкретные явления мироздания почитались за буквы и числа (звезды, растения, цвета), это неминуемо приводило к желанию упорядочить и расположить «письмена» Вселенной, в связи с чем появляются примеры классификаций, перечислений и систематизаций в суммах, сборниках, травниках, цветниках. Ученый натурфилософ должен штудировать книгу природы: «Люди ищут истину в своих микрокосмах, а не во Вселенной. Ведь они отвергают азбуку природы и не желают, как школьники, учиться на божественных творениях. А если бы они поступали иначе, то может быть смогли бы шаг за шагом, постепенно переходя от простых букв к слогам, подняться до свободного чтения книги сущего. Они же, напротив, непрерывными усилиями ума настойчиво стремятся вызвать своего гения, дабы он пророчествовал и изрекал оракулы, которым они с удовольствием позволяют себя обманывать»². Изучение природы следует проводить сообразно самой природе, потому что человеческий ум определяется природой, являясь ее частью.

Способность воспринять мир природы указывает на готовность прочитать божественный мир по образу материального: «И для того, чтобы мы не впали в заблуждение, он дал нам две книги: книгу Писания, в которой раскрывается воля божья, а затем – книгу природы, раскрывающую его могущество»³. Манифестация природы как книги Бога в христианстве основана на ее закрытости, сокровенности в противовес открытому космосу язычества⁴.

¹ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 2007. С. 186.

² Бэкон Ф. Сочинения в 2 тт. Т. 2. М., 1972. С. 119-120.

³ Бэкон Ф. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М., 1972. С. 128.

⁴ Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. М., 1966. С. 136.

Постижение книги связано с когнитивными концептами начального возникновения и завершенности, сводящимися к идее сотворенности и позволяющими судить о степени освоения содержания как книги, так и мира¹. Финитность книги, или ее ограниченность точками начала и конца, осуществлена и во времени (текстуально), и в пространстве (вещно). М. Бланшо пишет об этом следующим образом: «Время книги, определяемое отношением начало-конец (прошедшее-грядущее), исходя из некоего присутствия. Пространство книги, определяемое разворачиванием, исходя из некоего центра, в свою очередь представляемого как поиск истока»². Движение в книге от начала к концу – это одновременно и движение к Началу. Творение Богом мира и его начало коррелируют с первым приближением к книге, восприятием ее вещности, последующим чтением и, наконец, приобщением к ее целостности. Проникновение в глубины тайн природы сродни преодолению пространства и времени книжного тома по мере прочитывания книжных страниц, отдалением от условной точки отсчета и наступлением полноты знания, подобному библейскому «исполнилась полнота времен», моменту, в котором мир подходит к концу. Достижение понимания книги (фактов, сюжета, композиции) возможно благодаря способности воспринимающего субъекта осмыслять и интерпретировать содержание, а значит проговаривать и толковать замысел автора. Изначальное положение книги, которое разворачивается на ее протяжении, есть завершенность книги, открытой длительностью разворачивания и сомкнутой по достижению законченности, целостности.

Таким образом, первая и фундаментальная метафора – книга мира, книга природы, книга бытия – формируется и обосновывается в рамках символизма Средних веков. Последующие эпохи настойчиво пользуются ею, при этом разрабатывая метафору в своих поэтических целях. Однако не только собственная необходимость авторов провоцирует творческое употребление традиционной

¹ Мечковская Н. Б. Концепты «Начало» и «конец» // Логический анализ языка. М., 2002. С. 109-121.

² Бланшо М. Отсутствие книги // *Locus solus*. СПб., 2006. С. 129-147. С. 134.

пары мир-книга, но и пропозициональность в отношении сравниваемых объектов, которая ведет к генезису новых подобий книги по смежности с предикатом мир.

Книга-человек представляется второй классической метафорой книги. Ориентация архаического человека в мире требовала соотносить мир с собственным восприятием пространства, что означало, разграничивать и обживать чувственно-материальный космос, поэтому на освоенной части земли возводились жилищные постройки, учитывающие взаимодействие человека с миром. Соизмеримость человека и мира как микро- и макрокосма должна быть закодирована в обитаемом месте, следовательно, все «традиционные формы и способы структурирования жилого пространства отражают устойчивый комплекс представлений, связанный, в конечном счете, с представлениями о строении мира, во-первых, и с механизмом ориентации в мире, во-вторых»¹. Термины зодчества распространены в книжной сфере: обложка и титульный лист как в здании обладают архитектурными характеристиками, как портал или свод собора, иллюстрации подобно витражам в солнечный день расцветчивают страницы убористого почерка переписчика. Пространственно ограниченная с постоянной зафиксированной жесткой формой архитектурного сооружения, книга скрывает вечное «внутреннее» пространство мысли, как храм представляется домом для божества.

Архитектурные категории мира, такие как дом и храм, составляют с ним прагматическое тождество, которое возводится к общему источнику – человеку. Однако, если дом и храм относительно человека изначально визуальны, то внутренний мир человека требует культурного опыта, а именно освоения в процессе чтения.

Человек сравнивается с книгой также по принципу смежности: он тоже располагает физическим телом и идеальной душой. Внутренним содержанием человека как книги могут быть когнитивные процессы: «жизненный мир», память, мысли. Наиболее общее понимание метафоры памяти как книги достигается М. Маклюэном, который приходит к выводу, что все медиа средства (способные передавать звуковую и визуальную информацию) суть расширение

¹ Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 126.

тела в пространстве, а именно расширение нервной системы. Книга уничтожает время и пространство для информации, поскольку то, что на протяжении человеческой жизни фиксирует события – память – не прерывается, облачаясь в новую вещественность, опредмечиваясь и отделяясь от производящего сознания.

Длительность книги заключает в себе момент между прошлым и будущим, исчезнувшим и наступающим, точкой пересечения, как в памяти человека, где сочленяется минувшее и грядущее. Хрупкость человеческой памяти противопоставлена и дополнена твердостью книжной памяти, вмещающей историю прошлого, которое увеличивается вопреки возможностям человека. Приспособленная запечатлевать и сохранять подобно памяти человека, книга просто фиксирует, но не оценивает, беспристрастно собирает и накапливает факты независимо от их качества: «Мне представляется, что наша душа походит тогда на своего рода книгу. – Как так? – Память, направленная на то же, что направлены ощущения, и связанные с этими ощущениями впечатления кажутся мне как бы записывающими в нашей душе соответствующие речи. И когда такое впечатление записывает правильно, то от этого у нас получается истинное мнение и истинные речи; когда же этот наш писец сделает ложную запись, получают речи, противоположные истине»¹. Однако, переплетение и наложение в душе человека личного опыта (мнений, убеждений, ценностей, авторефлексии) и историографического материала (событий, фактов) удерживается в памяти подобно жанровым подразделениям книг: «Трудно отделить в своей памяти, что ты пережил, что сочинил, а что прочел в книгах, и поэтому, когда я вдруг слышу хриплый и скверный голос старика Карамазова, я уже не могу отличить, что именно я вспоминаю – выдуманное, прочитанное или подслушанное»². Воспоминание есть возвращение к книге памяти, ее оживление, что описано Ф. Ницше: «Непрерывно от свитка отделяются отдельные листы, выпадают прочь, чтобы снова упасть в самого человека. Тогда человек говорит: “Я вспоминаю”, - и

¹ Платон. Филеб // Платон. Сочинения в 4 тт. Т. 3. Ч. 1. СПб., 2007. С. 11-97. С. 54.

² Кинофильм «Зеркало», режиссер А. Тарковский.

завидует животному, которое сейчас же забывает и для которого каждое мгновение действительно умирает, погружаясь в туман и ночь, угасая навсегда»¹.

Прочтение внутреннего человека, его мыслей есть познание его другим человеком. Столкновение двух индивидов, двух внутренних пространств есть коллизия свой-чужой, провоцирующее последующее освоение, как неизвестного пространства мира и местности. Неизвестность чужого преодолевается поступательным процессом ознакомления с внешними проявлениями человека, манерами и жестами, символически скрывающими намерения и побуждения, затем в беседе, непосредственно обнаруживающей идеи и мнения. Всякое проявление себя человеком похоже на высказывание. Внешний вид человека, его облик отражает внутренний мир, поступки и он может либо скрывать низкую сущность как обложка книги, либо демонстрировать, приоткрывать некоторую часть внутреннего мира. В. Шекспир для обоих случаев использует образ книги. В трагедии Ромео и Джульетта Леди Капулетти призывает дочь оценить предлагаемого в мужья Париса: «Сегодня на балу его изучишь. Прочти, как в книге, на его лице намеки ласки и очарованья. Сличи его черты, как письма, измерь какая в каждой глубина, а если что останется в тумане, ищи всему в глазах истолкованье. Вот где тебе блаженства свод, и переплета лишь недостает»². Несовпадение содержания наружности человека с душевным миром, характеризующихся соизмеримостью, вызывает противоречивое отношение, отторжение, недоумение, например, как в случае с принятием Джульеттой вестей об убийстве брата любимым Ромео: «Пустая видимость! Противоречье! [...] Зачем негодный текст переплетен так хорошо? Откуда самозванец в таком дворце»³?

В книге внутреннего мира человека может быть изложена вся его жизнь, обладающая, как и сама книга, длительностью, линейностью, последовательностью. В культуре за представлением о человеческой жизни твердо

¹ Ницше Ф. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М., 1996. С. 161.

² Шекспир В. Ромео и Джульетта // Шекспир В. Полное собрание сочинений в 14 тт. Т. 6. М., 1993. С. 35.

³ Там же. С. 111.

закрепилось понятие Книги Жизни, в котором улавливается значения целостности, непрерывности, длениа, полноты, а также сопоставимости процессов проживания-прочитывания. Аспекты жизни в форме книги обнаруживаются во временных концепциях прошлого (истории, как книги), настоящего (внутренний мир и события как содержание книги) и будущего (бессмертия как памяти о человеке). Будущее видится книгой, которая закрыта, но неизбежность его наступления и предпосылка в виде настоящего обеспечивает его перспективу: «Будущее! Интереснейший из романов! Книга, что мне не дано прочитать! Край, прикрытый прослойкой туманов! Храм, чья постройка едва начата¹»!

Метафора человек-книга может иметь иную логическую последовательность, поскольку создаваемая руками человека и применяемая им самим, книга носит антропоморфный характер: «книга человекоподобное или сверхчеловеческое существо, одаренное разумом и волей, способное на гнев и милость»². В этой последовательности актуализирована универсалия культуры, включающая процессуальность культурной практики и культурного результата. Книга отделена от автора, именуется по автору, поэтому составляет его часть, без присутствия его самого. Отечественная связь автора с книгой предоставляет ей возможность замещать его и наследовать его имя. Книги как «личностное выражение» продолжают его жизнь, обеспечивая ему бессмертие, при жизни продолжая его память, которая сохранится после его кончины. К книге можно относиться как к человеку, поверенному в сокровенное, с любовью или неприязнью, внимательно или небрежно. Книга способна вызывать эстетическое наслаждение от тактильного ощущения ее страниц, гибкости корешка и рельефа тиснения, звука перелистываемых страниц, запаха нового печатного листа или кожаного переплета. Старая книга тоже несет печать наслаждения, так как истрепанные и почерневшие от листания страницы выдают время, проведенное с нею.

Неклассические метафоры, как предлагает их рассматривать Е. О. Акишина, устанавливают непосредственную связь между внешне непохожими понятиями

¹ Брюсов В. Я. Будущее // Брюсов В. Я. Стихотворения. М., 1958. С. 457.

² Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. СПб., 2004. С. 192.

что расширяет смысловое поле ключевого понятия путем подключения к нему смыслов другого понятия¹. Исследовательница расценивает такие метафоры как анти-классические. Для неклассических метафор характерна ассоциативная гибкость и тенденция к остранению привычного. Происхождение от предметной и текстовой сторон книги обуславливает удвоенную образную деривацию. Таким образом, организация текста в книге вызывает к жизни неклассические метафоры.

Образность книги развивается, что обусловлено изменением роли текста и типа мышления. Данный процесс репрезентирует символический модус бытия книги в ряде неклассических метафор, таких как лабиринт, песок, шар, сфера, которые не имеют прямой аналогии с формой книги или с типом мышления, задающим композицию книги как вещи. Эти метафоры построены на подобии тексту и подчеркивают неустойчивость книжной формы по отношению к тексту, который выходит за ее границы. Например, в электронной книге текст волен сам определять форму и себя, и самой книги. Текстуальная или идеальная сторона книги обуславливает подвижный, динамичный, непространственный характер неклассических метафор. Образы неклассических метафор могут иметь весьма отдаленные связи с книжным знанием в буквальном смысле, однако, как пишет о метафоре Х. Л Борхес: «постоянно чураться какого-то слова, прибегая к неуклюжим метафорам и нарочитым перифразам, – это и есть, вероятно, самый разительный способ подчеркнуть его»². Неожиданное уподобление книги, например, песку вызывает недоумение, удивление, акцентирует изменившийся характер самой книги.

Первой неклассической метафорой, широко представленной в культуре, является лабиринт. Лабиринт с античности рассматривался как символическая модель универсума. В самом общем виде лабиринт представляет собой принцип движения в универсуме, структуру мироздания. Книга в форме свитка и кодекса отвечает образу лабиринта, поскольку он является образом мира, и чтение таких книг подобно движению к центру лабиринта, то есть освоению пространства-текста. Однако Г. Керн предлагает разделять лабиринты на «критские»

¹ Акишина Е. О. Метафора как форма выражения философских идей : автореф. дис. на соиск. учен. ст. канд. филос. наук : 09. 00. 01. Омск, 2009.

² Борхес Х. Л. Вымыслы. СПб., 2009. С. 132.

(labyrinth) и лабиринты-путаницы (maze), где последние представляются усложненным вариантом первого вида, так как дополняются ответвлениями, пересечениями и альтернативными развилками¹. Телеологичность, неминуемая центричность и конечность «критского» вида лабиринта заменяется в лабиринте-путанице множественными и синхронными входами и выходами, децентрацией, которая приводит к устранению пределов лабиринта, границы размыкаются, и взаимодействие лабиринта с внешним пространством ничем не опосредуется, лабиринт и наружная среда сливаются.

Электронная книга подобно лабиринту смешивает пространство двух и более текстов внутри себя, а также пространство действительности, читаемой как сплошной текст. Может показаться, что «критский» лабиринт организует и упорядочивает универсум, а лабиринт-путаница, напротив, препятствует ориентации, однако, это не так. Хаотическое, не структурированное устройство электронной книги принципиально для довлеющего над ней текста, который стремится реализоваться, являясь потенцией, возможностью, не скованной жесткой формой: «И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности»².

Метафора лабиринта для книги актуализирует неустановленность, неопределенность ее текста, который Р. Барт называет многомерным пространством, «где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из них не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников»³. Данное многомерное пространство лабиринта, как неклассической метафоры книги также отображает всеобщие связи действительности, но на ином уровне – семантическом. Семиосфера внутри книги пользуется семиотическими способами связи – цитатами, которые по сути являют принцип интертекстуальности и создают эффект стереоскопии текстовых реальностей, взаимоотражающихся посредством знаков. Книга-лабиринт будит ощущение «незримого бесплотного роения» из-за

¹ Керн Г. Лабиринт // Керн Г. Лабиринты мира. СПб., 2007. С. 7-33.

² Борхес Х. Л. Вымыслы. СПб., 2009. С. 132.

³ Барт Р. Смерть автора // Р. Барт. Избранные работы. М., 1989. С. 384-392. С. 388.

симультанного пребывания множества текстов в теле одной книги без «плоти»¹. Характерное линейное, последовательное расположение частей в кодексе заменяется единовременным совмещением прежде отделенных томами текстов в электронной книге: «Мелькиадес изложил семейные истории не в соответствии с условным человеческим временем, а до того сгустил повседневные события целого века, что они все соприкасались в какие-то моменты»². Лабиринт как метафора для книги изоморфна классической метафоре мир-книга, однако, там книга отражает весь комплекс отношений человека с миром и демонстрирует его строение, упорядоченное и рационализированное. Книга-лабиринт тоже воспроизводит и повторяет мир, но уже совершенно нечеловекоподобный. Мир, отражаемый в метафоре книги как лабиринта, не вымыслен, он существует, это тот же самый мир, однако его восприятие изменилось, и метафора последовательно запечатлела эту трансформацию.

Книга-лабиринт не аморфна, она открыта, самоорганизуется. Восприятие книги как лабиринта-путаницы позволяет читателю самостоятельно прокладывать себе путь, без принуждения данной формы: «Зачем вводить какие-то новые способы чтения книг вместо одного-единственного, который, как жизнь, ведет нас от начала к концу, от рождения к смерти? Ответ прост: затем, что любой новый способ чтения книги, идущий наперекор течению времени, которое влечет нас к смерти, есть бесплодная, но достойная попытка человека воспротивиться своей неумолимой судьбе если не в реальности, то хотя бы в литературе»³. Текст такой книги определяет форму книги, определяет самого читателя, этому тексту «надоело разглядывать читателей подряд, подобно гусиной стае»⁴. Освобожденный от строгой формы текст предстает во всей самостийности, так как в форме свитка или кодекса, мы прежде текста книги видим и находимся под воздействие формы, и только после этого – соприкасаемся с текстом. Электронная форма не репрессивно впускает в текст, а

¹ Борхес Х. Л. Вымыслы. СПб., 2009. С. 131.

² Маркес Г. Г. Сто лет одиночества. М., 2012. С. 476.

³ Павич, М. Пейзаж, нарисованный чаем. СПб., 2007. С. 133.

⁴ Там же. С.134.

не в форму текста: «Не теряете ли вы самую жизнь, пытаясь ее упорядочить, не утрачиваете ли вы мир в своих усилиях привести его в порядок?»¹.

Вторая неклассическая метафора – песок. Она представлена в творчестве Х. Л. Борхеса, который последовательно демонстрирует рождение и развитие неклассической метафоры книги: в новелле «Стена и книги» автор описывает связь книги со стеной, как границей, пределом, разделением пространства, а затем в «Книге песка» преобразует полную, возведенную линию рубежа в нестабильную субстанцию – постоянно перемещающийся песок. Император в новелле «Стена и книги» приказывает построить стену для безопасности государства и сжечь все книги для упрочения своего положения во всей истории прошлого и будущего. Борхес интерпретирует стену метафорически: стеной император «обрекал тех, кто любил прошлое, на труд столь же огромный, как прошлое, столь же бессмысленный и беспощадный»².

Метафора песка претендует на статус программной в выражении символического модуса книги в ее электронном варианте, аналогично заглавиям концептуальных книг: древнеегипетской Книги Мертвых, древнекитайской Книги Перемен, в которых описываются аксиологические и гносеологические установки. Книга песка, благодаря предикату песок, не имеет начала, точки отсчета, в ней неразличим конец. Метафора песка предполагает бесконечное количество прочтений, интерпретаций, и эта бесконечность может быть и дурной, так как сталкивает с бездной: «книга – порождение кошмара, невыносимая вещь, которая бесчестит и отрицает действительность»³. Бесконечность книжного пространства – это присущая Борхесу стратегия превращения мира в книгу: «письмо не описывает, не отражает мир, а вносит в него сознание»⁴. Метафора песка указывает на бесконечное движение смысла, которое делает невозможным его установление. Такое положение противопоставлено принципу причинности, так как отрицается начало и конец, центр не обнаружим.

¹ Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем. СПб., 2007. С. 137.

² Борхес Х. Л. Вымыслы. СПб., 2009. С. 406.

³ Там же. С. 408.

⁴ Дубин Б. Пространство под знаком лабиринта. – Иностранная литература. – 2005. – №10. – С. 251-259. С. 259.

Подобную метафору можно встретить в творчестве Ж. Деррида, для которого письмо (текст) – «момент пустыни, как момент отделения... нужно отделиться от жизни общин и довериться следам, стать взглядом человека, поскольку больше не слышится голос в непосредственной близости сада»¹. Сад, о котором пишет Ж. Деррида, библейского происхождения, место начала времени, связанное с райским состоянием, которое утрачено человеком и недостижимо по прошествии веков. С выходом из райского состояния человек не может смотреть на мир и узнавать его непосредственно, между ним и миром существует линза – книга, которая описывает жизнь человека, следовательно, оправдывает его существование. Книга есть некий барьер для человека в познании окружающей действительности, который отражает и потому преломляет и искажает мир. Момент пустыни трансформируется в «незримый лабиринт, город в пустыне»². Потеряв рай, человек воссоздает вокруг себя некое его подобие – город, который функционирует так, как записано, по памяти. Песок как метафора книги выражает динамику текста в ней относительно читателя, который вольный в перераспределении внутреннего смысла деконструирует текст, не доводя саму книгу до разрушения, оживляя ее и осмысляя.

Сфера – еще одна четко распознаваемая неклассическая метафора книги выявлена Х. Л. Борхесом: «Мистики утверждают, что в экстазе им является шарообразная зала с огромной круглой книгой, бесконечный корешок которой проходит по стенам»³. В новелле «Вавилонская библиотека» Х. Л. Борхес конструирует метафору книга-сфера. Описываемая библиотека изображается как целая вселенная в виде огромного числа шестигранных галерей-сот с зеркалами. Библиотека интерпретируется как идеальное пространство: шар, в котором есть центр – круглая книга, она и есть Бог. Эта круглая книга содержит в себе суть всех книг. Книжная культура растащила целостный смысл по отдельности своих томов: «книга распределяется по всем книгам»⁴.

¹ Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С. 87.

² Там же. С. 88.

³ Борхес Х. Л. Вымыслы. СПб., 2009. С. 115.

⁴ Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 16.

Изначальная неделимость и единство бытия закрепляется в Книге мира, но эти свойства отрицаются умножением и дискретностью книг, «о которые дробится, даже не достигнув единства, смысл»¹. Образ книги как сферы и представляет ее совершенную форму, не имеющую начала и конца, тотальную, одновременную и всеобщую, текст без оболочки, искомую завершенность. Книга создается субъектом в акте выхода его за пределы себя и обретения им целостности, в том, что Деррида называет «округлой завершенностью яйца»², которое еще не раскрыто, но уже является плодом.

Писатель Морелли в романе Х. Кортасара «Игра в классики» задумывает написать книгу, он «собирался сделать из своей книги стеклянный шар, в котором бы микро- и макрокосм слились в самоуничтожающем видении»³. Метафора сферы отражает замысел, мечту автора о совершенной форме, предполагающей завершенность и полноту. Синтезируя образы сферы и лабиринта, автор получает «дрожящие спирали». Писатель чувствует онтологическую слитость с книгой: «Я пишу и, таким образом, спускаюсь в вулкан, приближаюсь к материнским Истокам, прикасаюсь к Центру, чем бы он ни был. Писать для меня означает нарисовать мандалу и одновременно обойти ее, измыслить очищение, очищаясь»⁴. Книга для Кортасара – это схватывание мира, и он хочет выйти за пределы этой возможности, оставить позади книгу которая «всего-навсего вроде облатки: в которой мы проглатываем *gnosis*, *praxis* или *ethos*»⁵.

Книга-сфера может предоставить текст восприятию читателя синхронно и глобально, поэтому с книгой-шаром связывает свои чаяния относительного будущего состояния культуры С. Эйзенштейн. По его мнению, сферичность позволяет «чисто пространственно установить возможность взаимоотношения каждому очерку непосредственно с каждым – переходить одному в другой и обратно»⁶. Поскольку двухмерность свитка и кодекса не удовлетворяет искомой сферичности, метафора книга-

¹ Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 16

² Там же. С. 119.

³ Кортасар Х. Игра в классики. М., 2011. С. 41.

⁴ Там же. С. 366.

⁵ Там же. С. 472.

⁶ URL: <http://www.ashtray.ru/main/round%20book.htm>

сфера присуща электронной книге, которая осуществляет взаимоссылки и взаимодействие текстов внутри себя. Такое взаимодействие есть отражение движения книги как единого целого в пространстве и времени, движение текста в культуре, обмен с любыми носителями и формами, не только книжными.

Итак, книга выступает в качестве символа знания и, замещая его, получает развитие в собственных метафорах.

Классические метафоры книги конструируются в пространственном аспекте внешнего мира, природной среды обитания человека и внутреннего мира человеческой памяти и полученного опыта. Они фиксируют оппозицию свое-чужое, внешнее-внутреннее как метаоппозицию культуры. Классические метафоры книги выявляют ее как способ и результат освоения мира человеком, а также как саморефлексию человека, то есть путь постижения себя в контексте мира, способа самораскрытия.

Неклассические метафоры книги в сущности углубляют характеристики книги, открытые с помощью классических метафор, тем самым актуализируют ее изоморфность миру.

Общими характеристиками для классических и неклассических метафор, которые отражают колебания в символическом модусе бытия книги, являются: казуальная взаимозависимость формы и содержания, то есть выделение в этой паре преобладающего начала; неделимость и неслиянность текста и книжной формы; структурный изоморфизм книги и ее метафоры; пространственно-временная природа метафор.

Символическое бытие книги определяет материальное бытие книги и обретает в нем форму знания в его прагматической, мифологической и игровой модификациях. Знание и его модификации, отраженные в книге раскрываются через процесс семиозиса, инициируемого знаком книги. Семиозис отражает замещение знания (практики, мифа и игры) знаком книги-вещи и последующую интерпретацию книги в ее метафорах. Метафоры книги как интерпретация, восходящая к знанию концептуализирует отношения между вещным и символическим бытием модусами бытия книги.

Проведенный анализ символического модуса бытия книги позволяет вплотную подойти к исследованию культурных смыслов книги.

Глава 2. Культурные смыслы книги

§ 1. Книга и текст: функциональные оппозиции

Новейшие превращения дополняют понимание книги, приближают к постижению ее сущности. Модусы бытия книги – вещный и символический – делают возможным идентифицировать книгу в ряду прочих проявлений культуры, различить внутри нее непреложное и случайное, отличить ее от самой себя и увидеть в ней функциональные оппозиции: книги и текста, что позволит выявить культурные смыслы книги.

Принципиальное противопоставление книги и текста, дифференциация их как полюсов позволяет увидеть неоднозначность в их семантике, различность самой семантики как текста, так и книги, а также характер связей между ними. Рассмотрение книги и текста в оппозиции друг к другу предоставляет возможность раскрыть смысл одного через смысл другого. Постмодернистская традиция, признающая тотальность текста, размывает различие понятий книги и текста, полностью отождествляя их. Однако отождествление их недопустимо.

Рассмотрим понятия книги и текста. Понятие книга имеет значение концептуально близкое к значению понятия текст. В рамках словесного и письменного творчества книга и текст играют роль взаимозаменяемых синонимов, однако, в контексте данной работы, понятия книги и текста не только не отождествляются, но дифференцированы.

Термин текст трактуется широко, семиотика и философии текста понимают текст как то, что считывается, или означающее. В культуре текст играет роль интенционального сообщения и облекается в некоторую культурную форму.

Широкая трактовка текста позволяет вытеснить понятие идеального. Если признать, что и книга, и текст – оба они могут быть прочтены, и заменить понятие книги понятием текста, исчезают те свойства, которые всегда сообщала тексту книга, например, свойство постоянства, структурности, явленности.

Различие книги и текста может быть выражено через понятие зримого и незримого. Вопреки замкнутости и обозримости книги, текст есть незримая

сущность. Согласно словарю Х. Э. Керлота, книга связана с символикой ткачества¹. Эта связь проявляется в происхождении слова текст от латинского *texo* – «ткань», подразумевающая плетение словес, блуждание в лабиринте с нитями. Здесь акцентируется визуальное начало книги, ее обозримость. Текст отличается процессуальностью, движением, текучестью. Разумеется, он имеет визуальное выражение, как и книга, однако, основная его семантика связана с абстрактным характером, поэтому повторим, что текст выступает как универсальная умозрительная сущность, незримая в физическом смысле.

В отношении понятия книги имеется в виду единство вещных модусов и символического бытия – знания и его прагматической, мифологической и игровой модификации. Вещный аспект включает книгу в предметное поле изучения философии культуры, позволяя рассматривать ее как способ объективации текста, как эпистемологическую форму, методологическую программу для получения, накопления, сохранения и передачи знания. Книга как вещный способ представления знания противопоставлена практическим перформативным видам.

Если же говорить о тексте, то следует опираться на понимание символического бытия книги, явленного в книге как знание в его прагматической, мифологической и игровой модификациях. Именно текстовая составляющая книги представляет собой все модификации знания. Подтверждение этому находим у В. Руднева, который выявил три семантических компонента понятия текста: неприродное происхождение, связность элементов, а также искусность². И вещное, и символическое начало книги находят свое выражение в оппозиции книга-текст. Вещный и символический модусы бытия книги тесно взаимосвязаны. Сходная семантика имеется и в предметно-материальном, предметно-текстуальном и предметно-действенном модусах книги. Сделанность книги отвечает неприродному происхождению текста. Связность элементов текста созвучна композиции и устройству книги, которое сообщается ей текстом, и обоюдно накладывается на вновь воплощенный в книге текст. Искусность

¹ Керлот Х. Э. Словарь символов. М., 1994. С. 246.

² Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. С. 305.

сделанного текста тождественна искусству книги, которое осуществляется мастерами книжного дела. Однако, как и любой феномен, книга не разлагается на отдельные составляющие своих модусов, иначе разрушается целое книги.

Рассмотрим взаимоотношения содержаний книги и текста. Так, человек воспринимает бытие как текст, выполняет функцию узнавания, сравнивает увиденное с архивом своего сознания. Отношение человека с текстом опосредованы игрой по правилам и трудом в структурировании хаоса.

Книга предполагает для текста свершение и оформленность. Человек в обращении с книгой использует свой опыт по узнаванию текста, и в дальнейшем сложная схема сверки с образцом упрощается до актов восприятия и последующего понимания. Данное упрощение мнимое, так как развитие текстуальности в вещном модусе книги выявляет технику означения того, что ценно для человека, как функциональные феномены, книга и текст сравнимы и онтологически, и прагматически. С позиции воспринимающего субъекта текст мыслится как поле, которое можно заменить на его знак.

В процессе объективации книга противопоставляется тексту, как производное от него, второстепенное, но, тем не менее, книга является необходимым условием для существования текста. Как всякая вещь книга должна иметь внутренний, устойчивый стержень, который определяет ее самобытность. Для книги таким фундаментом является текст, его нельзя исключить, не разрушив книгу. Показателем наличия текста должна быть внешняя, сторонняя форма, адекватная тексту. Книга есть предбытие текста, допускающая его существование. Книга являет текст, как постоянное перед временным, как определенное упорядоченное пространство перед отсутствием пространства, своего рода космологической сингулярностью. К переходу текста в книгу применимо понятие трансформация, как и для превращений самой формы книги, потому что текст не исчезает, а переходит в иное состояние.

Обратимся к основным факторам превращения текста в книгу и выявим те функции, которые при этом возникают и у текста, и у книги.

Первый фактор мы называем *повтором*. Уточним, что здесь имеется в виду.

Вся устная традиция архаичной речевой культуры в своем развитии стремилась к полноте. Принципиальная незавершаемость героического эпоса носила очертания круга, расширяющегося по мере воспроизведения. Всякий раз сказитель включал в состав имеющегося значения все новые и новые. Воспроизведение, таким образом, становилось фактором прироста. Каждое новое повторение текста ритуально предстает как слепок с прошлой версии, однако, новое звучание текста есть событие, поэтому новый эпизод является не просто повтором, но возобновлением, подтверждающим то, что текст существует. Из этого вытекает, что каждая последующая реализация текста в устной культуре приводит к росту, сгущению текста. Текст делается солидарным и солидным, то есть слиянным целым частей, засвидетельствованным теми, кто присутствовал при его исполнении. Форма объективации текста демонстрирует количество и качество повторений. Та материальная форма, в которой представлен текст, есть отражение его структурирования по мере увеличения числа его исполнений, в которое входит эти самые повторения.

Кодирование, или объективация осуществляется в различных условиях, которые в итоге влияют на материально-художественную форму текста. Текст стремится к проговариванию. Звучащий текст ситуативен и воспринимается эмоционально, в то время как записанный текст – воспринимается рационально, как опредмеченный и рафинированный смысл, стремящийся к объективности. Перевод ситуации в текст выражается в расставлении маяков, меток, которые должны быть заметны, материальны, что составляет процессы чтения и письма¹, то есть кодирование или объективацию текста в книжную форму, которая осуществлялась в различных условиях.

Следовательно, кодификация как способ фиксации текста – это и есть систематизация повторов исполнения. Текст фиксирует в себе количество своих представлений. Повтор актуализирует значение, выявляет тождественность текста, которая обнаруживается при совпадении порядка.

¹ Нефедова Л. К. Письмо и чтение – фундаментальные характеристики культуры // Реальность. Человек. Культура: фундаментализм как тип мировоззрения. Омск, 2010. С. 77-81.

Идентификация текста возможна благодаря сличению с прошлым исполнением, одинаковое становится образцом, нормой. Каноничность и завершенность текста возникает из циклического множества повторений. То, что различается в обилии повторений, что заключено в границах цикла, и есть значение, которое интенционально стремится к выделению общего в единичном. В этих повторениях просматривается процессуальная характеристика текста, его стремление к преобразовательности, нестатичность.

В результате увеличения количества повторов, текст обретает свое материальное качество: эпос стадильно становится циклом. Таким образом, механизм повторения превращает текст в книгу, кодифицирует, каталогизирует его. На листе книги оседает текст, и это является счастливой возможностью для него, поскольку после совершенного перехода к письменной культуре, задача закрепить текст в книге усложняется.

Вторым фактором превращения текста в книгу является *интенция человека схватить*, уловить текст, а точнее смысл, который ему открылся в бытии. При этом, если устное исполнение текста является достоянием публики, которая может обеспечивать сосуществование множества версий, то письменная культура отделяет индивида от общества, и его обращение с текстом поддерживается только внешне, с помощью книги. Возникает писательская проблема «схватить», «уловить» текст: «...не успеваешь (нет просто бумаги под рукой) заносить – и они умирают. Потом ни за что не припомнишь»¹. Переход текста в книгу есть упрочнение зыбкого неуловимого начала: «Чем непрестаннее движение взгляда туда и сюда, от этой законченной строки к следующей, тем сильнее возобновление: в этой практике нет наслаждения, она лишь прерывает на час длительность целого, чтобы поймать свою химеру»².

Избыточность смысла является третьим фактором перерастания текста в книгу. Текст не вмещается в самого себя и требует реализации, что служит толчком к оформлению в книгу: «на целую книгу стало», «набралось стихов» «требует

¹ Розанов В. В. Сочинения в 2 тт. Т. 2. М., 1990. С. 194.

² Малларме С. Книга – духовный инструмент // Семиотика и авангард. М., 2006. С. 624-627. С. 626

книги». В научной сфере текст должен опредмечиваться, и поэтому «книга выступала и главным средством фиксации новых результатов исследования природы»¹. Книга в науке может выражать системность и циклическое подтверждение ее достижений, консолидировать знания (одновременно делать их солидными, то есть устойчивыми и солидарными, то есть общими).

Избыточность текста возможна в современных условиях, когда он представлен в устной форме и распространяется в отрывках, запечатленных частично. Прочитанные лекции просветителей и ученых часто существуют как перформанс, рождаются и кончаются, не оседая нигде, кроме умов слушателей. Жизнь текстов этих лекций продолжается только усилиями слушателей. Так было с Дж. Г. Мидом, чьи теории реконструированы по конспектам его студентов. Научные воззрения Ф. де Соссюра составлены благодаря целенаправленной деятельности его учеников, разбиравших конспекты ученого. Творчество М. К. Мамардашвили существовало мозаично – в аудиозаписях интервью, бесед и речей, и книгой стало только благодаря расшифровке и редакции.

Книжный фолиант для науки Нового времени выступал главной формой закрепления и трансляции знания, поскольку позволял выстраивать целостное представление ученого. Фундаментальность и основательность проведенной работы выдерживает только форма книги, как нечто глубокое и завершенное.

Четвертым фактором превращения текста в книгу является *внешнекультурный фактор*. В религиозной культуре это абсолютная роль Бога, санкционирующего создание книги. В светской культуре, в частности в научной и художественной, внешнекультурный фактор связан с латентными культурными накоплениями, транслирующимися через пассионарно настроенного представителя данной культуры. Благословение на составление книги исходит от внешних ценностных факторов культуры. Дозволение перевода текста в книгу есть акт творения, которое, как способность, сосредоточено в Боге. Текст воплотится в книгу, если позволит Бог, то есть если текст допустим к осуществлению, если он есть в бытии.

¹ Степин В. С. История и философия науки. М., 2011. С 188.

Таким образом, возможная мысль о книге как вещном, а тексте как символическом бытии ошибочна, так как оппозиция текст-книга имеет гораздо более сложную семантику. Реализация текста в книге, его оформление есть его онтологизация, представление бытия. Точка сращения текста и книги может быть уловлена в моменте, когда текст начинает становиться объектом, результатом труда; при этом он утрачивает свою процессуальность, но обретает фундаментальность. Книга в этот момент перестает быть просто вещью, необходимой формой, обеспечением, но становится структурой, пространством и временем текста.

Взаимоотношения книги и текста добавляют новые функции и книге, и тексту. Этот прирост функций есть онтологическое основание отношений книга-текст.

Рассмотрим ряд функций. Первая функция оппозиции книга-текст – семиотическая. В книге воспроизводится не сам текст, но его знаковая сторона, поэтому книга включена в семиосферу, отождествляемая с нею и выражающая ее. Семиотическая функция книги допускает ее существование в качестве метакатегории для текста. Книга выступает как поле для отношений текста с реальностью. Для того, чтобы реальность воспринималась как текст, она должна переживаться, испытываться кем-то, то есть необходим субъект, более того субъект, который будет жаждать, участвовать в реальности. Текст исчезнет тогда, когда перестанет просматриваться, регистрироваться, переживаться. Утопическое описание положения, при котором реальность, и, следовательно, текст исчезает из-за того, что не изучается, не читается, дается у П. Акройда в «Повести о Платоне». Постапокалиптическое общество исследует реликвии предыдущих эпох и закономерно приходит к выводу о том, что «всем предметам суждено распасться, исчезнуть, поэтому мы предпочитаем не создавать их. [...] Эти объекты, конечно, тоже исчезли. Вожди эпохи Крота внезапно оказались перед фактом: элементы вселенной переставали существовать, если не были предметами активных поисков или изучения. При жизни одного поколения сформировалась вера в то, что ночное небо со всеми его свойствами сотворено человеческим восприятием»¹.

¹ Акرويد П. Повесть о Платоне. М., 2002. С. 68.

Вторая функция оппозиции книга-текст обеспечивает строгую равноценность для книги и текста, будучи ступенью бесконечного повторения единого текста. Сам текст не может быть заменен книгой, поэтому материальная сущность книги не тождественна тексту, для которого книга выступает как внешняя поддержка. Таким образом, книга и текст взаимно обмениваются функциями.

Функциональность текста обусловлена той формой, в которую он заключен. В случае книги текст выступает в качестве содержания. Книга как эмпирический источник знания принимает в себя текст. Она есть возможность для текста, предоставляя себя для осуществления текста. Текст и книга противостоят друг другу функционально в актах письма и чтения, осуществляемых именно субъектом. Всякое письмо подразумевает чтение. Письмо телеологично, чтение детерминистично. В культуре целеполагание книги подразумевает смысл, идеал существования, ориентацию бытия к некоторому следствию, завершению для субъекта.

Смысл бытия угадывается субъектом в посланиях, проявлениях бытия – тексте. Письмо в таком случае есть воссоздание текста субъектом в подражании самому бытию. Письменный текст представляется средством создания пространства, «опространивания», а книга соответственно обозначает координаты этого пространства. Писатель происходит одновременно из письма и опыта чтения. Процедуры чтения-письма тождественны актам воссоздания текста, его кодирования и декодирования, опредмечивания и распредмечивания.

Таким образом, оппозиция текст-книга раскрывает в них обоих прирост функциональности, происходящий на основе деятельности, осуществляемой субъектом, отношением субъекта к этой деятельности. Именно субъект выступает основанием дифференциации книги и текста, для которого материальная культура представляет собой реализацию некоторых идей в объектах. Смысловая универсальность чтения книги человеком раскрывается в ее символическом модусе: знании и его прагматической, мифологической и игровой модификациях. Чтение книги выражает механизмы поиска, сличения, распознавания, верификации.

Так как субъект выступает в качестве критерия оппозиции книги и текста, также в качестве начала, провоцирующего и снимающего эту оппозицию, то итоговая экспертная оценка значимости отношений текста и книги в собственной деятельности должна быть произведена тоже субъектом. Несмотря на встроенность и, в известной степени, авторитет книги в системе культуры, в отношении субъекта к книге усматриваются и негативные оценки, что можно увидеть и в оценке других культурных форм. Так, истории известны случаи сомнения в будущем всех культурных форм и обоснования их взаимозаменяемости. Архитектуре постоянно грозит культурное вырождение еще со времен Средневековья, когда страх перед «это убьет то» только обнаружился, а затем и реализовался, и культовая архитектура действительно изжила себя. Г. В. Ф. Гегель не разделял веры в будущее архитектуры. Современные архитекторы тоже бьют тревогу о перспективах своего творчества в связи с агрессией техногенной цивилизации, вытеснением уникальности, размежеванием с материальностью. Архитектура работает с киберпространством, ищет себя в самотрансформирующихся зданиях, интерактивных сооружениях, которые отзываются на поведение человека.

Для живописи вопрос идентичности не менее насущный: она соперничает с фотографией и кинематографом. Скульптура держит натиск со стороны жанра инсталляции и паблик-арта. Музыка возвращается к архаике, звукозапись пагубно сказывается на ее форме. Интерактивная музыка и динамичный формат ставят под вопрос возможность зафиксированного музыкального бытия, поскольку может исчезнуть возможность услышать запись вновь, еще раз. Жанр генеративной музыки и нестатичные музыкальные форматы повышают энтропию музыкальной формы.

Что касается книги, то в условиях ее «подтягивания» до уровня развития цивилизации, для нее возникает угроза замены вследствие таких причин как исчерпанность, ненужность, неприемлемость, моральный износ. Подвергается сомнению универсальность книги и в отношении к символическому модусу – знанию.

Однако, дискурс пользы-вреда книги, известный с античных времен, определен бытийными основаниями самой культуры. Суждение о пользе-вреде книги, в сущности, выражает вопрос о выборе средств фиксации знания из числа существующих, выборе формы для знания и его модификаций. Этот выбор зависит от самой культуры в масштабе исторических эпох, которые в данном случае выступают как транслятор и реципиент в культурно-историческом диалоге, который основан на механизмах возделывания, сохранения и наследования. «В социуме в настоящее время преобладает тенденция жить сегодняшним днем, проживая, а не сохраняя. Культура же не только возделывание, что превратило бы ее в дурную бесконечность, но и сохранение, и наследование, а следовательно, без старости нет и не может быть культуры»¹. Доминирование либо механизма возделывания, либо наследования в культуре определяет отношение к книге как к традиции или как к пережитку. Таким образом, полемика о значимости книги в культуре основана на соотношении уже осуществленного, объективированного результата мышления. Некрологи и катастрофические варианты развития будущего для книги пишутся давно и настойчиво. Как угроза рассматривалось появление периодической печати, удешевление производства и распространения, конкурирующие формы распределения и даже угроза со стороны других культурных форм: кино, театра, интернета. Однако именно страх перед утратой книги – это страх перед деградацией. Но можно также рассматривать в расставании с книгой возможность осуществления бесписьменной культуры, возможность возврата к целостности знания.

Рассмотрим некоторые точки зрения о значимости, пользе-вреде книги с этих позиций. В античности отношение к книге характеризуется настороженностью и опасливостью. Платон недолюбливал книги как раз в связи с их традиционностью, осуществленностью, так как для него процесс мышления был важнее результатов. Это характеризует эпоху античности как эпоху возделывания.

¹ Нефедова Л. К. Онтология культурного возрастного диалога // Мультикультурная современность. – Екатеринбург, 2009. – С. 328-332. С. 332.

Средние века очевидно представляют эпоху наследования, поскольку в это время ценится ретроспективность, традиционность, накопление. О репрезентирующих эту мысль чертах Средневековья так пишет Ю. М. Лотман: «Отождествление ума и памяти характерно для культуры, основанной на запоминании множества текстов, а не на генерировании новых. В частности, средневековая образованность, отождествлявшая обучение с зубрежкой, видела идеал учености в безграничной памяти»¹. Средние века для книги – это эпоха библиотек, накапливающих, хранящих и прячущих книги от всякого искажения.

Ренессанс и Новое время вновь обращаются к возделыванию, переработке материала, унаследованного от предыдущих эпох. Возобновление инновации, поиски и разработки – вот факторы существования книги в данные культурные эпохи. Противодействие книге в этот исторический период описывает американский представитель экологии средств коммуникации Уолтер Онг, напоминая, что к XVIII веку печатная книга стала объектом враждебности, показанной в сатире². Агрессия, изначально направленная против печатного пресса, именуемого неосторожным, требовательным и глупым, перешла на книгу.

Восторг эпохи Просвещения по поводу повсеместного распространения цивилизованности и образованности посредством книг не разделяет И. Кант. Отвечая на поставленный самому себе вопрос о сущности просвещения, философ пишет: «имей мужество пользоваться собственным умом»³! Доверять книге свою разумную способность следует осторожно, иначе злоупотребление лишит человека желанной свободы движения. И. Кант видит закономерность в том, что «если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни и т. п. то мне нечего и утруждать себя». Следствием такого порядка становится собственная ограниченность, поэтому вместо гражданских революций, более необходима «истинная реформа образа мыслей». Государству в

¹ Лотман Ю. М. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. М., 1998. С. 468-482. С. 480.

² Ong W. J. The presence of the word. Binghampton, 1967. С. 66.

³ Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 6. М., 1966. С. 25-37. С. 27.

этом смысле следует беспокоиться не о цензуре, но о предоставлении доступа свободному разуму самостоятельно выйти из «несовершеннолетия». Мысли Канта имплицитно указывают на возможность знания без книги, допускают предположение о ином символе знания, нежели книги.

Аналогичные мысли высказывает А. Шопенгауэр, утверждая, что «не следует читать слишком много, чтобы ум не привыкал к суррогату и из-за него не отучился делать свое дело сам, то есть, чтобы он не привыкал к протоптанным дорожкам и за постоянным повторением чужого хода мыслей не утратил хода мысли, свойственного ему самому»¹. Недостойная природа книги для философа заключается в нескончаемом потоке недолговременных мыслей, на изучение которых нет и жалко времени. Недовольство А. Шопенгауэра вызвано растущей необъятной армией писателей, книги которых составляют толстые каталоги, но следы их подобны следам на песке. Избыточность книг предвещает только впустую потраченное время. Временное прибежище мышления в книге не естественно для человеческой природы, как «вставной зуб».

Порочную увлеченность составлением, изучением и хранением книг Ф. Ницше рассматривает в качестве основы кризиса культуры. Окружив себя плотным зданием мировой культуры в виде библиотеки, человек «слепнет от книжной пыли и опечаток»².

Для Э. Тоффлера обоснованным следствием цивилизации является выведение социальной памяти «за пределы “черепной коробки”»³. Объективированную память он называет пассивной, неподвижной, но, тем не менее, она предоставляет шанс высвободить свежие силы в культуре. Избавиться от бездеятельного начала культуры – архаичных и неэффективных книг – следует в пользу компьютера, отличием которого от книг является необычное и оригинальное мышление. Этот отказ будет знаменовать собой триумф киберэлиты.

Постмодернистская философия в лице Ж. Деррида и М. Фуко высказывает мнение о книге как об аппарате тоталитарной мысли, насилия над мыслью. Книга

¹ Шопенгауэр А. Об истории // А. Шопенгауэр. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 2. М., 2001. С. 367-374. С. 383.

² Ницше Ф. Сочинения в 2 тт. Т. 1. М., 1996. С. 129.

³ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010. С. 297.

мыслится утверждением лишь представления, иллюзии¹. Наличие книги не отбирает у человека способность мыслить, но мешает и ограничивает, поэтому постмодернисты возлагают надежды на текст, заменяя книгу в классической метафоре книга-мир на текст. Эксперименты с текстом, над которым не довлеет прокрустово ложе книги, должны привести к его освобождению. Так или иначе, философы-постмодернисты были недовольны книжной формой, в ожидании новой, и своим творчеством во многом предвосхитили современные формы виртуальной текстуальности. Еще одним невольным последствием таких экспериментов может быть торжество устной культуры.

Тоталитаризм книжной формы, как и любой другой тоталитаризм, пересиливают раскрепощением, отрицанием господства контроля. Так в условиях тоталитарного режима в Советском союзе, поэты не записывали стихи и тем более не публиковали книг. Поэзия, вынужденная отказаться от книжной формы, преодолевала тоталитаризм в устной форме. Возможно, постмодернистские замыслы исполнятся в чистой словесности, в возврате к устной культуре. Ж. Деррида, размышляя о судьбе книги, склонен думать, что книга не более, чем «эпоха бытия», темница речевой эпохи, которая заканчивается и «показывает Бытие в отблесках его агонии или ослаблении гнета и преумножает – как последняя болезнь, как болтливая цепкая сверхпамять некоторых умирающих»². Философ имеет множество вопросов к книге: может ли она служить формой для смысла или же является растратой бытия, обладающего свойством неразборчивости, коренной нечитаемости, которая является поводом к книге, потому что человек всегда будет «вопрошатель». Призывая к демонтажу книги, Ж. Деррида апеллирует к неестественности истории книги, книга не может выражать что-то неизменное, поскольку сама подвержена охватывающему всю культуру изменением.

Еще один довод в пользу упразднения книжной формы заключается в числе повторов и тиражах, которые, к сожалению, не ведут к приросту знания, но к

¹ Орнатская Л. А. Две книги – два образа культуры // Виртуальное пространство культуры. СПб., 2000. С. 26-30.

² Деррида Ж. Письмо и различие. СПб., 2000. С. 97.

неоправданному нагромождению, скрывающему устаревшие или ложные и неподтвержденные содержания. Антрополог Вяч. Вс. Иванов растолковывает последствия этого такими словами: «Циркуляция одних и тех же сообщений в системах передачи информации может иметь крайне отрицательные социальные последствия. Их можно сравнить с механизмом возникновения индивидуальных нервных расстройств при воспроизведении мозгом одного и того же травмирующего сообщения»¹. Призванные помогать человеку, книги перестали это делать и вместо помощника превратились в преграду, так как все кодифицированные тексты значительно превосходят по объему возможности человека. Такой аспект может служить, хоть и неоднозначно, фактором исчезновения некоторых первобытных культур.

М. Маклюэн распространил идею книги как внешнего расширения человеческого организма. Книга, как и всякое расширение – это стратегия «самоампутации» из-за напряжения, вызванного увеличением скорости жизни. Безусловно, немедленное отделение от человека информационной нагрузки приводит к облегчению, но в то же время «самоампутация блокирует узнавание самого себя»². Вместо положенной боли, человек испытывает эйфорию, ему нравится, в случае книги, читать, получать от чтения удовольствие, этим притупляется неминуемая боль. Похожее описание эффекта чтения приводит И. Г. Фихте: «все напечатанное тотчас погружает его [читателя] в безмятежный покой и сладкое самозабвение. Вследствие этого от него отрезаны и все остальные пути познания»³. Философ сравнивает книгу с «наркотическим средством» и курением табака.

У М. Маклюэна это состояние определено как типографический транс, в результате которого возникает невосприимчивость. Неотрефлексированное последствие применения книжной формы лишает ее культурной ниши. Ее существование не выделяется из бытового пространства. Единственным решением, реанимирующим книгу, может быть новая форма. Когда она

¹ Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1999. С. 566.

² Маклюэн М. Г. Понимание медиа. М., 2003. С. 53.

³ Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. Лекция VI // Фихте И. Г. Сочинения в 2 тт. Т. 2. СПб., 1993. С. 435-454. С. 448.

рождается, наступает момент «свободы и вызволения из обыденного транса и оцепенения, которые были навязаны этими средствами нашим органам чувств»¹.

Современное колебание в решении вопроса о книге усугублено сосуществованием двух технологий создания книги (традиционного кодекса и электронной книги – своеобразной версии древнего свитка), то есть с одновременной представленностью форм книги. Это обосновывается тем, что особенно остроактуальным вопрос о значимости книги всегда становился в периоды ее трансформаций.

Другим эффектом влияния на органы чувств многовекового использования книги является так называемый «сенсорный голод». Воспринимая текст через книжную форму, человек использует ресурс воспоминания и воображения, в гиперболизированном виде попросту галлюцинирует. Вербальная и интеллигибельная информация не составляет содержания сознания. В связи с этим наметилась повсеместная тенденция (поворот) к визуальной культуре², которая нагружает всю перцептивную систему. Это проявилось в появлении кинематографа, фотографии, для книжной формы это обернулось возникновением аудиокниг, интерактивных книг на игровых приставках (Wonderbook). Трансформации, маркирующие восприятие, устраняют привычную книжную форму, но сохраняют ее ценностное ядро. Для соответствия меняющейся действительности книжная форма должна подстроиться под условия цивилизации – нелинейности и дигитальности.

Отказ от вещественности ведет книгу к виртуальности. Однако, доводом в пользу традиционной формы книги может выступать ухищрения дизайнеров книги, которые педалируют эстетическую сторону современных изданий. Книга сегодня актуализирует все существующее многообразие средств декорирования, обращается ко всей книжной истории и смежным культурным формам (живописи, графики, инкрустации, витражному искусству, трехмерным рельефам, росписи, фотографии), превращаясь в произведение искусства, только для того, чтобы напомнить о неизбежности эстетического в книге, утрата которого открывает скудность, допотопность и

¹ Маклюэн М. Г. Понимание медиа. М., 2003. С. 69.

² Невелева В. С. Информационная и визуальная антропология в структуре научного познания человека // Информационно-коммуникационные технологии и электронные ресурсы в системе культурно-цивилизационных преобразований. Челябинск, 2012. С.13-16. С. 13.

ущербность электронной книги в эстетическом плане в сравнении с кодексом. Исчезновение эстетического измерения в книге чревато, главным образом, расставанием с собственно человеческим чувствованием мира через дифференциацию осязания и его генетических форм – зрения и слуха. Прикосновение к тонкой бумаге, запах кожного переплета, звук переворачиваемых страниц – вызывают приятные ощущения, которые визуализируются в книге во взаимосвязи всех пяти чувств человека. Элиминируется эстетическое отношение к объекту, что несет в себе опасность утраты собственно человеческого. Возникает страх остаться только визуалом и моноканально, аутично воспринимать действительность.

Доводом в пользу ухода от книжной формы может служить восстание книг против создавшего их человека, что выражается в отсутствии субъективности, существующей отдельно от человека книжной культуры. Широко растиражированные и переиздающиеся книги заполнили человеческий мир, но возникает вопрос: для кого? Выход в свет неангажированной книжной продукции не регулируется. Б. Гройс пишет об этом следующее: «мы не можем сказать, что бумага, на которой напечатано изложение гегелевской системы, “понимает” эту систему – бумага лишена субъективности. Но в то же время бумага “несет” и “переносит” эту систему. В качестве книги, абсолютное знание транспортируется, копируется и распространяется вне и помимо любого акта индивидуального, субъективного понимания»¹. Необходимость отказа от книг коренится в неотложной проблеме будущего понимания и интерпретации книжной формы, утрата ее не должна произойти раньше, чем весь присутствующий в теле книжной культуры текст не перейдет в новую форму. Перспектива книжной формы зависит и от ее субъекта, которому нравится быть зрителем, актором, слушателем. Относительно субъекта вопрос стоит о потере им навыка. Разочарование книги в читателе является взаимным: «книги утратили жизнетворческую способность: им не в ком творить. Исчезла плодородная, как бульон для пенициллина, среда, которую Солженицын назвал “образованщина”»². Вдобавок, широкий доступ будет сосуществовать с повальной безграмотностью. А. Генис

¹ Гройс Б. Философия после конца истории // Русская философия в постсоветских условиях. М., 2002. С. 147-162. С. 156.

² Генис А. Уроки чтения. М., 2013. С. 234.

довольно пристально следит за современным состоянием книги, делает неутешительные выводы и отпеваает книгу заранее. Сожаление его касается концепта книги, ее идеи, поскольку он не считает электронную книгу опасной. Он сознается, что оплакивает скорее не книгу, а переплет, утрата, которого символизирует анархию, поскольку, по его мнению, именно переплет создает композицию, иерархию и дисциплину – оплоты цивилизации. В книге сосредоточены сами законы мышления, она учит как читать. Переход к электронной книге – это возвращение из «сада» в «лес», где мозги человека «огугливаются»¹. Хотя, как считает А. Генис, письменность и является «протезом памяти», заготовленные именно ею тексты тратит устная или информационная культура.

Современность представляется моментом актуализации всех механизмов: и возделывания, и наследования, что ставит культуру в положение перманентного выбора: одновременно представлена тенденция к регенерации и цитированию, то есть к возделыванию и сохранению. Это выражается в множественности точек зрения на роль книги в культуре. Современная книжная ситуация отражает весь спектр мнений о книге с позиций пользы-вреда, культурного возделывания-сохранения.

Итак, подводя итоги, можно констатировать следующее: мы дифференцируем книгу и текст: книга – это форма фиксации знания, текст – это знание в различных его модификациях. Нами выявлены факторы перехода текста как знания в книгу: повтор текста, его избыточность и поиск собственной завершенности. Оппозиция книга-текст является живым, подвижным, структурно-семантическим образованием, способствующим семиотическому и функциональному взаимообогащению как текста, так и книги. Таким образом, оппозиция книга-текст имеет методологическую ценность и позволяет осмыслить неоднозначное отношение к книге как к форме фиксации знания и квалифицировать современную трансформацию книжной формы в ее взаимоотношениях с текстом в культуре. Особо следует отметить, что основанием дифференциации в оппозиции книга-текст выступает субъект. Его отношение определяет оппозицию пользы-вреда книги и перспективы возделывания-сохранения книги в культуре.

¹ Генис А. Уроки чтения. М., 2013. С. 234.

§ 2. Дифференциация субъектности книги

Книга, понимаемая в единстве вещного и символического модусов ее бытия, раскрывается в функциональной оппозиции книга-текст, критерием которой выступает субъект, инициирующий и снимающий собой эту оппозицию.

Категория субъекта дает еще один ракурс рассмотрения вещного и символического бытия книги, выраженного в семантике функциональной оппозиции книга-текст.

В основе бытия книги лежат процессы ее создания и функционирования книги, объективированные в актах письма и чтения, напрямую связанных с субъектом. В данном случае мы рассматриваем чтение и письмо не в смысле некоторых умений или способностей, а как культурные процессы, которые приводят к превращению текста в книгу, позволяя воспринимать в ней символическое бытие знания и его прагматической, мифологической и игровой модификациях. В процессах чтения и письма происходит объективация онтологических оснований бытия книги субъектом.

Обратимся к понятию субъект. Р. Декарт, понимающий человека как носителя естественного света разума, принимает за сущностную характеристику субъекта его разумность, конструктивный момент мышления.

В концепциях И. Г. Фихте сущность субъекта заключается в свободе как деятельном начале. Самосознание субъекта совмещает действие и результат, а именно субъекта и объект. М. Хайдеггер видит сущность субъекта в волевой активности человека. Э. Гуссерль описывает субъекта свойством интенционального отношения, то есть направленной активности.

З. Фрейд дифференцирует субъекта в терминах свободного ограничения собственной свободы. Э. Фромм акцентирует автономность субъекта и его способность выходить за пределы определяющей его природы, что реализует его стремление к свободе. Р. Харре, в связи с существованием человека и в материальном, и в символическом мире, оценивает субъекта как продукт коммуникаций, что придает ему дискурсивный характер. М. М. Бахтин

характеризует субъекта через отношение к себе как бы извне, которое отличается «избытком видения».

Современная постмодернистская философия определяет субъекта как неспособного к единству своего Я вследствие перенасыщения и фрагментации сознания многочисленными и разнородными потомками коммуникации, в которых участвует субъект. Субъект неискренен и неаутентичен.

М. С. Каган понимает субъекта как единого субъекта социального и культурного бытия. На основании такого понимания субъекта М. С. Каган приводит типологию субъекта культурной деятельности: творца и творения культуры. С. Ф. Денисов разрабатывает типологию субъекта онтологии сциентизма, представленную конструктором, творцом и инноватором. У Е. Б. Новиковой представлена типология субъекта импровизации.

Итак, субъект – это тот, кто разумен, мыслит, деятелен, эффективен, отличается направленной активностью, может ограничивать собственную свободу и в то же время выходить за пределы, определяющие его природу, он обладает избытком видения и является продуктом коммуникации.

Субъектом книги является тот, кто ее создает, и тот, кто включает ее в свой культурный обиход, иными словами, субъект книги дуален, это писатель и читатель. Рассмотрим субъекта книги, чья субъектность определяется деятельностью чтения и письма, в историческом развитии.

В древних цивилизациях чтение носило специфический характер. Зафиксированный сакральный текст произносился чтецом, который словно бы одалживал свой голос для нужд слушающих. Чтение как культур-субъекто-образующая практика еще не была сформирована в древности, поэтому фигура читателя не была в той степени актуальна для книги. Писатель и читатель не абсолютизированы в отношении к книге. Писатель – это аэд, исполнитель-импровизатор, в силу того, что ему сами боги влагали песни в уста, читатель – это слушатель. Писатель вмещал в себя функции читателя, а читатель, если он нес услышанный текст дальше, делая к нему приращения, вмещал в себя функции писателя. Таким образом, процессы письма и чтения строго не

дифференцированы. Однако институт авторства главным образом и читательская практика формируется, находится в развитии, что находит свое подтверждение в римской культуре, где субъект чтения и письма более дифференцирован. О чем говорит, например, появление жанра посланий, развитие риторики¹.

Анонимность писателя в эпоху архаики, эпоху Античности есть результат общинного уклада, невыделенности личности, синкретичности культуры.

В Средние века редуцируется роль писателя как субъекта, однако и читатель не наделен культурной компетенцией, поскольку отношения писателя и читателя к книге сущностно определяются как отношения пророка и священнослужителя². Писательство представлено в фигурах писца, переписчика, интерпретатора, в то время как читатель все так же является слушателем, наблюдателем, свидетелем, почитателем. Ни тот, ни другой не имеют в полной мере субъектного выражения. Таким образом, Средние века не оперируют категорией автора в связи с абсолютной величиной Бога. Писатель в эту эпоху – это писец, тот, кто переписывает, переводит.

Творчество не ценится как личное достижение. Культовая книга не только переписывается, она репрезентирована во фресковой живописи, что создает особый тип читателя-зрителя. Социолог П. Бурдьё считает, что чтение возможно при определенных социальных условиях. Однако кроме общественного фактора немаловажное значение имеет и данная культурная реальность. Достаточно долгое время переписывание книг монахами не вызывало к жизни феномен чтения как познавательной деятельности, оставаясь механической специализацией труда. Культурная парадигма Средневековья жестко канонизировала всякую деятельность.

В Средние века акцентирована не практика письма, но переписывания, то есть писательство является симулякром, и чтение отчасти из-за недоступности, отчасти из-за отсутствия права свободного толкования текста, не подлежащего критике в силу собственной легитимной сакральности, становилось симулякром.

¹ Это время появления речей, трактатов и писем Сенеки, Цицерона.

² Бурдьё П. Чтение, читатели, ученые, литература // Начала. М., 1994. С.167-179.

В эпоху Возрождения писатель как субъект творчества ищет свое расширение во времени и пространстве, ищет свою аудиторию. Еще не вполне сформирован институт авторства, вследствие чего данная эпоха является эпохой бурного развития книги: философской, научной, художественной. М. Монтень воспринимает книгу с позиции писателя как средства способного запечатлеть его особенности и свойства «в чем-то вещественном», ведь именно так автор сможет пережить самого себя¹. Это эпоха активного чтения, в том числе и совместного. Само Возрождение как гуманистическое течение подразумевало перечитывание и переосмысление уже существующих текстов, сакральных и античных, и создание новых. Все указанные тенденции дают толчок к развитию национальных языков.

В Новое время меняется статус книги вследствие секуляризации, популяризации и возникновения сферы книжной культуры. Это приводит к эмансипации писателя и читателя. Это стало возможным благодаря технологической и культурной революции при переходе от свитка к кодексу. Чтение становится регулярной культурной практикой всего общества, а не избранной его части: «раздвинув и социально перемешав аудиторию»². Книга обретает рыночную стоимость, социальную функцию, становится профессией.

Между писателем и читателем устанавливается связь, диалог, который находит свое развитие в XVII-XIX веках. Развивается интонация обращения писателя к читателю, его ответная реакция на чтение в форме критики. Развиваются формы читательской и писательской деятельности. Формируется представление о социальной значимости писателя. Возвращается метафора пророка, властителя дум, носителя смысла. Книга превращается в учебник жизни. Осознается культурная, духовная, экзистенциальная роль чтения. Создаются методики обучения чтению и письму³. Это приводит к тому, что впоследствии длительное время культурная традиция была сфокусирована на проблеме писателя, истоках и возможностях авторского творчества. Львиная доля внимания

¹ Монтень М. Опыты в 3 книгах. Книги первая и вторая. М., 1979. С. 696.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 190.

³ Толстой Л. Н. Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? // Собрание сочинений в 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 10-32.

уделялась писателю в ущерб всестороннему исследованию субъектности книги, поскольку общепринятым было понимание субъекта книги в лице писателя.

В новейшую эпоху разработка проблем книжной культуры в постмодернистском варианте в самом своем начале во многом предвосхитила технологические трансформации культуры, свидетелями которых является постпостмодернизм. Упразднение писателя Р. Бартом («Смерть автора») упреждало появление Всемирной паутины, эры коллективного автора, анонимного творчества. Анонимное творчество, которым начиналась вся книжная культура, представлена сегодня в гипертексте Интернета. Эта безымянность постгутенберговой эпохи и безымянность архаического творчества заключает в себе словно бы подошедшее к концу время автора.

В связи с исторической изменчивостью культурной значимости процессов письма и чтения, рассмотрим то особенное, что характеризует писателя и читателя.

Творчество писателя условно заканчивается в тот момент, когда его рукопись попадает к издателю. Тело книги, начиная воплощаться еще на листах писателя, обретает свое завершение в руках издателя. Полноту бытия книга получает в культурном функционировании, которое включает ее в отношения с множеством агентов, сопровождающих ее на различных этапах существования: от создания, использования, исключения из обращения. Издатель и писатель представляют в процессе появления книги два амбивалентных начала: духовное и материальное. Персона издателя в истории культуры аналогична древнему рабу-чтецу и средневековому переписчику. По отношению к книге они выступают симулякрами читателя и писателя.

Писатель является инициатором, «руко-водителем», он имеет дело с первовеществом книги – текстом. Писатель слышит текст, узнает, раскрывает, выдает, транслирует его. Издатель же закрепляет осуществление идеи, он «выпускает» книгу в свет. Писатель открывает текст впервые, издатель же сохраняет, закрывает его, прячет и хранит под обложкой. Писатель выступает как хозяин, распорядитель текста, но отношения писателя к книге эквивалентно читательскому. Для писателя книга является способом заменить его собственное

реальное присутствие. Авторство трактуется как авторитет, то есть как отношение власти, свойственное богам. С. С. Аверинцев выделяет в авторской позиции два аспекта – религиозно-магический и юридический, из которых происходит современное понимание писательской деятельности как вдохновенной, пророческой и как особого рода производства, требующего регулирования с позиции интеллектуальной собственности¹. Авторство книги обозначает притязательность дискурса, но не книги как вещи или символа.

Позиция писателя выражается в его соревновательном положении относительно прочих субъектов, в схватывании содержания текстов, смыслов бытия. В данном случае писатель уподобляется читателю и читает он в широком смысле книгу бытия. Здесь операция письма и чтения соразмерны друг другу в связи со своей интенциональной обоюдностью. Прочитанная действительность стремится стать записанной, а записанное в свою очередь читается как новое. Писатель как первый слушатель и читатель не равен читателю вообще, писательство может быть обозначено как возможная читательская стратегия. Перечитывание написанного автором может заставлять его варьировать созданный текст. Следуя собственному читательскому восприятию, писатель в итоге создает текст, который оказывается более неподвластным его вмешательству. Герои делают что хотят, книга имеет свою логику. Порядок и заданность текста выражаются для писателя в независимости его развития, объективности внутренних законов текста, в которые он не может вмешаться. Построение текста видится как неизменяемое и постоянное, книжное, где расположение слов на странице отражает заданность, которая сама по себе есть текст, обладающий семантикой.

Субъектность книги, сводящаяся к писателю, резонна по многим причинам: он выступает источником познания и преобразования, писатель «делает» текст. Писатель активен по отношению к книге, он ее создатель, поэтому признание его субъектом самоочевидно, однако, книга, понимаемая в единстве ее материального и духовного начала, указывает на то, что писатель

¹ Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. М., 1994. С. 105-125.

может быть отождествлен с причиной текста, но не книги. Здесь появляется еще один ракурс видения книги в ее процессуальном состоянии и в ее завершенности. С одной стороны, книга в процессе ее создания изменяется и саморазрушает свою сущность. Хорошо проделанная работа по созданию книги выглядит как безусловная данность, где нельзя ничего ни добавить, ни убавить. Муки писательского творчества связаны с тем, что именно он создает, наблюдает, отбирает инварианты книжного содержания. С другой стороны, книга есть завершенная данность. Писатель проступает за книгой, которая отделяется и отчуждается от него. Писатель как фактор текста в книге про-изводит из данного, которое он обнаруживает, видит, делает видимым. Функция писателя предоставлять книге текст, в котором выражается писатель. Источником текста выступает не сам писатель, но действительность – книга мира, выражаемая в авторской версии ее прочтения. М. Фуко открыто разводит понятия писателя и текста: «Действительно, субъект высказывания не является причиной, источником или исходной точкой того феномена, каким является письменная или устная артикуляция предложения; он не представляет собой и того намерения придать значение, которое, безмолвно предшествуя словам, упорядочивает их в качестве видимого воплощения своей интуиции»¹.

Писатель, таким образом, применительно к книге выступает не как источник, но как первочитатель, считыватель с действительности, исполнитель, поэтому субъектом книги является читатель (писатель как читатель). Субъекто-образующая практика чтения первична и универсальна по отношению к письму: не умеющего писать читателя встретить можно, однако, нет писателя, который не может читать. Объективация творчества превращает писателя в читателя: «По мере того, как слова возникают под пером автора, он их, конечно, видит, но видит иначе, чем читатель. Он знает их еще до того, как написал: его взгляд предназначен для того, чтобы разбудить спящие слова, которые ждут, чтобы их прочитали, а в том, чтобы отслеживать правильное начертание знаков»². Писатель

¹ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. С. 187.

² Сартр Ж.-П. Что такое литература? Минск, 1999. С. 36.

– это буквально читатель, который опередил других, «ибо то, что мыслил автор, мог бы при некотором усилии мыслить и читатель»¹. А. Шопенгауэр указывает на то, что созерцание первично и всякое писательство имплицитно его выражает. Писательство выполняет задачи экспрессии, в то время как читатель всегда находится под впечатлением, также как от самой действительности, воспринимая книгу и мир как равные, внеположенные ему реальности, с которыми он сталкивается и на которые он обращает внимание и интерпретирует. Писатель, изобретая текст, переводит свое чувство в понимание, он делится своим ощущением, читателю же достается двойной эффект: он читает и саму действительность, и новую действительность, порожденную встречей с ней писателя. Читателю в итоге достается только понимание писателя, понятия, передающие его мысли, которые развиваются, достраиваются. Текст книги одновременно похож и не похож на действительность, ведь он всего лишь ее знак, поэтому перед читателем стоит сложная задача интерпретации, перевода восприятия в понимание. Посредством всего текста читатель вступает в диалог с писателем по поводу предмета текста – действительности. Столкновение двух активных агентов книги возможно благодаря книге как способу воспринять текст, однако книга есть нечто, отчужденное от писателя, она содержит только его след, а сама существует объективно, самостоятельно и включена в систему культуры.

Текст фиксируется в предметных модулях книги усилиями издательской технологии. Сочленя духовное и материальное начало – текст и вещь, – писатель и издатель формируют конечный результат, саму книгу.

Единство вещного и текстуального в книге открывается читателю. Он встречает книгу как печатный том и как новое произведение. Обращаясь к читателю следует сказать, что рассмотрение его как субъекта книги действительно может казаться не обоснованным, поскольку его роль также исторична. Объем понятия читатель не одинаков в разных культурах и в разное время. Этимологически чтение восходит к декламации и слушанию. Латинский глагол «lego» одновременно означает, и «читать», и

¹ Шопенгауэр А. Собрание сочинений в 6 тт. Т. 2. М., 2001. С. 59.

«слушать», эта двойственность закрепились в современном слове лектор – тот, кто читает вслух для слушателей. Примечательно, что первое значение данного глагола – «собирать», что составляет сущность читательской деятельности: накопление, припасение, вбирание опыта и его передача. Английский глагол «read» изначально указывает на предсказание на основе чтения по расположению внутренностей животных, вопрошание и наблюдение. Архаичное значение фиксирует основу чтения как восприятия: созерцание того, что предоставлено взгляду и составляет послание.

Читатель как субъект оперирует книгой, он ее читает, воспринимает, усваивает, комментирует. Он сталкивается с книгой как вещью и может обращаться с ней «вещественно» и «умно». Тот, кто собирает книги, массу книг, не есть субъект книги, поскольку его общение с книгой заканчивается восприятием формы, веса, цвета и запаха книги. В предмете книги совпадает ценность и значение, поэтому субъект книги – ее читатель – рассматривает ее вещьность как одно из значений книги, так как «средство коммуникации есть сообщение»¹. Читатель читает не только текст книги, но и тело книги (элементы: обложку, форзацы, репродукции, шрифты, размер страниц, качество бумаги), которое производит присутствие текста до тех пор, пока силой воображения читатель не осуществит текст, не воспримет значения. Он не просто актуализирует смысл, вычитывает, выискивает, но и наделяет им текст, который «приобретает смысловое единство не в своем происхождении, а в своем предназначении»². При этом читатель должен миновать вещную природу книги, элиминировать ее предметность, чтобы понять и усвоить смысл. Тот, кто берется читать книгу, настраивается с помощью ее вещной природы на количество страниц, предвещающих количество времени, которое потребуется на прочтение. Запах, с которым читатель впредь будет ассоциировать содержащийся текст который, подобно пирожному мадлен у М. Пруста (*Et tout d'un coup le souvenir m'est apparu. ... Mais, quand d'un passé ancien rien ne subsiste, après la mort des êtres,*

¹ Маклюэн М. Г. Понимание медиа. М., 2003. С. 10.

² Новейший философский словарь. Минск, 2007. С. 733

après la destruction des choses, seules, plus frêles mais plus vivaces, plus immatérielles, plus persistantes, plus fidèles, l'odeur et la saveur restent encore longtemps, comme des âmes, à se rappeler, à attendre, à espérer, sur la ruine de tout le reste, à porter sans fléchir, sur leur gouttelette presque impalpable, l'édifice immense du souvenir.)¹, будет напоминать не о самой книге, но о произведении, станет аспектом, позволяющем «переместить свои отношения с духовной жизнью на сопровождающие духовную жизнь фигурации»²; материал исполнения – переплета и страниц – исполняет роль медиума, портала, оснащения, поддерживающего связь с реальностью. С одной стороны, читатель преодолевает книгу как вещь, с другой стороны, сам становится частью оснащения, воплощающего текст. Возникает парадокс: тому, кто читает книгу, необходимо воспринять текст вопреки самой книге, разорвать первостепенную связь книга-текст. От читателя требуется отрицание вещности книги, чтобы существовал текст. Здесь, с одной стороны, очень ярко проявляется субъект как деятель, выходящий за свои пределы, а с другой стороны, читатель элиминируется, так как он попадает под власть текста, сливается с постигаемым текстом. Однако, именно усилия субъекта-читателя раскрывают сущность текста, читатель из скорлупы книги извлекает текст. Достоинство книги не предопределено тем или иным автором, ее необходимость и значимость независимы и полагаются только читателем. Исключительность книги не изначальна, она образуется благодаря читательскому вниманию.

Чтение как процесс является чувственно-материальной деятельностью, и первые мифологические примеры изображают буквальное причастие к плоти книги, вещественное смешение. Так, библейские пророки становились таковыми после того, как им было сказано съесть книгу, обрести послание внутри себя: «напитай чрево свое и наполни внутренности свои этим свитком» (Иез. 3:3), «И я

¹ И тут воспоминание ожило... Но когда от далекого прошлого не осталось уже ничего, когда все живые умерли, и вещи разрушились, только запах и вкус, более хрупкие, но зато более прочные, более невещественные, более стойкие, более верные, долго еще остаются, словно духи умерших, напоминают от себе, ждут, надеются среди развалин остатков, несут не ослабевая, на своих почти неосязаемых крупницах огромное здание памяти. Cite de Proust M. Du Côté de Chez Swann. Hayes Barton Press, 1927. 301 p. С. 38.

² Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте. М., 1995. С. 383.

подошел к Ангелу; и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоём, но в устах твоих будет сладка как мед» (Откр. 10:9). Соматическое принятие книги сохранилось в повседневном языке в околословной лексике: проглотить книгу в значении быстро прочитать, читать запоем в значении временного сильного увлечения, переваривать информацию в значении усваивать, воспринимать, обдумывать. Ранние образы съедения книги имплицитно выражают метафору духовной пищи, поскольку «проглатывание» текста книги означает его ниспослание, обязывающее призывание в свете первостепенной неразрывности духовного и физического начал в человеке. Полученные знания оживают, раскрываются внутренне, (вос)питая и наполняя человека, поскольку он состоит из материального тела – оболочки, внешнего поверхностного слоя, подразумевающего наличие внутреннего ядра, который скрыт, следовательно, защищен, но, тем не менее, функционирует подобно внешнему уровню благодаря нерасторжимости тела и души.

Целостность тела и души обнаруживает общность их функционирования, поэтому душа также нуждается в питании: «Что просвещает ум? Питает душу? – чтение»¹. Метафора книга-пища сконструирована по смежности с идеальной, текстовой стороной книги, что позволяет описывать качественное содержание, оценивать его, интерпретировать, например, делить книги на полезные и вредные, приятные и отвратительные: «Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить»². Негативные коннотации пищевой метафоры книги связаны с недостатком «питательности», «полезности», духовности и связаны с постепенным изменением значимости книги, поскольку секуляризируясь, книга начинает вмещать в себя знание любого сорта, а не только сакральное, о чем пишет С. Черный: «Утешенье, конечно, большущее,.../ Но в душе есть сознание сосущее, / Что я сам до кончины моей, / Обьедаясь трухой в изобилии, / Ни строки не прочту

¹ Пушкин В. Л. К В. А. Жуковскому // Поэты 1790-1810 годов. Л., 1971. С. 664.

² Бэкон Ф. Сочинения в 2 тт. Т. 2. М., 1972. С. 468.

из Вергилия / В суете моих пестреньких дней»¹. Кроме недостаточной питательности, книга может быть еще и отравляющей в буквальном и переносном смысле, например, в случае с Хорхе Бургосским², покрывающим ядом страницы книги Аристотеля, посвященной комедии. Пагубность содержания убивает в действительности. Также распространены эпизоды, в которых авторы, обвиненные в создании «отравляющих» произведений, должны съесть собственную книгу. «Непереваренная масса книжной учености»³ противопоставляется духовному голоду и жажде знания («Духовной жаждою томим...»⁴).

Эпиктет рассматривает чтение не как самоценную деятельность, он пишет следующее: «Чтение книжки не есть дело, а приготовление к делу»⁵. С ним соглашается М. К. Мамардашвили, для которого чтение является жизненным актом. Понимая книгу как духовный инструмент, философ видит рождение писателя в лоне текста, который неизвестен даже ему до книги, поэтому читатель равен писателю по отношению к тексту, то есть «писатель так же “не понимает” свой текст и так же должен расшифровывать и интерпретировать его, как и читатель»⁶.

Значимость чтения, превосходящая писательскую деятельность, отмечена Р. Бартом: «чтение – это не паразитарное занятие, не реакция, дополняющая процесс письма, который мы готовы наделять всеми преимуществами первородного творческого акта»⁷. Читатель является творческим и активным началом по отношению к книге, он есть «тип текстовой стратегии»⁸, о которой говорит появление таких текстов, которые определяются читателем, а не установлены для чтения писателем изначально.

¹ Черный С. Собрание сочинений в 5 тт. Т. 1. М., 1996. С. 188

² Эко У. Имя розы. М., 1989. 496 с.

³ Гегель Г. В. Ф. Народная религия и христианство // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет в 2 тт. Т. 1. М., 1970. С. 64.

⁴ Пушкин А. С. Пророк // А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 тт. Т.2. М., 1959. С. 149-150.

⁵ Древнеримская философия. М., 1999. С. 667.

⁶ Мамардашвили М. К. Литературная критика как акт чтения. С. 155-163. С. 159.

⁷ Барт Р. S/Z. М., 2001. С. 38.

⁸ Эко У. Роль читателя. СПб., 2007. С. 26.

Творческий аспект чтения признается Ж.-П. Сартром, который считает, что «чтение выглядит синтезом восприятия и творчества, оно одновременно полагает сущность и субъекта, и объекта»¹. По его мнению, книга как объект имеет свойство трансцендентности, свои «уникальные и неповторимые структуры»², а субъект призван разоблачать эти структуры и созидать их заново. Книги-словари, книги-кроссворды, книги-лабиринты открывают читателя-исследователя в субъекте, и читатель становится определением того, кто отыскивает и устанавливает границы, пределы и способы прочтения. Творчество читателя заключается в отклике на суггестию, осуществляемую текстом.

Еще одним аспектом чтения, по мнению М. С. Кагана, является его психологическое влияние, которое проявляется в «повышенной и индивидуально-своеобразной активности воображения; все это заставляет читателя уединяться, обособляться от других»³. М. С. Каган описывает чтение как интимный психологический процесс, требующий включения всех личностных качеств человека.

Д. М. Федяев трактует чтение как «один из немногих путей, которые открывают возможность выхода из обыденности»⁴. Чтение инициирует встречу с необычным, которое способно «заставить нас задуматься над прочитанным, над собственной жизнью»⁵. Эта встреча и ее последствия понимаются Д. М. Федяевым как выход за пределы опыта, за пределы обыденного мышления, что составляет грань читательского таланта. Целью чтения выступает «необходимое удовольствие»⁶. Иногда читательский гедонизм возможен через усилие, равное тому, которое приложил писатель. Рассматриваемое усилие читателя можно понимать как чтение «вершиной трепетного позвоночника» у В. В. Набокова, как труд у В. Ф. Асмуса или как сотворение, воспитание, выпестовывание читателя у У. Эко.

¹ Сартр Ж.-П. Что такое литература. Мн., 1999. С. 38.

² Там же.

³ Каган М. С. Морфология культуры. Л., 1972. С. 339.

⁴ Федяев Д. М. Литературные формы приобщения к бытию. Омск, 1998. С. 29.

⁵ Там же. С. 30.

⁶ Федяев Д. М. Бытийный импрессионизм Александра Блока. Омск, 2002. С. 7.

Философские основы чтения, которое выступает в качестве механизма социализации и инкультурации, определены Л. К. Нефедовой. Концентрическое чтение позволяет человеку находить и выстраивать системные связи, моделировать с их помощью собственное представление о мире. Чтение понимается как процесс, формирующий отношение к миру по принципу целостности его многообразия. Отказ от данного принципа в чтении ведет к деформации мировидения, которое в результате описывается как «фрагментарное, дискретное, эксцентричное, лишенное границ между грезой и явью, между посясторонним и потусторонним, лишенное минимума позитивных устойчивых знаний и представлений»¹. В истории культуры чередуются эпохи чтения и письма. Эпохи культурного обновления характеризуются ренессансами письма.

Рассмотрим субъекта в условиях определенных выше модусов бытия книги. Трансформации книги в ее вещном и символическом модусах, позволяют утверждать изменчивость и имманентного ей субъекта. Обратимся для начала к вещному модусу бытия книги.

Функциональность субъекта напрямую определяется формой книги и ее статусом в культуре, по чему можно судить о закономерных превращениях самого субъекта. Вещная сторона книги сказывалась на субъекте буквально физически. Она влияла на позу читателя, технику чтения, оперирование книгой. М. М. Бахтин называет материал закрепления текста «мертвым» и утверждает, что «рукописи и книги в любой форме лежат уже на границе между мертвой природой и культурой», однако именно мертвая форма единственная способная поддерживать жизнь этих текстов для тех, кто характеризуется конечностью². Вещная сторона влияла на деятельность писателя, что было выражено в закабаляющих условиях писательских договоров, строгих сроков исполнения. Предметное исполнение книги сулит читателю меру свободы по отношению к книге посредством визуальных маркеров, фиксирующих сами способы взаимодействия с ней.

¹ Нефедова Л. К. Философские основы литературного чтения в начальной школе // Начальная школа. – 2005. – №8. – С. 14-23.

² Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 402.

Эволюция отношений субъекта и книги фактически демонстрирует их противостояние, в котором постепенно возобладала воля субъекта. Первые читатели свитков – «чтецы» – всегда стояли, их движения были подчинены процессу чтения, они были вынуждены поддерживать свиток, разворачивать и сворачивать его, хранить ее в определенном для нее месте и необходимых условиях. Между субъектом и книгой всегда устанавливалась дистанция почтительности. Субъект обременен книгой, не свободен по отношению к ней. Субъект свитка обслуживает книгу, а не она служит ему. Читающий воспринимает книгу в большей мере как вещь, так как в основном воспринимает ее тактильно: руками. Пишущий на пергаменте или на папирусе также был ограничен возможностями материала.

Субъект кодекса обладает большей свободой по отношению к книге. Он избавлен от ритуала сворачивания, книга всегда доступна ему на том месте, где он закончил читать. Читающий может принимать непринужденные позы, читать в любом месте. Чтение становится интимным – позволено читать лежа, в удовольствие. Кодекс в разобранном виде, которым оперирует писатель, также удобен. Практически книга-кодекс – это средство, приспособление, которое помогает субъекту, сделанное для его нужд и которым он пользуется. Существенная независимость друг от друга царит между субъектом и книгой. Книга не нуждается в помощи, в озвучивании, появляется чтение по себя, читатель не прислуживает книге, он может в любой момент прибегнуть к ней. Оперирование кодексом подразумевает аналитическую активность субъекта: «книга заменяет нам способность суждения»¹.

И наконец, электронная книга не обладает автономностью, она подчинена воле субъекта вплоть до того, что он может изменять ее: устанавливать визуальные настройки, вмешиваться в текстовое содержание. От статичной зависимости и объективной самостоятельности электронная книга приводит как писателя, так и читателя в сферу вседозволенности. Электронную книгу субъект

¹ Фуко М. Что такое просвещение // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – №2. – М., 1999. – С. 132-149. С. 133.

включает, заряжает, заполняет, адаптирует под себя. Визуально книга утрачивает идентичность, теряет форму. Любой электронный объект может неожиданно оказаться книгой просто потому, что содержит текст. Подвижность вещного модуса грозит уничтожить книгу в угоду ее субъекту.

Свобода субъекта столь радостно принятая культурой может обернуться для книги тотальным упразднением. Легкое выполнение функций книги другим объектом угрожает ее идентичности больше, чем ее соперничество с прочими культурными формами, способными передавать и содержать текст (например, живописью, кино).

Читательская культура как и культура письма, формируемая несколькими тысячелетиями, сегодня находится под угрозой. Вещно-материальный модус трансформируется в пользу облегчения устройства для чтения, тем самым упраздняет сенсорные и тактильные усилия. Стремительно уменьшающийся размер и вес книги сводят на нет и интеллектуальные усилия, упрощая их до операций спонтанного поиска, вместо свободного ориентирования. На сегодняшний день актуален субъект, ценящий не столько книгу, сколько необходимую ему информацию, а также умеющий создавать обстоятельный и подробный, но компилятивный текст.

Что касается символического модуса бытия книги, его колебания также сказываются на субъекте, для которого выделены состояния, передающиеся посредством классических и неклассических метафор. В то же время взаимодействие субъекта с книгой провоцирует эти изменения. В символическом модусе одновременно отражаются и образ книги, воспринятый писателем, и способ обращения с книгой и вхождения в нее читателя.

Символический модус книги помещает субъекта в отношения книга-текст, в которых задается отношение субъекта не только с книгой как вещью, но и текстом, содержащимся в этой вещи. Субъектное отношение к книге выражает ее культурные смыслы, которые выявлены в классических и неклассических метафорах книги (книга-мир вне и внутри, книга-лабиринт, книга песка, книга-сфера). Данные метафоры книги не просто создаются писателем, но, прежде всего, воспринимаются читателем как руководство к

действию. Они выражают такой образ книги, в каком она, по решению писателя, должна предстать перед читателем, а следовательно, и значимость книги для читателя. Она задает тон в обращении с книгой, поскольку читатель смог и научился пользоваться ею с большим мастерством, он требует расширения своих возможностей во владении книгой.

Символический модус отражает уже возникший опыт субъекта и его претензии и требования на введение этого опыта в практику. Подчеркнем, что возникновению метафор способствует субъект, как выразитель своего отношения к книге. Читатель сигнализирует писателю о новых тенденциях, о культурном статусе книги. Писатель воплощает требования читателя. Культурный статус книги – это выражение чаяний субъекта.

Если в оппозиции с вещной природой книги субъекта можно представить в образе микеланджеловского Раба, высвобождающегося из-под власти материи, из-под гнета камня, то в оппозиции с символической природой книги меньше визуальной пластики и динамики, но именно она может служить основанием для выявления типического в субъекте.

Классические и неклассические метафоры – это способ представления взаимодействия субъекта с книгой, поэтому разница между ними последовательно демонстрирует предельно типическое в поведении и программе субъекта. Типологии читателя и писателя изоморфны друг другу в практиках чтения-письма. Наиболее ярко типическое проявляется в читательской практике, поскольку чтение представляет собой общекультурное умение, универсальный способ инкультурации и социализации субъекта.

Поскольку было выявлено, что классические метафоры книги отражают конструирование пространства внешнего мира, жизненного пространства человека и внутренней вселенной смыслов и витального опыта, то, чтение в и письмо данном случае представляется способом освоения мира человеком, и его саморефлексией.

Неклассические метафоры книги продолжают разрабатывать характеристики книги открытые с помощью классических метафор и отражают изменение точки зрения субъекта на внутренний и внешний мир.

Принципиальна одинаковая устроенность мира в образах классических и неклассических метафор, однако, различие проявлено в точке схождения внутреннего и внешнего миров – субъекте. Метафоры, как критерий, определяющий выбор точки зрения субъекта на мир, делают возможным представить типологию субъекта книги. Рассмотрим эту типологию.

1. Традиционный читатель

1. Дитя. Такой субъект поклоняется и трепещет перед неизвестным и замкнутым. Этот субъект в своем восприятии ребенок, он только учится читать как книгу бытия, так и азбуку. Впечатления субъекта книги-мира описывает Ж.-П. Сартр, как раз опираясь на свой первый опыт общения с книгами: «Еще не научившись читать, я благоговел перед этими священными камнями: они расположились на полках стоймя и полулежа, кое-где точно сплошная кирпичная кладка, где-то в благородном отдалении друг от друга, словно ряды менгиров»¹.

2. Наблюдатель – субъект, рассматривающий мир вне себя. В своей целостности книга-мир, природа отдельна и независима от субъекта. Единство книги носит объективный дочитательский характер, книга-мир внеположена субъекту, она закрыта и воспринимается как целое. Неделимость книги-мира исключает субъекта из нее и ставит его в положение наблюдателя. Очевидная целостность сулит неизменность, порядок, космос. Субъект не вхож в книгу, он стоит на ее пороге и довольствуется тем, что наблюдает в целом, не претендуя на какое-либо вмешательство или влияние. Целостность знаменует для него скрытый универсум, для которого он чужой, поскольку не составляет с ним единства. Наблюдателем является, прежде всего, ученый.

3. Завоеватель, активно познающий субъект, который рвется к знанию. Он преодолевает вещьность книги и присоединяет ее сущность к своей сущности. Завоеватель прикладывает огромные усилия для получения знания (Например, Мартин Иден в одноименном романе Дж. Лондона).

4. Исследователь. Часто субъект науки, он постигает объект как некую целостность конкретно с собственной позиции. Монолитность книги для

¹ Сартр Ж.-П. Слова. М., 2010. С. 36.

субъекта выступает как недоступность, сложность и даже закрытость, к которой нужно подобрать ключ, испытать.

5. Пророк. Мир книги сложен и неприступен для пророка, и эта недостижимость указывает на ее трансцендентный характер. Книга священна, поскольку представляет неизменное начало, которое непоколебимо и устойчиво, она содержит априорное знание и ведет к высшей истине.

Книга-мир задает отношения субъекта с собой как с первоначалом, сущим, предшествующим субъекту. Ко всему книга-мир содержит текст, который представляет такой источник, который недоступен опытному познанию. Книжность и трансцендентность тождественны друг другу в своей абстрактности, отвлеченности и умозраительности для субъекта. Трансцендентность книги-мира восходит к Создателю, который имплицитно противопоставлен субъекту, как и его творение. Книга-мир – это мир сотворенный, инобытие абсолютной идеи, разворачивающееся во времени, которое определено двумя точками: началом и концом жизни.

Традиционный тип субъекта формируется системой образования и встречается в религиозном мировоззрении, а также в научном и идеологическом.

Итак, мы выявили пять типов традиционного субъекта: дитя, наблюдателя, завоевателя, исследователя и пророка. Будучи по определению различными типами, все они являются субъектами, читающими книгу мира, для которой характерно развертывание трансцендентного, по отношению к которому субъект конечен, пассивен и созерцателен. Восприятие субъектом книги-мира ограничено признанием внутренних законов, по которым действует и строится ее универсум, в котором «ничего нельзя изменить, как в природном процессе, не прирученном человеком»¹. Человек понимает книгу по достижению целостного представления о ней, после полного прочтения: «чтобы понимать конец книги, которой последующее вытекает из предыдущего, мы должны совместить в сознании все предшествующее»².

¹ Федяев Д. М. Литературные формы приобщения к бытию. Омск, 1998. С. 34.

² Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 126.

Соответственно, чтение и письмо – это пространственно-временные процессы сакрального свойства: «магическое овладение природой посредством духа»¹.

Для традиционного субъекта характерно тихое чтение, за которым Августин Аврелий застигает своего учителя Амвросия Медиоланского. Такой тип субъекта наивен и молчалив: «Откровение (внутренний духовный взор) и традиция (книжность) кажутся более существенными, нежели самостоятельное осмысление окружающего мира»². Книга-мир для такого субъекта обладает непогрешимым авторитетом, как проекция Создателя и как его эманация. Отношение классического субъекта к книге центростремительно. Книга-мир для него нова, сокровенна и представляет собой завет, который следует читать. Книга-мир истинна и верна: «Настоящее чтение никогда не подвергает сомнению подлинную книгу; но это и не подчинение тексту»³. Субъект настолько доверяет книге, что он не связывает ее авторитет с конкретным человеком, не ищет подкрепления в институте авторства, поэтому анонимность является не попустительством, но следствием наивной детскости субъекта. Самоудостоверяющая книга производит эффект присутствия. Такого субъекта знает А. Н. Толстой: «Читатель – это бульон, в котором можно было развести любую культуру литературных микробов»⁴. Книга-мир не впускает человека, держит его в стороне, выступает для него в качестве догмата, поскольку предзадана ему.

Почтительность к книге связана с чувственным восприятием окружающего мира, которое вызывает, как его называет А. Эйнштейн, «космическое религиозное чувство», и оно должно передаваться, что составляет функцию искусства и науки⁵.

Для субъекта книги-мира строгая форма представляет регламентированный и традиционный порядок (например, в свитке и кодексе), который он читает, высоко оценивает и признает авторитетным. Тип субъекта,

¹ Гессе Г. Магия книги. М., 1990. С. 133.

² Каждан А. П. Византийская культура. М., 1968. С. 76.

³ Бланшо М. Пространство литературы. М., 2002. С. 192.

⁴ Человек читающий. М., 1983. С. 28.

⁵ Эйнштейн А. Эйнштейн о религии. М., 2011. С. 17.

описанный в рамках классической метафоры книги, является служителем книги, и его можно обоснованно назвать традиционным.

Книга-мир ценна для субъекта не только как текст, но и как вещь. Традиционный субъект часто является библиофилом. Он обнюхивает книгу, разглаживает страницы, любуется обложкой и прислушивается к треску раскрывающегося переплета. Для него характерно уединение и встреча с книгой.

Книга-мир создает субъекта, противопоставленного ей, он другой для нее, а она выступает в роли образующего вечного начала: «Книга для чтения относится к таким же бессмертным чудесам технологии, что и колесо, нож, ложка, молоток, кастрюля, велосипед»¹. Субъект переживает книгу как сообщение мира. Похожую характеристику имеет читатель, которого описывает Г. Гессе в своей классификации. У него встречаются два образа: наивного читателя, который «проглатывает книгу как едок пищу», и «охотника по следу», игрового гения, читателя-ребенка². Наивный читатель Г. Гессе «ничтоже сумняшеся считает, что назначение книги заключается единственно в том и только в том, чтобы добросовестно и внимательно быть прочитанной и оцененной по своему содержанию или форме»³.

Субъект сакрализованной книги воспеваает ее: «Все великие книги прозрачны и живы; они оживают, как свеянные создания из переливчатых искр: знаете ли вы состояние сознания мысли, себя напрягающей до появления искры из глаз? Эта искра блеснет между вами и праздным предметом, в который вперились рассеянно вы, как-то вдруг: просиявши, погаснет; послушайте, размышляли ли вы до блистающей «искры из глаз»⁴.

Традиционный субъект пристален и внимателен и, как представляет Д. С. Лихачев, чтение его эффективное, потому что неслучайное и программное⁵. Как результат субъект приобретает читательское мастерство, которое шлифуется,

¹ Эко У. Картонки Минервы. СПб., 2010. С. 92.

² Гессе Г. Магия книги. М., 1990. С. 84.

³ Там же.

⁴ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 264.

⁵ Лихачев, Д. С. Письмо двадцать второе. Любите читать! // Лихачев Д. С. Письма о добром М.; СПб., 2006. С. 74-79.

вырабатывается. Субъект такого типа в социальной структуре общества всегда занимает исключительное место, он принадлежит к элите, которая практикует чтение и письмо как форму интимного и тесного общения посвященных, например, в молитве, в кругу семьи, научном сообществе, литературном салоне.

Но, тем не менее, для традиционного субъекта элитарный характер может означать принадлежность интеллектуальному меньшинству, иногда маргинальному, которому не достаточно пробежаться по книге. Такой субъект постоянно возвращается к книге, перечитывает.

Перечитывание, как предлагает рассматривать его Р. Барт, является исходным принципом, способным «уберечь текст от повторения», «приобщая его к мифическому времени»¹. Множественными должны быть прочтения, а не тексты. Кстати, аспект авторства, то есть писателя в традиционном субъекте не умирает.

Рассмотрим второй тип субъекта.

II. Новый субъект.

Появление неклассических метафор книги подтверждает рождение нового типа субъекта, которой, с одной стороны, произведен на свет благодаря им, а с другой – сам инициировал их возникновение. Неклассические метафоры книги – книга-лабиринт, книга-шар, книга песка – результат раскрепощения субъекта, который был отдален и отделен от книги-мира.

1. Прагматик. В практически ориентированном чтении прагматика целостность книги утрачивается взамен разобщенности и фрагментарности. Материальное единство условно, поскольку жесткая структура и порядок мира, заменен на случайность и обрывочность лабиринта и бесконечности. Случайность выражает закономерность в игровой форме, место принципа последовательности занимает принцип удовольствия, который «связан с практикой комфортабельного чтения»².

2. Утилитарист. Субъект книги-лабиринта знает, что целая книга для него недоступна и довольствуется фрагментом, но еще и потому, что фрагмент

¹ Барт Р. S/Z. М., 2001. С. 43.

² Барт Р. Избранные работы. М., 1989. С. 471.

подразумевает подобие с прочими, а, следовательно, совпадает с целым, проявляет присущие ему свойства. Для субъекта достаточно части книги, чтобы завершить гештальт. Этому способствует дробное членение книги на главы, разделы, жемчужины, которые, играя, субъект перебирает и перебрасывает. Так оформляется словарь или энциклопедия, которые не составляют структурного единства, их части самостоятельны и самодостаточны. Субъект выдергивает статью, находит раздел, начинает книгу с любого места, какое ему захочется, буквально манипулируя книгой.

Помимо того, что книге песка присуще потакать субъекту, субъект сам распоряжается ею. Текстовая сторона книги вырывается из-под давления материального носителя, и неклассические метафоры выражают эту раскованность. Писатель книги песка угождает субъекту, позволяя произвольно читать текст, лишь рекомендуя тот или иной принцип в порядке игры. Например, в романе «Игра в классики» Х. Кортасар «предоставляет читателю право выбирать одну из двух возможностей»: два режима чтения, которые подразумевают много книг¹. Помимо предложенных, писатель не упоминает возможность последовательного линейного чтения, а также свои экзерсисы с удвоенными потоками сознания. У Г. Гессе роман «Игра в бисер» имплицитно представляет игру, загадку. Роман М. Павича «Пейзаж, нарисованный чаем» имеет говорящий подзаголовок: роман для любителей кроссвордов – сам писатель именуется еще и альбомом, и сборником текстов.

3. Эрудит. Вместо классической целостности субъект сталкивается с множественностью и фрагментарностью. Это влияет на субъекта напрямую, он становится эрудитом, но эрудированность эта по форме бездна.

Если для классической метафоры книга-мир авторитет сопряжен с анонимностью и абсолютностью автора, то в неклассической метафоре книга-лабиринт анонимность остается без авторитета. Вместо абсолюта источником предстает тотальность текста, его центробежность. Ненаходимость центра в шаре принципиальна, субъект многолик. Субъект часто совпадает с автором и

¹ Кортасар Х. Игра в классики. М., 2011. С. 15

читателем в одном лице. Субъект-субъектные отношения выступают центром сферовидной вселенной книги шара. Сферовидность книги заключает субъекта в свои пределы, он вхож и активен. Субъект и сам, как сфера, расширяется по мере освоения в пространстве книги. Он не противопоставлен книге, но включен в ее пределы, точнее, поскольку книга не имеет границ и всеохватна, субъект и не покидает ее. Он не воспринимает книгу как что-то конечное, ограниченное, финитность книги отмечает только начало: момент входа субъекта в ее пространство, однако, конец не предвидится.

Принципиальная незавершаемость, открытость книги как шара актуализирует экстенсивную читательскую позицию. Неограниченная произвольность субъект книги песка или шара, лишает его ориентиров, а, следовательно, цели. Он не может найти самого себя, поэтому его образ – это образ заблудившегося, потерянного индивидуума в пустыне, лабиринте, космическом безвоздушном пространстве. Плутание по миру книг для нового субъекта становится формой эскапизма, так как книжная фантазия создает поле для ухода от реального мира¹.

Множественность книги-лабиринта применима и для ее сущности, и для ее вещного состояния. Книги наводняют культуру и тиражируемость заменяет подлинность: «книжная гора оседает под своим весом и превращается в песок, в Сахару, где не найти и не отличить одной книжной песчинки от другой»².

Беззаботность и неукорененность на самом деле проявляют отсутствие значимости, десакрализацию. Субъект профанирует книгу. Она уже не является ни материальной, ни духовной ценностью. Такой субъект читает поверхностно, и ему доступны только поверхностные смыслы, поскольку он экстенсивно, а не интенсивно изучает книгу, не перечитывает. Чтение книги не является первостепенным культурообразующим механизмом, но становится более признаком цивилизованности и достоянием массы.

¹ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. – 2010. – №2. С. 13-33.

² Генис А. Вавилонская башня. М., 1997. С. 131.

Субъект книги песка или книги-лабиринта вместо почтительного поклонения книге становится разборчив, он не доверяет ей. Он подвергает сомнению ее необходимость, значимость, возможность. Книга классифицируется таким субъектом как истинная и ложная, полезная и вредная, а само отношение субъекта сиюминутное, скоропалительное. Так, например, рассуждает И. Кант: «Немалый вред, причиняемый потоком книг, ежегодно наводняющих нашу часть света, состоит, между прочим, в том, что действительно полезные книги, всплывающие время от времени на поверхность широкого океана книжной учености, остаются незамеченными и должны разделить участь прочих отбросов – быстро погибнуть»¹. Тщательность и осторожность при пользовании книгами являются принципами руководства, по мнению Дж. Локка, поскольку без учета этих принципов, чтение превращается в невинное развлечение². Такая избирательность оправдана желанием избегать модного чтения, современного чтения, которое можно приравнять к категории мимолетного чтения: того, что в английском языке называют словом «ephemera» – издания на один день, которые не хранят и не воссоздают, типа брошюр, открыток и плакатов, названные так по имени насекомого поденки, которое живет только один день³.

Субъект настолько активен по отношению к книге, что главным является «не понимать содержание книги, но пользоваться ею как механизмом, экспериментировать с нею»⁴. В классификации Г. Гессе встречается похожий тип читателя, которого он описывает как «властелина в царстве своего чтения», но также награждает его эпитетами «совершенное дитя», для которого мир заключен в нем самом⁵. Для Г. Гессе этот читатель обладает не детской непосредственной мудростью, но неумеющей глупостью детства, поэтому такой тип субъект – угроза сам для себя.

¹ Кант И. Сочинения в 6 тт. Т. 2. М., 1964. С. 204.

² Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения в 3 тт. Т. 2. М., 1985. С. 3-201. С. 243.

³ A companion to the history of the book. Oxford, 2011.

⁴ Маньковская Н. Б. Париж со змеями М., 1995. С. 69.

⁵ Гессе Г. Магия книги. М., 1990. С. 85.

Субъект книги-лабиринта обладает креативностью, виртуозностью, поскольку ему присуща свобода, сообщаемая книгой. Он исходит из предложенных потенций книги и волен осуществить их все или некоторые. Сотворенность книги-мира в случае книги-лабиринта воспринимается как симультанное и всеохватное образование, единовременное вдохновение и творение. Такой субъект, по словам А. Н. Толстого, не знает еще никакой культуры, но «почувствовал себя хозяином Земли и Города»¹. Обращение с книгой у нового субъекта определяется утилитарными, развлекательными или профессиональными нуждами, и интерес формируется стихийно.

Итак, в поисках культурных оснований книги необходимо обращение к субъекту. Бытие книги определяется субъектом, имеющим дуальную природу, связанную с культурными процессами чтения и письма. Выступая в качестве деятельности субъекта, чтение и письмо определяют самого субъекта как выходящего за границу положенного через текст к книге и, наоборот, через книгу к тексту.

Операции чтения и письма соразмерны друг другу как раз в связи с конгениальностью писателя и читателя, осуществляющих данные операции. Отношение субъекта к книге характеризуется транзитивностью процессов чтения и письма. Дискурс чтения является более развернутым в силу его культур-субъекто-образующей сущности, в то время как письмо в менее широком смысле является культурным умением. Инкультурация и социализация предполагают обучение общекультурным умениям письма, но не формирование писателя.

На основе символического модуса, выражающего культурный статус книги, выделяются два типа субъекта книги. Первый тип связан классическими метафорами книги: книга-мир, книга-природа. Отношение субъекта к книге аналогично отношению к объективной действительности, существующей по своим законам. Его основные признаки – сакральное и ценностное отношение к книге. Традиционный тип – это почтительный

¹ Человек читающий. М., 1983. С. 32.

служитель, сторонний наблюдатель, для него характерна центростремительная позиция, противопоставляющая его книге.

Природа нового субъекта выражается его активной позицией, совмещающей с субъективной множественностью и фрагментарностью. Цивилизованный новый субъект раскрепощен и разборчив, а потому беззаботен и дезориентирован. Его неукорененность вызвана профанным десакрализированным отношением к книге. Активный и самостоятельный, новый субъект изобретателен и творчески обращается с книгой. Его характеризует центробежное положение, он выброшен из бытия, вынужденно самостоятелен. Он одинок перед лицом книги, поэтому находится в постоянном поиске, что сказывается на манере чтения: экстенсивного, случайного, обрывочного. Типология субъекта книги включает в себя: дитя, наблюдателя, исследователя, завоевателя, пророка, прагматика, утилитариста и эрудита.

Заключение

Книга представляет собой целостный культурный феномен, постигаемый в единстве вещного и символического модусов ее бытия.

В рассматриваемых модусах определена следующая специфика. Вещный модус бытия книги проявляется в трех ипостасях: предметно-материальном модусе, универсализирующий формальную и вещественную стороны книги, предметно-текстуальный модус, выявляющий книгу в ее материально-тактильной и электронно-виртуальной форме, и, наконец, предметно-действенный модус, обобщающий свиток, кодекс и электронную книгу.

Символическое бытие книги заключается в оформлении знания и его прагматической, мифологической и игровой модификаций, которые раскрываются в семиозисе, инициируемом знаком книги, который находит свою интерпретацию в метафорах книги.

Метафоры книги, как образное продолжение ее сущности, изобретаются и дополняются в процессе развития культуры, составляя целый комплекс, классифицирующийся на классические и неклассические метафоры. Классические метафоры – книга-мир, книга-природа, книга-человек – отражают конструирование пространства внешнего мира обитания человека и внутреннего мира его опыта по модели книги. Неклассические метафоры – книга-лабиринт, книг песка, книга-шар – изоморфны классическим, они углубляют и обосновывают онтологическую и культурную семантику книги.

Оппозиция книга-текст является живым, подвижным, структурно-семантическим образованием, позволяющим увидеть осмыслить неоднозначное отношение к книге как к форме фиксации знания и квалифицировать современную трансформацию книжной формы в ее взаимоотношениях с текстом в культуре.

Книга и текст взаимно дополняют друг друга функциями: книга предоставляет тексту структуру и форму, текст оправдывает существование книги и проявляет ее сущность и культурный смысл. В оппозиции книга-текст основой выступает философская категория свободы и необходимости. В процессе

перехода текста в книгу действуют следующие факторы: повтор самого текста, его избыточность и поиск собственной завершенности.

Оппозиция книга-текст снимается субъектом книги, который разрешает проблему пользы-вреда книги, а, следовательно, определяет культурный статус книги. Субъектное отношение к книге выражается в транзитивных процессах чтения и письма, которые характеризуют субъекта в его выходе за границы положенного через текст к книге и через книгу в текст. Субъектность книги раскрывается в писателе через чтение мира, воплощении данного действительностью в тексте книги, и соревнование за право поведать миру то, что открылось ему в бытии, и в читателе – через отношение к книге в вещном символическом модусах ее бытия, что является основой для конструирования типологии субъекта. Субъект книги представлен типами: дитя, наблюдателя, исследователя, завоевателя, пророка, прагматика, утилитариста и эрудита.

Исследование феномена книги дает возможность увидеть ее категориальное значение для понимания мира вне и внутри человека, для понимания культуры и культурных феноменов, так как они могут быть определены через метафоры книги, раскрыты через оппозицию книги и текста, осмыслены через субъекта книги.

Несмотря на все трансформации, которые переживает культура в целом и книга, в частности, для современного человека книга продолжает веществовать в духовном пространстве в виде знания. Мы мыслим знание книгами, соотносим образ и идею в своем сознании с книгой, на которой впервые встречаемся с идеей. Устранение идеи книги из культуры невозможно, она интегрирована в процесс культуротворчества, так как представляет собой книга представляет собой единство вещного и символического начал, фиксирующих знание в его прагматической, мифологической и игровой модификациях, иницирующее приращение семиозиса новыми смыслами через деятельность субъекта, выраженную в процессах письма и чтения.

Литература

1. Августин А. Об истинной религии. Теологический трактат. – Минск: Харвест, 1999. – 1600 с.
2. Аверинцев С. С. Авторство и авторитет / С. С. Аверинцев // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С. 105-125.
3. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы / С. С. Аверинцев. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 480 с.
4. Акишина Е. О. Метафора как форма выражения философских идей : автореф. дис. на соиск. учен. ст. канд. филос. наук / Е. О. Акишина. – Омск, 2009. – 19 с.
5. Аквинский Ф. Сумма теологии: часть 1. Вопросы 1-43 / Ф. Аквинский. – Киев: Ника-Центр, 2002. – 558 с.
6. Акройд П. Повесть о Платоне / П. Акройд; пер. с англ. Л. Мотылева. – М.: Иностранка, Б. С. Г. – Пресс, 2002. – 169 с.
7. Апухтина Н. Г., Невелева В. С. Феномен книжности: философско-культурологическое осмысление истории и современное состояние / Н. Г. Апухтина, В. С. Невелева // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – №1 (29). – С. 48-52.
8. Асмус В. Ф. Чтение как труд и творчество / В. Ф. Асмус // Вопросы теории и истории эстетики. – М.: Искусство, 1968. – С. 55-68.
9. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. – 188 с.
10. Баренбаум И. Е. История книги / И. Е. Баренбаум. – М.: Книга, 1984. – 248 с.
11. Барт Р. S/Z / Р. Барт; пер. с фр. 2-е изд., испр. под ред. Г. К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
12. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Р. Барт; пер. с фр; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

13. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
14. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
15. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г. Башляр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 268 с.
16. Башляр Г. Пламя свечи / Г. Башляр // Избранное: поэтика пространства. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 215-278.
17. Беловицкая А.А. Общее книговедение [Электронный ресурс] : учеб. пособие / А. А. Беловицкая. – М.: Книга, 1987. – URL: <http://hi-edu.ru/e-books/xbook011/01/title.htm> (Дата обращения: 22. 12. 2013)
18. Белый А. Символизм как миропонимание / А. Белый; сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
19. Бергсон А. Из сборника «Мысль и движущееся» / А. Бергсон // Избранное: Сознание и жизнь. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 83-224.
20. Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом. Первый разговор / Дж. Беркли // Сочинения. – М.: Мысль, 1978. – С. 249-256.
21. Бидерманн Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн; пер. с нем.; общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
22. Бланшо М. Отсутствие книги / М. Бланшо // Locus solus. Антология литературного авангарда XX века; сост В. Лапицкий. – СПб.: Амфора, 2006. – С. 129-147.
23. Бланшо М. Пространство литературы / М. Бланшо; пер. с франц. Ю. В. Дубин. и др. – М.: «Логос», 2002. – 288 с.
24. Блейк У. Стихотворения : сборник / У. Блейк; послесл. и коммент. А. Зверева; на англ. и рус. яз. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2007. – 640 с.
25. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр; пер. О. А. Печенкиной. – Тула: Изд-во Тульский полиграфист, 2011. – 204 с.

26. Борхес Х. Л. Вымыслы / Х. Л. Борхес; пер с исп. – СПб.: Амфора, 2009. – 479 с.
27. Борхес Х. Л. Предисловие к каталогу выставки испанских книг // Собр. соч. : в 4 тт. / Х. Л. Борхес. – СПб.: Амфора, 2007. – Т. 2. – С. 736-737.
28. Боэций. Утешение философией / Боэций // Утешение философией и другие трактаты. – М.: Наука, 1990. – С. 190-289.
29. Брюсов В. Я. Будущее / В. Я. Брюсов // Стихотворения; вступ. ст. и общ. ред. В. М. Саянова. – М.: Советский писатель, 1959. – С. 457.
30. Булгаков С. Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М.: Республика, 1995. – 416 с.
31. Бурдые П. Чтение, читатели, ученые, литература / П. Бурдые // Начала. Choses dites; пер. с фр. Шматко Н. А. – М.: Socio-logos, 1994. – С.167-179.
32. Бычков В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica* : в 2 тт. / В. Бычков. – М.-СПб.: Университетская книга, 1999. – Т. 1. Раннее христианство. Византия. – 575 с.
33. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 тт. / Ф. Бэкон; сост., общая ред. и вст. статья А. Л. Субботина. – М.: Мысль, 1972. – Т. 2 – 582 с.
34. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 тт. / Ф. Бэкон; сост., общая ред. и вступит. статья Л. Л. Субботина. – М.: Мысль, 1971. – Т. 1 – 590 с.
35. Ванеян С. С. Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии / С. С. Ванеян. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 832 с.
36. Варбанец Н. В. Йоххан Гутенберг и начало книгопечатания в Европе / Н.В. Варбанец. – М.: Книга, 1980. – 304 с.
37. Вольтер. Эстетика / Вольтер. – М.: Искусство, 1974. – 392 с.
38. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 638 с.
39. Галилей Г. Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки // Избранные произведения в 2 тт. / Г. Галилей – М.: Наука, 1964. – Т. 2. – С. 109-410.

40. Галилей Г. Избранные произведения : в 2-х тт. / Г. Галилей. – М.: Наука, 1964. – Т. 2. – 645 с.
41. Гегель Г. В. Ф. Народная религия и христианство // Работы разных лет : 2 тт. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – Т. 1. – С. 45-87.
42. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 тт. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1971. – Т. 2. – 248 с.
43. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук : в 3 тт. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т.1. Наука Логики. – 452 с.
44. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 тт. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1973. – Т. 3. – 624 с.
45. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 тт. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1969. – Т. 2. – 328 с.
46. Гегель Г. В. Ф. Эстетика : в 4 тт. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Искусство, 1973. – Т. 4. – 676 с.
47. Генис А. Борхес и реальность / А. Генис // Новый мир. – 1994. – № 12. – С. 214-219.
48. Генис А. Вавилонская башня: искусство настоящего времени / А. Генис // Эссе. – М.: Независимая газета, 1997. – 256 с.
49. Генис А. Книга книг / А. Генис // Иностранная литература. – 1999. – № 10. – С. 166-168.
50. Генис А. Памяти книги / А. Генис // Esquire. – 2006. – Ноябрь. – С. 100.
51. Генис А. Уроки чтения. Камасутра книжника / А. Генис. – М.: АСТ, 2013. – 352 с.
52. Геродот История / Геродот; Пер. и примеч. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
53. Герчук Е. Ю. Архитектура книги / Е. Ю. Герчук. – М.: ИндексМаркет, 2011. – 208 с.
54. Герчук Ю. Я. История графики и искусства книги / Ю. Я. Герчук. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 320 с.

55. Гессе Г. Магия книги : эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле / Г. Гессе; пер. с нем.; предисл. А. Науменко. – М.: Книга, 1990. – 238 с.
56. Гиммельсгаузен Г. Я. К. Симплициссимус / Г. Я. К. Гиммельсгаузен. – Л.: Наука, 1966. – 672 с.
57. Глухов А. Г. Судьбы древних библиотек : научно-художественные очерки / А. Г. Глухов. – М.: ТОО Либерей, 1992. – 160 с.
58. Гоббс Т. О человеке / Т. Гоббс // Левиафан. – М.: Мысль, 2001. – С. 10-115.
59. Гройс Б. Философия после конца истории: ускользящий контекст / Б. Гройс // Русская философия в постсоветских условиях. Материалы конференции (Бремен, 25-27 июня 1998 г.) – Ad marginem, 2002. – С. 147-162.
60. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия: Чего не может передать значение / Х. У. Гумбрехт; пер. с англ. С. Зенкина. – М.: Новове литературное обозрение, 2006. – 184 с.
61. Гюго В. Собор Парижской Богоматери // Собрание сочинений в 15 тт. / В. Гюго; пер. с фр. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. – Т. 2. – 546 с.
62. Данилова И. Е. Искусство Средних веков и Возрождения / И. Е. Данилова. – М.: Сов. художник, 1984. – 272 с.
63. Данте А. Божественная комедия / А. Данте; пер. М. Лозинского. – М.: Наука, 1967. – 628 с.
64. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь : в 2 тт. / И. Х. Дворецкий; под ред. С. И. Соболевского. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. 1. А-Л. – 1044 с.
65. Дворецкий И. Х. Латино-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
66. Делез Ж., Гваттари, Ф. Ризома: введение // Эстетика и теория искусства XX века: хрестоматия; сост. Н. А. Хренов, А. С. Мигунов / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 296-306.

67. Деррида Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида; пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина. – СПб.: Академический проект, 2000. – 432 с.
68. Дидро Д. Мысли к истолкованию природы // Сочинения в 2 тт. / Д. Дидро. – М.: Мысль, 1986. – Т. 1. – С. 333-378.
69. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский; пер. М. Л. Гаспарова. – М.: АСТ : Астрель, 2011. – 570 с.
70. Добиаш-Рождественская О. А. Техника книги в эпоху феодализма // Культура западного средневековья; сост. Б. С. Каганович / О. А. Добиаш-Рождественская. – М.: Наука, 1987. – С. 93-115.
71. Древнеримская философия: От Эпиктета до Марка Аврелия / пер. с лат. и древнегреч. – Харьков: Фолио; М.: ООО Фирма Издательство АСТ, 1999. – 832 с.
72. Дубин Б. В. Символы и повторения // Собрание сочинений : в 4 тт. / Х. Л. Борхес. – СПб.: 1999. – Т. 3. – С. 5-28.
73. Дубин Б. Пространство под знаком лабиринта / Б. Дубин // Иностранная литература. – 2005. – №10. – С. 251-259.
74. Дюби Ж. Время соборов: искусство и общество 980-1420 годов / Ж. Дюби. – М.: Ладомир, 2002. – 379 с.
75. Есипова В. А. История книги : учебник по курсу «История книжного дела» / В. А. Есипова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 628 с.
76. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века / Э. Жильсон; пер с фр. А. Д. Бакулова. – М.: Республика, 2004. – 678 с.
77. Зеркало [Видеозапись] / реж. Андрей Тарковский; в ролях М. Терехова, О. Янковский, И. Смоктуновский; Мосфильм. – М. – Фильм вышел на экраны в 1975 г.
78. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры : в 3 тт. / Вяч. Вс. Иванов. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – Т. 1. – 912 с.

79. Ильин И. И. Постмодернизм от истоков до конца столетия научного мифа / И. И. Ильин. – М.: Интрада, 1998. – 256 с.
80. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / ред.-сост. Г. Кавало, Р. Шартье; пер. с фр. М. А. Руновой, Н. Р. Зубкова, Т. А. Недашковской. – М.: «Издательство ФАИР», 2008. – 544 с.
81. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 702 с.
82. Каган М. С. Морфология культуры : Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Части I, II, III / М. С. Каган. – Л.: Искусство, 1972. – 440 с.
83. Каган М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 414 с.
84. Каждан А. П. Византийская культура / А. П. Каждан. – М.: Наука, 1968. – 233 с.
85. Каждан А. П. Книга и писатель в Византии / А. П. Каждан. – М.: Наука, 1973. – 152 с.
86. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Сочинения : в 6 тт. / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 351-588.
87. Кант И. Догматическое деление всех прав, приобретаемых по договорам // Сочинения : в 6 тт. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. Ч. 2. – С. 199-207.
88. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 6 тт. / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3. – 799 с.
89. Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Сочинения : в 6 тт. / И. Кант. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 25-37.
90. Кант И. Спор факультетов // Сочинения : в 6 тт. / Кант И. – М.: Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 310-348.
91. Кант И. Сочинения : в 6 тт. / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – Т. 2. – 543 с.
92. Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг / Ж.-К. Карьер, У. Эко, пер. О. Акимова. – СПб.: Симпозиум, 2010. – 336 с.

93. Касавин И. Т. Предтечи научной революции // Философия науки. Вып. 5: философия науки в поисках новых путей / И. Т. Касавин – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 31-77.
94. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос / Э. Кассирер. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 654 с.
95. Керлот Х. Э. Словарь символов / Х. Э. Керлот; пер. Н. А. Богун, Ю. А. Данько и др. – М.: «Refl-book», 1994. – 608 с.
96. Керн Г. Лабиринт: основные принципы, гипотезы, интерпретации / Г. Керн // Лабиринты мира. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – С. 7-33.
97. Книга в культуре Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. – М.: Наука, 2002. – 267 с.
98. Книга. // Словарь полиграфических терминов и определений [Электронный ресурс]. – URL: poligrafslavar.ru/article_282.htm (дата обращения 22. 12. 2013.)
99. Книгин А. Н. Учение о категориях : учебное пособие для студентов философских факультетов / А. Н. Книгин. – Томск: ТГУ, 2002. – 292 с.
100. Книговедение : энциклопедический словарь / Ред. коллегия: Н. М. Сикорский (гл. ред.) и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1982. – 664 с.
101. Кондратьева О. Н. Метафора «пища душевная» в языковой картине мира (диахронический аспект) // Вестник пермского университета. – 2011. – №2. – С. 24-33.
102. Кортасар Х. Игра в классики / Х. Кортасар; пер. с исп. Л. Синянской. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 493 с.
103. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму; пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427-457.
104. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 656 с.

105. Кузанский Н. Сочинения : в 2 тт. / Н. Кузанский. – М.: Мысль, 1979. – Т. 1. – 488 с.
106. Кузанский Н. Сочинения : в 2 тт. / Н. Кузанский. – М.: Мысль, 1980. – Т. 2. – 471 с.
107. Кундера М. Занавес / М. Кундера; пер. с фр. А. Смирновой. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 240 с.
108. Кундера М. Нарушенные завещания / М. Кундера; пер. с фр. М. Таймановой. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 288 с.
109. Кунин В. Корабли мысли. Английские и французские писатели о книге, чтении, библиофилах : антология / А. Кунин. – М.: Книга, 1980. – 336 с.
110. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер; пер. И. В. Комарова. – М.: Издательство ассоциации духовного единения «Золотой век», 1995. – 412 с.
111. Куфаев М. Н. Проблемы философии книги. Книга в процессе общения / М. Н. Куфаев. – М.: Наука, 2004. – 188 с.
112. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. А. М. Руткевича; 2-е изд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 160 с.
113. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. под общ. ред. В. А. Бабинцева. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
114. Лекторский В. А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения / В. А. Лекторский // Методология и история психологии. – 2010. – Том. 5. Выпуск 1. – С. 5-18.
115. Лейбниц Г.-В. О глубинном происхождении вещей // Сочинения : в 4 тт. / Г.-В. Лейбниц. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 282-290.
116. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н.Николюкина; институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК. Интелвак., 2001. – 1600 с.
117. Лихачев Д. С. Письмо двадцать второе. Любите читать! / Д. С. Лихачев // Письма о добром; отв. ред. С. О. Шмидт. – М.: Наука; СПб.: LOGOS, 2006. – С. 74-79.

118. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Сочинения : в 3 тт. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1985. – Т. 2. – С. 3-201.
119. Локк Дж. Об управлении разумом. Книга VI // Сочинения : в 3 тт. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1985. – Т. 2. – С. 202-279.
120. Локк Дж. Об управлении разумом. Книга II // Сочинения : в 3 тт. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – С. 154-458.
121. Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры (совместно с Б. А. Успенским) / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. – С. 485-704.
122. Лотман, Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? / Ю. М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: «Искусство-СПБ», 2000. – С. 363-371.
123. Лотман Ю.М. Выход из лабиринта / Ю. М. Лотман // Эко У. Имя розы. – М.: Книжная палата, 1989. – С. 468-482.
124. Маклюэн М. Г. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры / М. Г. Маклюэн. – Киев: «Ника-Центр», 2003. – 432 с.
125. Маклюэн М. Г. Понимание медиа: Внешнее расширение человека. / М. Г. Маклюэн. – М., Жуковский: «КАНОН-центр-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
126. Маковский М. М. Историческо-этимологический словарь английского языка / М. М. Маковский. – М.: Издательский дом «Диалог», 1999. – 416 с.
127. Малларме С. Книга – духовный инструмент / С. Малларме // Семиотика и авангард: Антология; ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин; под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Академический Проект: Культура, 2006. – С. 624-627.
128. Малларме С. Тайна в произведениях словесности / С. Малларме // Семиотика и авангард: Антология; ред.-сост. Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сиротки; под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Академический Проект: Культура, 2006. – С. 628-630.
129. Мамардашвили М. К. Лекции о Прусте (Психологическая топология пути) / М. К. Мамардашвили. – М.: Ad marginem, 1995. – 547 с.

130. Мангуэль А. История чтения / А. Мангуэль; пер. с англ. М. Юнгер. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 381 с.
131. Маньковская Н. Б. Париж со змеями (Введение в эстетику постмодернизма) / Н. Б. Маньковская. – М.: ИФ РАН, 1995. – 220 с.
132. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – 347 с.
133. Маркес Г. Г. Сто лет одиночества / Г. Г. Маркес; пер. с исп. М. И. Былинкиной. – М.: Астрель, 2012. – 477 с.
134. Марков Б. В. Знаки бытия / Б. В. Марков. – СПб.: Наука, 2000. – 561.
135. Марциал М. А. Эпиграммы / М. А. Марциал. – М.: Художественная литература, 1967. – 488 с.
136. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
137. Мельникова Е. А. «Воображаемая книга»: очерки по истории фольклора книг и чтении в России / Е. Мельникова. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 182 с.
138. Мечковская Н. Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антиномия, асимметричность / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Семантика начала и конца; отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: «Индрик», 2002. – С. 109-121.
139. Мечковская Н. Б. Семиотика Язык. Природа. Культура : курс лекций учеб. Пособие для студ. филол., лингв, и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – М. Издательский центр. Академия., 2007. – 432 с.
140. Миллер Г. Книги в моей жизни / Г. Миллер. – СПб.: Б. С. Г. –пресс. Пушкинская библиотека, 2001. – 544 с.
141. Мир без романов: Марио Варгас Льюса о будущем вне литературы [Электронный ресурс] / М. В. Льюса // Т&Р. – URL: http://theoryandpractice.ru/posts/7626-bez_romanov (дата обращения: 22. 12. 2013)
142. Мирошникова О. В. Книжные диалоги как оригинальные опыты женского творчества рубежа XIX-XX веков / О. В. Мирошникова //

Герменевтика субъекта: сб. науч. трудов; ред. И. А. Овсянникова. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 119-132.

143. Мирошникова, О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01 / Ольга Васильевна Мирошникова. – Омск, 2004. – 48 с.

144. Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи / А. В. Михайлов // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М.: Наследие, 1994. – С. 326-391.

145. Монтень М. Опыты : в 3 книгах / М. Монтень. – М.: Наука, 1979. – Кн. 3. – 536 с.

146. Монтень М. О книгах // Опыты : в 3 книгах / М. Монтень. – М.: Наука, 1979. – Книга 1 и 2. – С. 355-366.

147. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков; пер. с англ. под ред. Харитоновой В. А. – М.: Издательство Независимая Газета, 1998. – 512 с.

148. Невелева В. С. Информационная и визуальная антропология в структуре научного познания человека / В. С. Невелева // Информационно-коммуникационные технологии и электронные ресурсы в системе культурно-цивилизационных преобразований: опыт и проблемы использования в вузах культуры и искусств: тез. докл. II Всерос. науч. конф. (Челябинск, 23 окт. 2012 г.) / сост. А. В. Штолер и др. – Челябинск, 2012. – С. 13-16.

149. Нефедова Л. К. Онтология культурного возрастного диалога / Л. К. Нефедова // Мультикультурная современность : Урал-Россия-Мир : Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) Гуманитарного ун-та, 2-3 апреля 2009 года : Доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др.: В 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2009. – Т. 1. – С. 328-332.

150. Нефедова Л. К. Онтология поэтического слова Артюра Рэмбо / Л. К. Нефедова. – М.: Издательство Флинта, 2011. – 130 с.

151. Нефедова Л. К. Письмо и чтение – фундаментальные характеристики культуры / Л. К. Нефедова // Реальность. Человек. Культура: фундаментализм как

тип мировоззрения. Ореховские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции. 26 ноября 2010 года. – Омск, 2010. – С. 77-81.

152. Нефедова Л. К. Философские основы литературного чтения в начальной школе / Л. К. Нефедова // Начальная школа. – 2005. – №8 – С. 14-23.

153. Новая философская энциклопедия : в 4 тт. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс. : А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. – 634 с.

154. Новейший философский словарь. Постмодернизм / Гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Минск: Современный литератор, 2007. – 816 с.

155. Общество и книга: от Гутенберга до Интернета / Общ. ред А. П. Королевой. – М.: Традиция, 2000. – 280 с.

156. Орнатская Л. А. Две книги – два образа культуры / Л. А. Орнатская // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 26-30.

157. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем: Роман для любителей кроссвордов / М. Павич; пер. с серб. Н. Вагаповой, Р. Грецкой. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 416 с.

158. Павич М. Хазарский словарь (Мужская версия) / М. Павич; пер. с сербского Л. Савельевой. – СПб.: Издательство Азбука; книжный клуб ТЕРРА, 1997. – 134 с.

159. Панченко, А. М. О русской истории и культуре / А. М. Панченко. – СПб.: Азбука, 2000. – 464 с.

160. Пас О. Новая аналогия: поэзия и технология / О. Пас // Избранное: В поисках настоящего времени: Нобелевская лекция 1990 г.; Поэзия; Эссе; Проза; пер. с исп. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2001. – С. 152-168.

161. Платон. Федр / Платон // Диалоги. – М.: Астрель, 2011. – С. 276-349.

162. Платон. Филеб // Сочинения : в 4 тт. / Платон. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – Т. 3. Ч. 1. – С. 11-97.

163. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
164. Поэты 1790-1810-х годов / Вступ. ст.и сост. Ю. М. Лотман. – Л.: Советский издатель. Ленинградское отделение, 1997. – 912 с.
165. Пушкин А. С. Пророк // Собрание сочинений : в 10 тт. / А. С. Пушкин. М: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т.2. – С. 149-150.
166. Розанов В. В. Сочинения : в 2 тт. / (Приложение к журналу «Вопросы философии»). – М.: Правда, 1990. – Т. 2. Уединенное. – 711 с.
167. Розанова М. Пространство книги / М. Розанова // Синтаксис. – Париж. – 1980. – №6. – С. 140-156.
168. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века: (ключевые понятия и тексты) / В. П. Руднев. – М.: Издательство «Аграф», 2001. – 608 с.
169. Сапунов Б. В. О почитании книжном / Б. В. Сапунов // Русская речь. – 1974. – № 3. – С. 121-127.
170. Сарабьянов Д. В. Стиль модерн: Истоки. История. Проблемы / Д. В. Сарабьянов. – М.: Искусство, 1989. – 294 с.
171. Сартр Ж.-П. Слова / Ж.-П. Сартр; пер. с фр. – М.: АСТ, 2010. – 252 с.
172. Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова / Ж.-П. Сартр; пер. с фр.; худ. обл. М. В. Драко. – Минск : ООО «Попурри», 1999. – 448 с.
173. Словарь средневековой культуры / Под ред. А. Я. Гуревича. – М.: Российская политическая энциклопедия. (РОССПЭН), 2003. – 632 с.
174. Соловьев А. В. Новая эстетика информационной эпохи: искусство как база данных [Электронный ресурс] / А. В. Соловьев // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. – 2009. – № 8. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/novaya-estetika-informatsionnoy-epohi-iskusstvo-kak-baza-dannyh> (дата обращения: 22. 12. 12013).

175. Соловьев В. С. Красота в природе / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 тт.; Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1988. – Т. 2. – С. 351-389.
176. Солоухина О. В. Концепции читателя в современном западном литературоведении / О. В. Солоухина // Теории, школы, концепции. Художественная рецепция и герменевтика; отв. ред. Ю. Б. Борев. – М.: Наука, 1985. – С. 212-240.
177. Сонтаг С. Заново рожденная. Дневники и записные книжки 1947-1963 / С. Сонтаг. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. – 344 с.
178. Степин В. С. История и философия науки : учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В. С. Степин. – М.: Академический проект: Трикста, 2011. – 423 с.
179. Твоей разумной силе слава! Европейские писатели о книге, чтении, библиофильстве / Сост. В. А. Эльвова. – М.: Книга, 1988. – 256 с.
180. Толстая Т. Н. Кысь / Т. Н. Толстая. – М.: Подкова, Иностранка, 2000. – 384 с.
181. Толстой Л. Н. Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят? / Л. Н. Толстой // Собрание сочинений в 22 тт. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 15. – С. 10-32.
182. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
183. Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей / Е. О. Труфанова. – Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 13-33.
184. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / О. Уайльд; пер. с англ. М. Абкиной. – М.: Профиздат, 2007. – 239 с.
185. Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения / А. И. Уемов. – М.: Издательство академии наук СССР., 1962. – 184 с.
186. Уханова Е. В. У истоков славянской письменности / Е. В. Уханова. – М.: ИД Муравей, 1998. – 240 с.
187. Фаворский В. А. О книге / В. А. Фаворский // Рассказы художника-гравера. – М.: «Дет. лит.», 1976. – С. 40-52.

188. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х тт. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 2. (Е-Муж). – 672 с.
189. Федяев Д. М. Бытийный импрессионизм Александра Блока : монография / Д. М. Федяев. – Омск: ОмГПУ, 2002. – 97 с.
190. Федяев Д. М. Литературные формы приобщения к бытию : монография / Д. М. Федяев. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – 141 с.
191. Фейербах Л. Писатель и человек. Собрание юмористически-философских афоризмов // История философии. Собрание произведений : в 3 тт. / Л. Фейербах. – М.: Мысль, 1974. – Т. 1. – С. 413-512.
192. Философский энциклопедический словарь / Ред. Е. Ф. Губский. – М.: Инфра-М, 1998. – 576 с.
193. Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. Лекция VI // Сочинения : в 2 тт. / И. Г. Фихте. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. 2. – С. 435-454.
194. Флоренский П. А. Исследования по теории искусства / П. А. Флоренский // Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии; сост. игумена Андроника (А. С. Трубачева); ред. игумен Андроник (А. С. Трубачев). – М.: Мысль, 2000. – С. 80-389.
195. Французский материализм XVII века: учение об обществе : хрестоматия / Пер. с фр. под ред. И. С. Плотникова. – М.: Красанд, 2011. – 264 с.
196. Фуко М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр.; общ. ред. Бр. Левченко. – Киев: Ника-центр, 2003. – 208 с.
197. Фуко М. Что такое просвещение / М. Фуко // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – №2. – М., 1999. – С. 132-149.
198. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Ю. Хабермас. – М.: Издательство «Весь мир», 2008. – 416 с.
199. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер; пер. Э. Сагетдинова. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 320 с.
200. Холл Дж. Словарь символов и сюжетов в искусстве / Дж. Холл; пер. с англ. А. Е. Майкапара. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. – 565 с.

201. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – Киев: Рад. шк., 1989. – 511 с.
202. Человек читающий. Homo Legens. Писатели XX века о роли книги в жизни человека и общества / Сост. С. И. Бэлза. – М.: Прогресс, 1983. – 455 с.
203. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры : монография: в 2 тт. / Т. В. Чередниченко. – Долгопрудный: Аллегро-пресс, 1994. – Т. 1. – 344с.
204. Черный С. Собрание сочинений : в 5 тт. / С. Черный; сост. подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. – М.: Эллис Лак, 1996. – Т. 1. : Сатиры и лирики. Стихотворения. 1906-1915. – 464 с.
205. Чосер, Дж. Кентерберийские рассказы / Дж. Чосер; пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. – М.: Эксмо, 2007. – 768 с.
206. Чтение // Сокровищница духовной мудрости : в 12 тт. – М.: Московская духовная академия, 2009. – Т. 12. – С. 496-499.
207. Шартье Р. Письменная культура и общество / Р. Стаф; пер с фр. и послесл. И. К. Стаф. – М.: Новое издательство, 2006. – 272 с.
208. Шекспир В. Ромео и Джульетта // Полное собрание сочинений : в 14 тт. / В. Шекспир. – М.: ТЕРРА, 1993. – Т. 6. – 544 с.
209. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / Ф. В. Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
210. Шопенгауэр А. Об истории // Собрание сочинений : в 6 тт.; пер. с нем.; под ред. А. Чанышева / А. Шопенгауэр. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2001. – Т. 2. – С. 367-374.
211. Шпенглер О. Закат Европы : в 2-х тт. / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1998. – Т. 2. – 606 с.
212. Эйзенштейн С. Книга – шар [Электронный ресурс] / С. Эйзенштейн. – URL: <http://www.ashtray.ru/main/round%20book.htm> (дата обращения: 22. 12. 2013).
213. Эйнштейн А. Эйнштейн о религии / Альберт Эйнштейн. – М.: Альпина нон-фикшн, 2011. – 144 с.
214. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко; пер. с итал. Е. Костюкович. – СПб., 2005.

215. Эко У. Имя розы / У. Эко; пер Е. Костюкович – М.: Книжная палата, 1989. – 496 с.
216. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко; науч. ред. пер. К. А. Чекалова. – СПб.: Алетейя, 2003. – 256 с.
217. Эко У. Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках / У. Эко; пер. с итал. М. Визель, А. Ю. Миролюбова. – СПб.: Симпозиум, 2010. – 416 с.
218. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У. Эко // Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998. – URL: <http://www.philosophy.ru/library/eco/internet.html> (дата обращения: 22. 12. 2013).
219. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.
220. Эпштейн М. Виртуальные книги / М. Эпштейн // Звезда. – 2004. – №8. – С. 218-234.
221. Этнография : учебник / Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. – М.: Высш. школа, 1982. – 320 с.
222. Ямпольский М. Демон и лабиринт / М. Ямпольский. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 336 с.
223. A companion to the history of the book / Edited by Eliot S., Rose J. – Oxford: Blackwell Publishing, 2011. – 616 p.
224. Briggs A. Burke, P. From steam to electricity / A. Briggs // A. Briggs [and others] // A social history of the media: from Gutenberg to the Internet – Malden: Blackwell publishing Ltd., 2005. – P. 104-119.
225. Darnton K. The case for books: past, present and future / K. Darnton. – New-York: Public affairs, 2010. – 265 p.
226. Douglas Y.J. The end of books – or books without end? Reading interactive narratives / Y. J. Douglas. – Michigan: The university of Michigan press, 2000. – 206 p.
227. Febre L., Martin H.-J. The coming of the book / L. Fevre, H.-J. Martin. – London: Verso., 1976. – 378 p.

228. Hayes K.J. Superstitions and the book / K. J. Hayes // Folklore and book culture. – Knoxville: University of Tennessee press, 1997. – P. 44-59.

229. Kress G. Visual and verbal modes of representation in electronically mediated communication: the potentials of new form of text / G. Kress // Page to screen. Taking literacy into the electronic era; edited by Ilana Snyder. – London: Routledge, 1998. – P. 53-80.

230. Lanham R. A. The electronic word: democracy, technology and the arts / R. A. Lanham. – Chicago: The university of Chicago press, 1993. – 302 p.

231. Madan A. Materials for writing and form of books / A. Madan // Reader in the history of books and printing; edited by Winckler P.A. – Colorado: Information Handling services, 1983. – P.31-36.

232. Morgan E. Derrida's garden [Digital resource] / E. Morgan // Fillip. – URL: <http://fillip.ca/content/derridas-garden> (дата обращения: 23. 12. 2013).

233. Ong W.J. The presence of the word: some prolegomena for cultural and religious history / W. J. Ong. – Binghampton: Global Academic Publishing, 1967. – 360 p.

234. Proust M. Du Côté de Chez Swann / M. Proust. – Hayes Barton Press, 1927. – 301 p.

235. The future of the book / Edited by Geoffrey Nunberg; with an afterword by Umberto Eco. – Los Angeles: University of California press, 1996. – 306 p.